

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Новосибирский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

ЛЫСЕНКО НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА

ИДЕАЛ СИБИРСКОГО СВЯЩЕННИКА-МИССИОНЕРА
В ОФИЦИАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Н. Н. Родигина

Новосибирск 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕАЛА СВЯЩЕННИКА-МИССИОНЕРА В СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.....	50
1.1. Нормативно-правовая основа деятельности священника-миссионера в Сибири.....	50
1.2. Влияние природно-климатических условий Сибири на формируемый идеал.....	60
1.3. Роль социально-экономических факторов в формировании идеала.....	70
1.4. Социально-культурные аспекты конструирования идеала.....	88
1.5. Влияние духовных православных институтов на содержание идеала.....	101
ГЛАВА 2. СОДЕРЖАНИЕ ИДЕАЛА СВЯЩЕННИКА-МИССИОНЕРА В ОФИЦИАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	124
2.1. Авторы и источники формирования идеала сибирского священника-миссионера второй половины XIX – начала XX в.....	124
2.2. Компоненты идеала миссионера второй половины XIX в.....	145
2.3. Эволюция идеала священника-миссионера в начале XX в.....	157
2.4. Реакция общества на идеал священника-миссионера во второй половине XIX – начале XX в.....	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	179
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	187

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Изучение разных аспектов истории Русской православной церкви в наши дни является научно значимым и актуальным. История православной церкви и миссионерских институтов второй половины XIX – начала XX в. неотделима от истории России и ее восточных регионов. Миссионеры способствовали освоению Сибири и включению ее в единое политическое, экономическое, социокультурное пространство империи. Опыт православной церкви в процессе миссионерской деятельности, которая сыграла важную роль в установлении межнациональных отношений и выработала свои механизмы взаимодействия с коренным населением, представляет большой интерес, так как в многонациональном Российском государстве традиционно актуальна проблема сосуществования народов с разным вероисповеданием.

Интерес к идеальному образу священника, конструировавшемуся религиозной периодикой, объясняется несколькими причинами. Во-первых, его исследование позволяет понять мнения религиозных деятелей о том, какими характеристиками должен обладать священнослужитель в «отдаленной азиатской окраине», какие функции он должен выполнять, чтобы наиболее эффективно осуществлять свою деятельность. Миссионер в глазах местного населения был представителем государственной власти и от того, какими характеристиками обладал миссионер и как он взаимодействовал с местным населением, зависело отношение к официальной власти. Во-вторых, его изучение расширяет существующие в науке представления об образе Сибири и ее населения в сознании русских интеллектуалов.

Обращение к идеалу миссионера включает в себя характеристику институтов его конструирования и трансляции, а также вопрос об источниках его формирования. Одним из авторитетных институтов формирования и трансляции общественного мнения была периодическая печать. Анализ

религиозной прессы второй половины XIX – начала XX в. позволит выявить представления об идеале священника-миссионера в индивидуальном и общественном сознании россиян и определить контексты его формирования.

Степень изученности темы. Все работы, которые относятся к теме диссертационного исследования, можно разделить на несколько групп по проблемно-хронологическому принципу. В первую группу объединим исследования духовных миссий Сибири второй половины XIX – начала XX в. Изучение научных трудов, посвященных духовным миссиям и миссионерской деятельности, проводимой Русской православной церковью (РПЦ) в Сибири, позволит выявить представления о сибирских священниках-миссионерах и понять, как миссии повлияли на формирование идеала священника-миссионера.

В досоветской историографии интерес представляют работы Н. А. Абрамова, А. И. Сулоцкого, В. Герасимова, Е. Елисеева, З. Козлова, в которых на основе архивных материалов были подробно изучены этапы христианизации Сибири, история миссий Северо-Западной Сибири и биографии сибирских архиереев, сыгравших большую роль в развитии миссионерства¹. Авторы отмечали большой вклад РПЦ и духовных миссий в просвещении аборигенов, проживавших на территории Сибири. Они указывали на мирные взаимоотношения коренных жителей и русских, в том числе представителей церкви, путем убеждения, привнесших основы христианской веры в Северо-Западную Сибирь.

---

¹ Абрамов Н. А. О введении христианства у березовских остяков // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. № 12. Отд. 5. С. 1–22; Сулоцкий А. И. Миссионерства Березовского края – Обдорское, Кондинское и в особенности Сургутское // Странник. 1869. Т. 3. С. 102–115; Герасимов В. Н. Древний и современный Ляпин // Сибирская торговая газета. 1887. № 113. С. 3; № 114. С. 2; № 115. С. 3; Елисеев Е. О епархиальной миссии // Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 20. С. 450–451; Козлов З. Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской школы, за 65 лет ее существования (1844–1909 гг.) // Тобольские епархиальные ведомости. Школьный листок. 1910. № 16. С. 121–126; Об инородческом Севере // Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 6. С. 123–127; Из истории обращения инородцев Севера Тобольской епархии в христианство // Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 15. С. 330–333.

Одними из первых, кто изучал православные духовные миссии, были сами миссионеры². Так, в работах иеромонаха Иринарха и Василия Бирюкова освещена история Обдорской миссии. Миссионер С. Ландышев написал историю создания Алтайской духовной миссии, раскрыл личный вклад архимандрита Макария в организацию миссии.

П. Н. Милюков отмечал приверженность государства к идее веротерпимости³. Христианство, по мнению представителей власти, было чуждо вероисповедных разделений. Под веротерпимостью понималось право других народностей исповедовать свою веру, тогда как русский мог придерживаться только православия. Таким образом, церковь перешла от выполнения религиозной функции к надзорной и полицейской, а миссия от цивилизаторских задач к церковно-государственным.

Неоднозначно к миссионерской деятельности РПЦ относились представители сибирского областничества – С. С. Шашков, А. П. Щапов и Н. М. Ядринцев⁴. В их работах дана критическая оценка церковной деятельности и государственной политики в отношении коренного населения Сибири, к которому относились как к «покоренному и, следовательно, подневольному племени». Аборигены, по замечанию С. С. Шашкова, сопротивлялись учреждению миссий, боясь потерять свою национальную самобытность. С. С. Шашков оценивал миссионерскую деятельность как трудную и одновременно выгодную, сулящую награды и материальные поощрения. Способных людей, знающих язык местного населения, нравы, обычаи, завоевавших любовь и уважение аборигенов, было недостаточно,

---

² Софронов В. Ю. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII – начало XX вв.). Тобольск, 2005. Ч. 1. С. 18; Ландышев С. Некоторые сведения об учреждении Алтайской духовной миссии и об ее основателе о. архимандрите Макарии // Миссионер. 1877. № 3. С. 17–18; № 4. С. 25–30; № 6. С. 41–44; № 8. С. 57–59; № 9. С. 65–68 и др.

³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Пг., 1916. Ч. 2: Церковь и школа (вера, творчество, образование). С. 124.

⁴ Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 548–632; Щапов А. П. Сочинения: в 3 т. СПб., 1906; Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

поэтому иногда миссионерами становились люди, не окончившие даже курса уездного училища⁵.

Таким образом, в досоветской историографии доминировало мнение, согласно которому, с одной стороны, деятельность духовных миссий в Сибири способствовала просвещению аборигенов, с другой – христианизация коренного населения оценивалась как поверхностная и угрожающая утратой традиционной культуры. По мнению исследователей, для достижения результатов в своей деятельности миссионерам необходимо было быть образованными, знать язык и нравы местного населения и воздействовать на аборигенов только мирными способами.

В советской историографии деятельность духовных миссий получает негативную оценку, что связано с осуждением церковной политики государства по отношению к коренному населению Сибири. Данная точка зрения доминировала в исследованиях 20–30-х гг. XX в. В работах А. Г. Базанова, посвященных изучению деятельности миссионерских школ на Крайнем Севере с XVIII в. по 1917 г., миссионерская деятельность выступала в качестве «орудия царизма» в деле колонизации края⁶. А. Г. Базанов считал справедливой оценку царской России как «тюрьмы народов», «постепенно удушающей малые народности на окраинах страны». Уничтожение национальных черт у населения и превращение его в послушных православных христиан, как по духу, так и по образу жизни, преследовало цель «эксплуатации природных богатств, грабежа и русификации населения окраин страны»⁷.

Миссионерство в начале XVIII в., сопровождаемое, по словам А. Г. Базанова, актами насилия, привлекало детей коренных этносов с целью подготовки из них помощников миссионеров. Позже, в связи с изменением государственной политики по отношению к коренному населению

---

⁵ Шашков С. С. Указ. соч. С. 593.

⁶ Базанов А. Г. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939; Базанов А. Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере. (Тобольский Север). Л., 1936.

⁷ Базанов А. Г. Очерки по истории... С. 5.

и установлению веротерпимости, миссионерам, по замечанию советского исследователя, пришлось отказаться от насильственных методов в своей деятельности. Дальнейшее увеличение миссий и миссионерских школ не привело к улучшению хозяйственного и культурного уровня аборигенов. Выпускники школ, по мнению А. Г. Базанова, спивались, погибали или становились эксплуататорами местной бедноты, чем вызывали к себе ненависть, но никак не способствовали распространению христианства среди туземцев⁸.

С. В. Бахрушин охарактеризовал российскую государственную политику, проводимую в Сибири, как колониционную. Автор отмечал, что огромную роль в освоении Сибири играла церковь, способствующая расширению территорий⁹. Крещение местного населения, по мнению С. В. Бахрушина, носило массовый и принудительный характер, не содействовало освоению русской культуры.

Работы 40–60-х гг. XX в. характеризовали миссионерскую деятельность с позиции марксистской науки, но в то же время в них отмечалось положительное значение принятия православия коренным населением Сибири. И. И. Огрызко, изучивший религиозные представления хантов и манси, и Н. А. Свешников, продолживший работу И. И. Огрызко, уделив свое внимание периоду второй половины XIX – начала XX в., отмечали насильственный характер христианизации местных народов Сибири¹⁰. Отдельные исследователи упоминали и о благоприятных последствиях христианизации сибирских народов. Так, в работе Ф. А. Кудрявцева выявлены положительные и отрицательные результаты деятельности миссионеров в деле просвещения аборигенов¹¹. Отказ от

---

⁸ Базанов А. Г. Очерки по истории... С. 56.

⁹ Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. СПб., 1922. Вып. 2. С. 18–83.

¹⁰ Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941; Свешников Н. А. Христианизация народов Нижнего Приобья // Ученые записки Енисейского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. 3. С. 9–111.

¹¹ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа (от XVII до 60-х годов XIX вв.). М.; Л., 1940.

однозначно негативной интерпретации миссионерской деятельности в отношении коренного населения региона был связан, на наш взгляд, с большей лояльностью государственной идеологии в отношении РПЦ после Великой Отечественной войны и влиянием «оттепели» на отечественную историческую науку.

В 70-е гг. XX в. появляются исследования, которые в оценке деятельности РПЦ в Сибири фиксировали преобладание ненасильственных методов работы миссионеров¹². Одной из первых в советской историографии работ, в которой дана положительная оценка деятельности духовных миссий, была монография Н. А. Миненко¹³. Автор пишет о мирном способе освоения Зауралья и добровольном принятии христианства местными жителями. Точку зрения Н. А. Миненко о ненасильственном принятии христианства аборигенами поддержал Л. М. Дамешек, который наряду с мирными, отметил использование насильственных методов в миссионерской деятельности¹⁴.

В сборнике «Русское православие: вехи истории» (1989) присутствует противоположная точка зрения. Так, Н. А. Смирнов отмечает насильственный характер миссионерской деятельности РПЦ, проводимой на территории Российской империи, характеризующейся принудительным насаждением православия среди населения, исповедующего другие религии, и использованием полицейско-административных мер¹⁵. Миссии не только не способствовали культурному развитию населения, но содействовали русификации и уничтожению традиционной культуры. В качестве причин низкой результативности миссионерской деятельности автор называет указы конца XIX в. и манифест 1905 г. о свободе совести, критиковавшиеся духовенством, которое, по мнению Н. А. Смирнова, было врагом прогресса и стояло на основах религиозной нетерпимости.

---

¹² Шорохов Л. П. Церковь в Сибири в конце XVI–XVIII вв. Новосибирск, 1971.

¹³ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.

¹⁴ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986.

¹⁵ Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://books.atheism.ru/files/russkoe_pravoslavie.html (дата обращения: 27.04.2014).

Советская историография, как правило, приписывала миссионерской деятельности принудительный характер, а миссионеры выступали в качестве инструмента освоения территории Сибири и русификации местного населения. Привлечение к миссионерской работе аборигенов, по мнению исследователей, не только не способствовало распространению православия, но и отталкивало от принятия христианской веры сибирское автохтонное население. В 70–80-х гг. XX в. происходит частичная переоценка миссионерской деятельности. Историками отмечалось как положительное, так и отрицательное влияние деятельности миссий на коренное население Сибири.

Для российской историографии конца XX в. характерен отход от доминирования марксистско-ленинской методологии и от интерпретации роли церкви с негативных оценочных позиций. Изменение общественно-политического строя государства повлияло на все сферы общества, в том числе на историческую науку. Современные авторы, наряду с отрицательными, стали отмечать и положительные стороны деятельности духовных миссий. В. С. Глаголев в статье «Геополитические аспекты христианизации Восточной Сибири и российского Дальнего Востока» отмечает, что христианизация этих двух регионов, происходившая с середины XVII в. до 1917 г., не носила насильственный и принудительный характер¹⁶. Миссионеры руководствовались в своей деятельности желанием приобрести союзников, налаживали общение с аборигенным населением на базе русского и местных языков, участвовали в освоении новых территорий с апостольским рвением.

В монографии В. А. Федорова «Русская православная церковь и государство» затронуты ключевые сюжеты истории русской церкви синодального периода, в том числе кратко охарактеризована внутренняя миссия, работавшая как с коренными народами Севера, Сибири и Дальнего

---

¹⁶ Глаголев В. С. Геополитические аспекты христианизации Восточной Сибири и российского Дальнего Востока // Христианство на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. Ч. 1–2. С. 18–22.

Востока, так и со старообрядцами, сектантами, буддистами, протестантами, католиками и мусульманами¹⁷. По мнению историка, миссионерская деятельность во второй половине XIX в. приобретает четкую организацию благодаря Православному миссионерскому обществу (ПМО), содействовавшему подготовке кадров для миссий, строительству церквей, школ и больниц, обеспечивавшему материальное содержание миссионеров, в том числе помогая им вещами, книгами и деньгами. Автор отмечает, что среди миссионеров было немало энтузиастов, самоотверженно выполнявших свой долг. Проповедники знали местные языки, которым их обучали в 15 духовных семинариях Казанской, Иркутской и других епархий, занимались врачеванием и помогали в устройстве хозяйственного быта местного населения. В конце XIX в. миссионерами становились представители аборигенов, которых готовили в Казанской учительской семинарии и в Бийском катехизаторском училище. В. А. Федоров указывает на то, что христианизация коренного населения не привела к ассимиляции с русскими, а способствовала сохранению и развитию местных языков и появлению у аборигенных народов письменности¹⁸.

Одной из обобщающих работ по теме является монография А. В. Дулова и А. П. Санникова «Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков»¹⁹. Авторами была изучена миссионерская деятельность на территории Восточной Сибири, выявлен ее характер и основные результаты. В работе приводятся мнения сибирских архиереев об основах работы миссионеров: Московского митрополита Иннокентия Вениаминова и архиепископа Иркутского Иринея. В целом, авторы отмечают насильственный характер миссионерской деятельности на территории Восточной Сибири вплоть до начала XX в. Причину низкой результативности духовных миссий авторы видят в отсутствии

---

¹⁷ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003.

¹⁸ Федоров В. А. Указ. соч. С. 135.

¹⁹ Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. Иркутск, 2006.

подготовленных профессиональных кадров, не обладавших высокими нравственными качествами.

А. Б. Ефимов исследовал историю миссионерской деятельности РПЦ с X по XX век²⁰. Автор дал оценку роли православия в становлении самосознания русской нации и показал его влияние на другие народы, проживающие на территории России. Он охарактеризовал процесс становления централизованной организации миссионерства и описал наиболее выдающихся миссионеров. А. Б. Ефимов выделил несколько условных этапов развития миссионерства. Так, период 1827–1870 гг. был отмечен подъемом миссионерской деятельности, возникновением системы миссионерского просвещения, подготовкой кадров миссионеров. Завершается этап возникновением Православного миссионерского общества. На 1870–1905 гг. приходится пик расцвета миссионерства. С 1905–1917 гг. большое влияние на миссионерство оказывают учения социализма и атеизма и распространение сект²¹. Мы использовали периодизацию А. Б. Ефимова для выяснения зависимости эволюции идеала священника-миссионера в изданиях РПЦ от развития института миссионерства в Российской империи изучаемой нами эпохи.

Е. И. Кочеткова охарактеризовала отечественную историографию миссионерской деятельности РПЦ во второй половине XIX – начале XX в.²² Основное внимание автор сконцентрировала на советской историографии, которая, по оценке Е. И. Кочетковой, прекратила изучение миссионерской работы РПЦ, а в немногочисленных работах Н. В. Никольского, Ю. М. Ивонина, сборнике «Русское православие: вехи истории» миссионерская деятельность оценивалась как насильственная и реакционная. Мы опирались на наблюдения Е. И. Кочетковой о современном состоянии

---

²⁰ Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М, 2007.

²¹ Ефимов А. Б. Указ. соч. С. 20–21.

²² Кочеткова Е. И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. (к историографии вопроса, 60-е гг. XX – начале XXI вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2. С. 75–83.

историографии миссионерской деятельности РПЦ в целом и деятельности миссий в отдельных регионах страны.

С начала 1990-х гг. ряд исследователей стал изучать духовные миссии в контексте миссионерской деятельности РПЦ в разных регионах страны. Исследования Ю. А. Крейдун, Г. Ш. Мавлютовой, Н. В. Расовой, В. Ю. Софронова охватывают историю духовных миссий второй половины XIX – начала XX в., работы А. А. Ипатьевой и З. А. Шагжиной имеют более широкие хронологические рамки – с XVII по начало XX вв.²³ Общим в трудах названных авторов является выявление законодательной базы государственной политики, регламентировавшей деятельность духовных миссий, исследование истории создания отдельных миссий, их состава и характера деятельности в Сибири.

В. Ю. Софронов, изучивший деятельность духовных миссий Западной Сибири, отмечает, что результативность институтов РПЦ зависела от личности миссионера и активности епархиального епископа²⁴.

Особенно подробно изучена история, деятельность, структура, состав Алтайской духовной миссии²⁵. Пристальное внимание исследователей к ее

---

²³ Асочакова В. Н. О миссионерской деятельности в Хакасско-Минусинском крае во второй четверти – середине XIX в. (по отчетам священнослужителей) // Макарьевские чтения : материалы седьмой международной конф. Горно-Алтайск, 2008. С. 25–37; Ипатьева А. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1999; Крейдун Ю. А. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 годы: структура и деятельность. М., 2008; Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX–XX в.). Тюмень, 2001; Расова Н. В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на Алтае в XIX–нач. XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002; Софронов В. Ю. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII – начало XX вв.). Тобольск, 2005. Ч.1; Софронов В. Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII–начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2007; Харченко Л. Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX в.–февраль 1917 г.). Очерк истории. СПб., 2004; Шагжина З. А. Миссионерская деятельность РПЦ в Забайкалье (2-я половина XVII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000; Юрганова И. И. Из истории миссионерства в Якутии (публикация документов) // Якутский архив. № 3 (7). С. 91–94.

²⁴ Софронов В. Ю. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность... С. 114.

²⁵ Адлыкова А. П. Монастыри Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX века. Горно-Алтайск, 2006; Бородавкин А. П., Храпова Н. Ю. К вопросу о культурно-просветительской деятельности архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) – идеолога и основателя Алтайской духовной миссии // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. 15. С. 14–21; Ерошов В. В. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово. 1995; Иванов К. Ю. Алтайская духовная миссия: старообрядцы и инородцы (по миссионерским отчетам) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 233–234; Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998; Крейдун Ю. А. Возникновение Алтайской духовной

истории обусловлено признанием предшественниками и современниками миссии как одной из самых показательных и эффективных, выработавшей, по замечанию В. В. Ерошова, новые основы миссионерского дела, заключающиеся в изучении миссионерами языков местного населения, их мировоззрения и образа жизни, что изменило подход в работе с коренным населением.

Выявить функции миссионеров, их обязанности и предъявляемые к ним требования позволяют научные труды, посвященные изучению различных видов деятельности духовных миссий в Сибири: образовательной, медицинской, благотворительной и др.²⁶

Большое внимание уделяется исследованию духовного наследия сотрудников духовных миссий в Сибири. В работе Б. И. Пивоварова изучены разножанровые тексты алтайских миссионеров и предпринято археографическое и библиографическое исследование трудов сотрудников Алтайской духовной миссии²⁷. П. Мушкин, изучив миссионерские записки Д. Хитрова, А. Аргентова и Н. Запольского, описал деятельность священнослужителей среди чукчей²⁸. Автор отмечает, что миссионерская деятельность была основана исключительно на самоотверженности. Суровый климат, «дикость» местного населения, беззащитность и отсутствие

миссии // «К Свету»: Православный Алтай: небесный покров и земной подвиг: альманах. М., 2002. Вып. 20. С. 42–43; Пивоваров Б. И. Алтайская духовная миссия и алтайские миссионеры // Из духовного наследия алтайских миссионеров. Новосибирск, 1998.

²⁶ Быкова А. Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2012; Зверев В. А., Караваева, Е. В. Санитарно-просветительская и медицинская деятельность Русской православной церкви в деревне Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 59–64; Караваева Е. В. Подготовка священнослужителей к оказанию санитарной и медицинской помощи сельскому населению в конце XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 4/1. С. 96–100; Наумова Н. Н. Церковноприходские школы и школы грамоты Восточной Сибири в 1884–1917 гг.: на материалах Иркутской и Енисейской епархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002; Николаев В. В. Реконструкции в этносоциальных исследованиях по Северному Алтаю (XIX – начала XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. (23). С. 156–159; Тресвятский Л. А. Влияния православной культуры на духовную жизнь в Сибири в XVII – начале XX вв. Новокузнецк, 2006; Поздняк С. В. Роль православной церкви в формировании книжной культуры на юге Дальнего Востока в середине XIX – начале XX вв. // Христианство на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. Ч. 1–2. С. 65–69.

²⁷ Пивоваров Б. И. Алтайская духовная миссия и алтайские миссионеры // Из духовного наследия алтайских миссионеров. Новосибирск, 1998.

²⁸ Мушкин П. Русские миссионеры у чукчей // Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще: в 6 т. Тверь, 2013. Т. 2.

возможности удовлетворить даже самые простые потребности – вот тот набор условий, с которыми приходилось сталкиваться миссионерам. Деятельность миссионера была миролюбива, проста, нравственна и приближена к нравам и понятиям коренного населения.

В работах Н. П. Матхановой проанализирован комплекс мемуаров сотрудников Алтайской духовной миссии²⁹. Автор характеризует особенности данного корпуса источников, показывает генетическую близость записок миссионеров как к мемуарам, так и к делопроизводственной документации, выявляет основные сюжеты, содержащиеся в текстах миссионеров. Н. П. Матханова первой поставила вопрос о необходимости изучения образа, модели миссионера, отражающих нормы и ценности эпохи создания мемуаров.

Оценка отечественной историографией духовных миссий во многом зависела от внутренней политики государства в тот или иной период. Причиной идеализации деятельности духовных миссий, взаимоотношений местного населения и представителей церкви в XIX в. в досоветской историографии был статус церкви, являвшейся одним из государственных институтов. Негативная оценка деятельности миссий и признание насилия как ведущего метода крещения местного населения в советской историографии объясняется негативным отношением государства к церкви и желанием разоблачить ее методы и идеологию. Ситуация изменилась только к концу XX в., когда начало меняться отношение государства и общества к церкви, с последующим укреплением ее позиций в XXI в.

Несмотря на неоднозначную оценку деятельности православной церкви за Уралом, представленную в отечественной историографии, историками был выявлен большой пласт архивных данных и документов, что дает возможность определить и положительные, и отрицательные результаты деятельности духовных миссий на территории Сибири. Таким образом,

---

²⁹ Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010; Ее же. Сибирская мемуаристика второй половины XIX в.: корпус, разновидности, жанры // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 21–25; и др.

отечественные исследователи духовных миссий подробно изучили формы и методы деятельности миссий в разных регионах страны, особо уделив внимание медицинской, благотворительной и культурной работе миссий. Выявлены и охарактеризованы фонды, документы и отчеты миссий. Одним из сюжетов в изучении духовных миссий выступает реконструкция биографий начальников и представителей миссий и их вклад в работу миссий. Накопленный материал позволяет выявить те условия, которые повлияли на формирование идеала миссионера, создает предпосылки для понимания соотношения идеала и реальности в деятельности священников-миссионеров.

Деятельность сибирских миссий входит и в сферу внимания зарубежных историков. Как правило, она затрагивается при рассмотрении сюжетов, связанных с формированием национального самосознания и национальной политики позднеимперского периода, историей религиозно-национальных отношений. Исследование Ю. Слѣзкина посвящено изучению формирования самоидентификации русских, конструировавшей при взаимодействии коренных народов Сибири с институтами власти, в том числе и духовенством³⁰. Священнослужители, по замечанию автора, должны были способствовать переходу аборигенов из кочевого образа жизни к оседлому, используя только методы убеждения, минимально вмешиваясь во внутренние дела коренных жителей. В 2001 г. под редакцией Р. Джераси и М. Ходорковского был опубликован сборник статей, посвященный истории миссионерской деятельности, обращению в православие и проблеме веротерпимости в России³¹. Авторами сборника были актуализированы вопросы о связи обращения в православие и русификации, о характере зависимости этнической и религиозной идентификации и самоидентификации. Для нас представляют интерес выводы М. Ходорковского, С. Кана, Д. Шорковитца о роли миссий в религиозной

---

³⁰ Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.

³¹ Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ithaca and London, 2001.

политике Российской империи на разных этапах ее развития. В частности, об экстраординарной связи православной миссии с государством, отличающей ее от западных аналогов, о причинах этой связи, о специфике православного миссионерства и его отличиях, к примеру, от католического³².

В том же году была опубликована монография Р. Джераси «Окно на Восток: национальная и имперская идентичности в позднеимперской России»³³. В 2013 г. книга была переведена на русский язык и опубликована издательством «Новое литературное обозрение»³⁴. Несмотря на то, что работа посвящена проблеме взаимоотношений русского большинства и нерусских меньшинств в Поволжско-Уральском крае, для нас оказались продуктивными наблюдения историка о том, как в процессе крещения и попыток «удержать в православии» татар русские священники, чиновники, педагоги, публицисты, студенты меняли представление о собственной религиозной и национальной идентичности.

Г. Л. Фриз отмечал, что изменение государственной политики по отношению к церкви, проявившееся наиболее четко в начале XX в., привело к попытке РПЦ добиться большей самостоятельности, демократизации и соборности, основанной на идеале коллективности³⁵.

Исследования П. Верта по истории религиозного своеобразия Российской империи дали основания для сравнения деятельности православных миссий в Сибири и других окраинных регионах, расширили наши представления об этническом разнообразии внутри православного сообщества, причинах и последствиях этого разнообразия³⁶. Особенно важными для нас стали выводы автора об эволюции религиозного законодательства в период с 1905 по 1917 гг.

---

³² Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ithaca and London, 2001. P. 3, 140–141.

³³ Geraci R. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London, 2001.

³⁴ Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013.

³⁵ Фриз Г. Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 107–118.

³⁶ Wert P. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca, 2002; Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.

Ко второй группе отнесем исследования, посвященные изучению государственной политики по отношению к коренному населению Сибири, которые помогут определить корреляцию идеала миссионера и взглядов правительственных кругов на «инородческий вопрос».

Первые научные труды, затрагивающие вопросы государственной аборигенной политики, появляются во второй половине XIX в. Представители областнического движения Г. Н. Потанин, С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев отмечали негативное влияние государственной политики на хозяйственное и культурное развитие аборигенов³⁷. Другого взгляда на процесс вхождения коренного населения в пространство Российского государства придерживались сторонники правительственной политики, указывавшие на благоприятное влияние колониационного процесса на «инородцев»³⁸. Так, Г. Ф. Чиркин, один из редакторов журнала «Вопросы колонизации», отмечал, что колонизация Сибири, имеющая под собой экономические и политические государственные задачи, способствовала развитию культурной и хозяйственной жизни региона.

В советской историографии превалировала точка зрения, согласно которой государственная аборигенная политика способствовала угнетению автохтонного населения Сибири³⁹.

В многотомном издании «Истории Сибири с древнейших времён до наших дней» отражен обобщенный анализ политики самодержавия в отношении аборигенного населения⁴⁰. Для государственной «инородческой»

---

³⁷ Потанин Г. Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. Отд. 1. С. 189–214; Его же. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908; Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Собр. соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 548–632; Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

³⁸ Иконников И. Колонизационные работы в Иркутской губернии // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 144–156; Миропиев М. А. О положении инородцев в Сибири. СПб., 1901; Чиркин Г. О задачах колониационной политики в Сибири // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 1–37.

³⁹ Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929. С. 66–97; Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983; Его же. Внутренняя политика царизма и народы Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Иркутск, 1986; Егунов Н. П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Уде, 1963; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII–первой половине XIX вв. Новосибирск, 1975; Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941; Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX вв.). Якутск, 1978.

⁴⁰ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1968. Т. 3.

политики, с точки зрения издания, была характерна эксплуатация коренного населения, административно-полицейская опека, насильственная русификация, что препятствовало развитию коренных народов. Священники-миссионеры, используя насильственные методы, выступали «инструментом царизма в деле обрусения аборигенов».

В последние два десятилетия советской историографии, интегрирование коренных народов Сибири к России стало оцениваться исследователями как прогрессивное явление. Отметим, что религиозная политика по отношению к «инородческому» населению, по замечанию авторов, выступала как важная часть государственной позиции, которая менялась на разных этапах истории.

В исследованиях постсоветского периода пересматривается опыт Российской империи по включению аборигенного населения в единую структуру государства. В исследовании Е. И. Кэмпбелл (Воробьевой) на основе анализа периодической печати выявлено проблемное поле «инородческого вопроса», заключавшееся в попытках государства сблизить аборигенов и русских⁴¹.

И. Н. Гемуев, В. Н. Курилов, А. А. Люцидарская отмечали продуктивность действий правительственной администрации, учитывавшей интересы аборигенов и способствовавшей увеличению коренного населения Сибири⁴². С. Г. Скобелев на основе широкого круга источников объяснил существующее в историографии расхождение между тезисами об исчезновении коренных народов Сибири и об увеличении их численности, обусловленное политическими, административными, экономическими, религиозными и другими факторами⁴³.

---

⁴¹ Кэмпбелл Е. И. (Воробьева). «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 204–216.

⁴² Гемуев И. Н., Курилов В. Н., Люцидарская А. А. Политика Российского государства по отношению к коренным народам Сибири: от Ермака до наших дней // История и культура коренных народов Южной Сибири с древнейших времен до 1917 г. Материалы междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 2002. С. 157–162.

⁴³ Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998.

А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Е. А. Сенина, характеризуя государственную политику по отношению к «сибирским туземцам» как интеграционную, отмечали, что в ее основе лежали политико-административные и экономические методы⁴⁴. Важной составляющей интеграционного процесса была конфессиональная политика, подразумевавшая распространение православия среди коренного населения.

Содержательный анализ исследований конца XIX – начала XX в., посвященных национальной политике, в том числе изучению «инородческого вопроса», предприняла А. Бахтурина⁴⁵. Автор отметила, что этноконфессиональная политика Российской империи находилась в тесной связи с административно-правовыми и внешнеполитическими преобразованиями.

С точки зрения авторов коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи», действия государственной администрации и православных миссионеров по отношению к сибирским аборигенам были обусловлены экономическими и социокультурными факторами⁴⁶. Составной и важной частью имперской политики была конфессиональная, предполагавшая распространение православия среди коренного населения с целью обрусения народов окраин Российской империи.

По замечанию Н. Г. Суворовой и А. В. Ремнёва, интегрирование Азиатской России в имперское пространство подразумевало собой преодоление цивилизаторского разрыва между «образованными» народами и туземцами через приобщения их к оседлой жизни и христианству⁴⁷. Особая роль отводилась священнику-миссионеру, осуществляющему свою

---

⁴⁴ Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах сибирской печати (вторая половина XIX–XX вв.). Иркутск, 2007; Дамешек Л. М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/011.html> (дата обращения: 20.08.2014); Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: Сборник научных трудов. Барнаул, 2005. С. 257–266.

⁴⁵ Бахтурина А. «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии // Русский национализм: Социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 105–130.

⁴⁶ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

⁴⁷ Ремнёв А. В., Суворова Н. Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // Политика. 2010. № 3-4 (58-59). С. 150–191.

деятельность согласно государственным интересам, предполагавших мирное включение коренных народов Сибири в единое пространство Российского государства.

В целом, постсоветские исследования характеризуют государственную политику в отношении сибирских аборигенов как патерналистскую и интеграционную, отстаивающую в вопросах веры ненасильственность и мирные способы распространения православия в Сибири, что соотносилось с конструируемым идеалом миссионера.

К третьей группе отнесем работы по культурно-интеллектуальной истории, посвященные образам сибирской реальности в периодической печати второй половины XIX – начала XX в.⁴⁸ Представления о Сибири, о ее границах, статусе, месте в геополитических стратегиях самодержавия отразили в своих работах А. В. Ремнёв, Н. Г. Суворова⁴⁹. На основе анализа периодики, текстов о Сибири историков, географов, чиновников, авторы охарактеризовали представления власти и общества о регионе, выяснили исторический и интеллектуальный контекст их формирования, акцентировали внимание на учете религиозного фактора во внутренней политике правительства в отношении Сибири.

---

⁴⁸ Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ «инородцев» на страницах сибирской печати (вторая половина XIX–XX вв.). Иркутск, 2007; Кузнецова Т. А. Репрезентация Сибири на страницах периодических изданий Русского географического общества во второй половине XIX – начала XX в. // *Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве*. Новосибирск, 2010. С. 161–165; Ее же. Репрезентации Сибири в иллюстрированных еженедельных журналах конца XIX – начала XX в. // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: материалы Международной молодёж. науч. конф.* Новосибирск, 2014. С. 155–160; Ледовских А. Ю. Актуализация и обсуждение сибирского «инородческого вопроса» в общественно-политической журнальной прессе пореформенной России: реальная проблема или вариант самопрезентации? // *Вопросы истории Сибири*. Омск, 2010. Вып. 2. С. 103–116; Ремнёв А. В. Колония или окраина?: Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // *Российская империя: стратегии стабилизации и опыта обновления*. Воронеж, 2004. С. 112–143; Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006; Ее же. Тема Сибири в частных и официальных педагогических журналах второй половины XIX – начала XX в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 4. С. 19–23; Юдельсон А. В. Сибирь в русской социальной утопии: (к истории формирования образа) // *Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX в.* Кемерово, 1997. С. 128–138; и др.

⁴⁹ Ремнёв А. В. Колония или окраина?: Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // *Российская империя: стратегии стабилизации и опыта обновления*. Воронеж, 2004. С. 112–143; Его же. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358; Его же. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004; Его же. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX вв. // *Российская империя в сравнительной перспективе*. М., 2004. С. 286–319; Ремнёв А. В., Суворова Н. Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // *Исторические записки*. 2008. № 11 (29). С. 132–179.

В комплексном подходе к изучению образа региона, предложенном Н. Н. Родигиной, под образом понимается, во-первых, отражение в общественном мнении представлений о регионе, базирующихся на знании о нем, во-вторых, интеллектуальный конструкт коллективного воображения, который сознательно или самопроизвольно конструировался интеллектуальными и политическими элитами. В пореформенную эпоху, по мнению исследовательницы, именно печать выступила институтом формирования и трансляции информации о регионе. Проанализированные подходы к исследованию образов представляют интерес при изучении идеального образа священника-миссионера как интеллектуального конструкта и феномена общественного мнения, формируемого печатью. Нами были учтены наблюдения историка о специфике освещения деятельности православных миссий в Сибири на страницах специализированных исторических журналов, что дало основания для сравнения отражения данного сюжета в религиозной и светской периодике изучаемой эпохи.

А. Ю. Ледовских проанализировала освещение «инородческого вопроса» российской журнальной прессой второй половины XIX – начала XX в.⁵⁰ Е. П. Ковалюшкина в своем исследовании сконцентрировала внимание на изучении взглядов областников на «инородческий вопрос», опровергая выводы советской историографии о недооценке областниками благотворного влияния русской культуры на сибирских аборигенов⁵¹.

Большое влияние на замысел диссертационного исследования оказали работы американского историка М. Бассина, показавшего место Сибири в конструировании русскими интеллектуалами географического пространства, в том числе, на основании анализа материалов периодической печати,

---

⁵⁰ Ледовских А. Ю. «Инородческий вопрос» в Сибири на страницах специализированных географических изданий второй половины XIX–начала XX в. // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». 2006. Т. 5. Вып. 1. (дополнительный), история. С. 46–50; Ледовских А. Ю. Проблема вымирания сибирских «инородцев» в российской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв. // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: Сборник научных статей. Омск, 2007. Вып. 10. С. 124–131.

⁵¹ Ковалюшкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005.

раскрывшего роль этих представлений в формировании русской национальной идентичности⁵².

К четвертой группе отнесем исследования, посвященные изучению социального статуса сословия духовенства во второй половине XIX – начале XX в. Б. Н. Миронов, охарактеризовав сословие духовенства, отмечал наличие недовольства церкви работой церковнослужителей. По его мнению, выполнение светской властью роли общественных стражей привело к церковным реформам 1860–1870-х гг.⁵³ С одной стороны, благодаря проведенным реформам, была разрушена наследственная передача священнического сана. С другой – одновременное размывание сословия духовенства сопровождалось сохранением преобладания детей духовенства среди священнослужителей.

Влияние модернизации на трансформацию духовенства как сословной группы показано Т. Г. Леонтьевой. Исследовательница раскрыла реакцию духовенства на модернизационные процессы, в том числе на секуляризацию сознания, и показала ожидания общества и власти от РПЦ и представителей духовенства. Т. Г. Леонтьева отмечает, что, несмотря на наследственную передачу пасторской профессии из поколения в поколение, сословие духовенства постепенно размывалось за счет выхода детей священнослужителей в другие профессиональные группы (инженеры, врачи, государственные служащие), а также в политическую деятельность, пополняя ряды революционеров⁵⁴.

А. В. Скутнев отмечал, что под влиянием либеральных реформ Александра II, включающих в себя церковные преобразования, сословие духовенства утратило сословные черты и трансформировалось в

---

⁵² Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East 1840-1865*. Cambridge, 2006; Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М., 2005. С. 277–310.

⁵³ Миронов Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. СПб., 1999. Т. 1.

⁵⁴ Леонтьева Т. Г. *Вера и прогресс: православное сельское духовенство дореволюционной России во второй половине XIX – начале XX вв.* М., 2002.

профессиональную группу⁵⁵. Автор указывает на постепенность превращения духовенства в профессию, сосуществовавшее одновременно с сохранением сословных черт, наследственной передачей мест, отсутствием фиксированного жалования.

Влияние церковных реформ, повлекших разрушение сословной замкнутости духовенства и увеличение социальной мобильности, отмечала в своем исследовании Л. К. Дрибас⁵⁶. Пополнение духовенства представителями из других сословий, получение детьми священнослужителей светского образования и последующий отказ от занятия священнических мест, по замечанию автора, наиболее четко проявились к концу XIX в.

Анализ изменения государственной политики по отношению к православному приходскому духовенству и характеристика ее влияния на правовое, социальное и материальное положение священнослужителей в 1825–1870-е гг. представлены в исследовании И. А. Сёмина⁵⁷.

Материально-бытовые условия священнослужителей, систему профессиональных функций и особенности правового положения духовенства второй половины XIX – начала XX в. раскрыты в работе Д. Н. Калашникова⁵⁸. Материальное положение тобольского духовенства исследовал Ю. М. Гончаров⁵⁹.

А. И. Конюченко изучил широкий круг вопросов, касающихся эволюции сословия духовенства: динамику численности, состав, степень мобильности, материальное положение, социально-демографические

---

⁵⁵ Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009.

⁵⁶ Дрибас Л. К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005.

⁵⁷ Сёмин И. А. Государственная политика в отношении православного приходского духовенства: 1825 – 1870-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

⁵⁸ Калашников Д. Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX–начала XX в. (на материалах Курской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011.

⁵⁹ Гончаров Ю. М. Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2010. № 4/2. С. 179–185.

показатели, повседневную жизнь духовенства⁶⁰. Автор отмечал, что переизбыток духовенства в Европейской России предоставлял «доноров» для осваиваемых территорий. Интересным для нас является замечание исследователя о невысоких моральных качествах представителей духовенства, решивших переехать в отдаленные епархии. Среди причин, повлекших переход на другое место, А. И. Конюченко называет крайнюю нужду, конфликт с начальством или местным населением и наказание за проступки.

Н. А. Иванова и В. П. Желтова дали характеристику правового положения сословия духовенства, проследили его эволюцию во второй половине XIX – начале XX в. и выявили процесс размывания сословия в условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу⁶¹.

Попытку изучить сознание, поведенческую модель, особенности самоидентификации группы «поповичей» – детей священнослужителей – предприняла Л. Манчестер⁶². На основе источников личного происхождения автор выявила идеал священнослужителя, отличный для тех, кто посвящал себя духовному или светскому образованию. Важным достижением автора можно назвать использование поколенческого подхода для исследования идентификационного самоопределения представителей сословия духовенства в связи модернизационными процессами в обществе и государстве.

В работе Ю. В. Дружининой раскрыт социальный портрет сельской интеллигенции Западной Сибири, к которой исследовательница относит и священнослужителей. Автором выявлен комплекс поведенческих, культурных, экономических характеристик, присущих сибирскому духовенству⁶³.

---

⁶⁰ Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006.

⁶¹ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М., 2004; Иванова Н. А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2012.

⁶² Manchester, Laurie. Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia. Northern Illinois University press, De Kalb, Illinois, 2008.

⁶³ Дружинина Ю. В. Социальный портрет сельской интеллигенции Западной Сибири начала XX в. на страницах региональной печати (по материалам газеты «Сибирская жизнь» и журнала «Сибирские

Данные труды позволили конкретизировать представление об эволюции правового статуса духовенства, об отношении государства к данной категории населения, о трансформации сословия духовенства под влиянием модернизации и значении социального статуса в процессе формирования идеала священника-миссионера.

В пятую группу включены исследования, освещающие развитие религиозной периодической печати второй половины XIX – начала XX в.

Религиозные издания не привлекали к себе особого внимания как объект исторических и источниковедческих исследований, как в досоветскую, так и советскую эпохи. Изучение церковной периодической печати началось в историко-литературоведческих исследованиях. Первая работа, затронувшая церковную периодическую печать, принадлежит Г. М. Гиголеву. Он выделил два этапа в развитии религиозной периодики, характеризующихся увеличением количества изданий: 1) с 1860-х гг. до конца XIX столетия; 2) с конца XIX века до 1917 г. Г. М. Гиголев выделил основные типы церковных изданий: официальные, богословские, церковно-педагогические, предназначенные для семейного чтения, миссионерские⁶⁴. Автор уделил внимание отражению вопросов литературы и искусства на страницах различных религиозных периодических изданий. Например, сотрудничеству Л. Н. Толстого с религиозной периодикой.

В учебном пособии под редакцией Я. Н. Засурского церковная периодическая печать делится по задачам и группам аудитории, которой они предназначались⁶⁵. Историк журналистики выделил богословские журналы, ориентированные на ученых богословов и высшую церковную иерархию, и обычно издававшиеся при духовных академиях. Данные издания представляли интерес для небольшого круга читателей по причине своего академизма. К изданиям, предназначенным для более широкого круга, он

вопросы») // Актуальные вопросы истории российской провинции: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. Вып. 5. С. 197–206; и др.

⁶⁴ Гиголев Г. М. Церковные здания // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX–XX в. 1890–1904. М., 1982.

⁶⁵ Типология периодической печати: учеб. пособ. М., 1995.

относит народные церковные журналы («Доброе слово», «Домашняя беседа для народного чтения», «Кормчий»). Развивалась сеть детских журналов, ориентированных в основном на учеников церковно-приходских школ («Церковно-приходская школа», «Приходская жизнь») и служивших в то же время учебными пособиями. Я. Н. Засурский выделил также миссионерские издания («Миссионер», «Миссионерское обозрение») и журналы, предназначенные для информирования о философских проблемах религии («Вера и разум», «Странник», «Душеполезное чтение», «Православное обозрение»). Епархиальные ведомости автор причислил к газетному типу изданий. Окончание издания церковной периодики Я. Н. Засурский относит к 1917–1918 гг., когда на смену ей пришли светские антирелигиозные издания.

Духовные периодические издания во второй половине XIX в., по замечанию Г. С. Лялиной, предназначались для борьбы с идеями материализма, атеизма и социализма⁶⁶. С этой целью в них печатались критические статьи о новейших идеях и теориях, которые, с одной стороны, подрывали их, а с другой – проповедовали «под маской учености» христианство.

В 1990-е гг. появляется ряд работ, в центре внимания которых было изучение религиозной периодической печати. В диссертациях С. Г. Зубановой и М. В. Никулина был кратко охарактеризован ряд религиозных периодических изданий, привлеченных в качестве источников изучения роли православной церкви в социальной и культурной жизни России интересующей нас эпохи⁶⁷. Диссертация И. С. Тимофеевой посвящена изучению отдельного церковного периодического издания – «Церковные ведомости», которые были официальным органом Святейшего

---

⁶⁶ Лялина Г. С. Цензурная политика церкви в XIX–начале XX в. // Русское православие: вехи истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://books.atheism.ru/files/russkoe_pravoslavie.html (дата обращения: 27.04.2014).

⁶⁷ Зубанова С. Г. Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни Российского общества XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Никулин М. В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х–конец 1870-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Синода⁶⁸ (далее – Св. Синод). И. Ф. Верещагин изучил процесс возникновения и развития епархиальных ведомостей Европейского Севера, исследовал вклад сотрудников и редакторов изданий в развитие епархиальной прессы и проследил этапы общественно-политических воззрений духовенства по материалам епархиальной прессы⁶⁹. А. Н. Кашеваров в своем исследовании по истории церковной печати XX века характеризует общее состояние церковной периодики⁷⁰.

О. В. Бакина выявила типологию православных периодических изданий, охарактеризовала функции православной периодики, определила стилистические особенности журналов и специфические черты православного журналиста на современном этапе⁷¹. Исследуя систему православной периодики, автор обращается к моменту возникновения религиозной печати в России. О. В. Бакина дает характеристику православных изданий XIX в., например, «Христианского чтения». Бакина, как и К. Е. Нетужилов отмечает, что появление православной периодической печати первоначально было связано с духовными учебными учреждениями. Только во второй половине XIX в. появляются «богословно-публицистические» журналы, в которых помимо богословских статей, помещались обзоры текущих событий, очерки о выдающихся церковных деятелях, рассказы из церковного быта⁷². В целом, по мнению названных авторов, на страницах изданий данного типа активно обсуждались церковные и церковно-общественные вопросы. Среди официальной периодической печати автор выделил епархиальные ведомости и «Церковные ведомости».

К. Е. Нетужилов на основе анализа архивных материалов и периодики описал историю развития отечественной церковной журналистики XIX в.⁷³

---

⁶⁸ Тимофеева И. С. «Церковные ведомости» 1888–1918. История издания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

⁶⁹ Верещагин И. Ф. Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни Российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Европейского Севера России): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2013.

⁷⁰ Кашеваров А. Н. Печать Русской православной церкви в XX веке: очерки истории. СПб., 2004.

⁷¹ Бакина О. В. Современная православная журналистика России. Киров, 2003.

⁷² Там же. С. 10.

⁷³ Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2007.

Он охарактеризовал различные типы изданий – официальные газеты и журналы Св. Синода, епархиальные ведомости, издания духовных учебных заведений и другие издания. Выделил и изучил несколько этапов развития религиозной периодической печати, соотнесенных с конфессиональной политикой государства и общим развитием страны. Период с 1855 по 1881 гг., с точки зрения автора, отмечен активизацией церковно-общественной жизни, связанной с общей модернизацией страны и попыткой обновления православной церкви. Последующий период с 1881 по 1905 гг. укрепил консервативные принципы государственного управления, в том числе в отношении церкви.

Работы, посвященные истории периодических изданий РПЦ второй половины XIX – начала XX вв., дали возможность выявить виды православной периодики, уточнить исторический контекст, обстоятельства создания и функционирования отдельных газет и журналов, определить их роль в формировании идеала священника-миссионера.

Подводя итог степени изученности темы, можно сделать следующие выводы.

1. Историками детально изучена миссионерская деятельность РПЦ в целом и миссий, действовавших на территории Сибири, что создает предпосылки для выявления факторов, влиявших на формирование общественных представлений об идеале священника-миссионера.

2. Исследователями раскрыт правовой статус православного духовенства изучаемой нами эпохи, определена его численность, состав, образовательный уровень, достаточно подробно охарактеризовано отношение государства к РПЦ вообще и духовенству, в частности. Таким образом, труды предшественников дают возможность выявить общее и особенное в образе православного священника и сибирского священника-миссионера, охарактеризовать исторический контекст формирования и трансляции идеала священника-миссионера.

3. Согласно мнению досоветских историков, миссионеры знали язык, нравы местного населения и действовали только мирными способами. В советской историографии миссионеры выступали в качестве «орудия царизма», способствовали уничтожению традиционной культуры коренного населения, «грабили, угнетали и русифицировали аборигенов».

В современной историографии представлена точка зрения, согласно которой миссионеры действовали мирными способами, руководствовались желанием приобрести союзников, осваивали новые территории, помогали в устройстве хозяйственного быта коренного населения, занимались врачеванием, сохраняли и развивали местные языки, способствовали созданию письменности. При этом ряд современных исследователей отмечает, что миссионеры выступали в качестве инструмента русификации аборигенов и в своей деятельности использовали насильственные методы крещения населения.

4. Специалистами по истории религиозной периодической печати выявлен корпус изданий РПЦ, собраны сведения о деятельности конкретных изданий, высказаны мнения о влиянии религиозной периодики на общественную жизнь и культуру Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Это позволяет определить место публикаций о сибирских священниках-миссионерах в информационном поле периодических изданий РПЦ, понять причины обращения названных изданий к конструированию идеального образа священника-миссионера, выяснить его авторов и адресатов, проследить эволюцию данного образа и выявить факторы, его детерминировавшие.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования – выявить идеал священника-миссионера в Сибири в официальной религиозной периодической печати второй половины XIX – начала XX в.

Достижение данной цели возможно путем решения следующих задач.

1. Определить нормативно-правовой, природно-климатический, социально-экономический и социально-культурный контексты, в которых формировался идеал священника-миссионера.

2. Установить роль духовных православных институтов в конструировании идеала священника-миссионера в Сибири.

3. Выявить компоненты идеала священника-миссионера во второй половине XIX в.

4. Раскрыть эволюцию идеала священника-миссионера в Сибири в начале XX в.

5. Определить реакцию общества на формируемый религиозной печатью идеал миссионера.

Объектом исследования является идеал священника-миссионера в общественном мнении России во второй половине XIX – начале XX в. Согласно словарям XIX – начала XX в., понятие идеал означало представление о высшем совершенстве⁷⁴. Расширив это определение, под идеалом мы будем понимать, во-первых, готовый социально значимый образец для подражания, с помощью которого формируется профессиональная идентичность, включающая в себя набор ценностей, ориентиров и мотивов, во-вторых, представление о совершенстве, направленное на преобразование действительности и сближение реального и идеального, в-третьих, инструмент адаптации и социализации профессионального сообщества в период общественно-политической и социальной нестабильности.

Предметом исследования является процесс конструирования идеала священника-миссионера официальной периодической печатью РПЦ второй половины XIX – начала XX в. Официальная церковная печать, в первую очередь, предназначалась для священнослужителей с целью просвещения и обмена опытом. Во второй половине XIX в. образованное духовенство на

---

⁷⁴ Соловьев В. С. Идеал // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1894. Т. 12а. С. 797.

страницах периодических изданий включилось в обсуждение назревших проблем духовной жизни. Таким образом, духовенство конструировало представления о себе как для своего референтного сообщества, так и для общества в целом.

Методологическая основа исследования. Работа выполнена в рамках новой интеллектуальной истории. Л. П. Репина отмечает, что сегодня интеллектуальная история перешла на новый этап, характеризующийся междисциплинарной связью, методологическим плюрализмом и сосуществованием различных научных парадигм⁷⁵. Важным условием в обновлении интеллектуальной истории является учет зависимости идей от культурного, социального, политического, религиозного контекстов, в которых идеи возникали, развивались и распространялись.

Подход «новой интеллектуальной истории», предполагающий признание большой роли языка, текста и нарративных структур в построении исторической реальности и использование анализа дискурсивной практики, позволил выявить роль религиозной периодики в конструировании идеала миссионера⁷⁶. Идеал священника-миссионера второй половины XIX – начала XX в. выступал как интеллектуальный конструкт и феномен общественного мнения, создаваемый религиозной периодической печатью. В данном случае было актуальным обращение к теории дискурса, сформулированной Р. Бартом, предполагающей не отражение прошлого, а его интерпретацию⁷⁷. Исследовательницы Л. Манчестер и Дж. Хедда, изучая состояние духовенства пореформенной эпохи, указывают на важность учета дискурса, который духовенство порождает о себе в автобиографиях, воспоминаниях, проповедях, лекциях и других источниках⁷⁸. Тексты миссионеров, опубликованные на страницах периодической печати, позволяют выявить не

---

⁷⁵ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 334.

⁷⁶ Там же. С. 342.

⁷⁷ Барт, Р. S/Z. М., 2001. С. 20.

⁷⁸ Байфорд Э. Рецензия на книги: Laurie Manchester. Holy Fathers, Secular Sons...; Jennifer Hedda. His Kingdom Come... // Антропологический форум. № 10. С. 328.

только отношение авторов к идеалу и его реализации в своей деятельности, но и сравнить общепринятый идеал с индивидуальным.

Дискурс, как смысловое поле, где образуются смыслы и значения, тесно связан с конструированием идентичности. Л. Б. Шнейдер отмечает, что человек всегда выражает себя через текст, даже если он потенциальный⁷⁹. Постепенное овладение человеком лексическими и синтаксическими описаниями объектов приводит к формированию собственной идентичности. При написании индивидом «текста» его содержание рассказывает об авторе, его качествах и внутреннем мире и может фиксировать процесс идентификации или отчуждения личности и группы. Мера отождествления миссионера со своим профессиональным сообществом влияла на качество усвоения сформированного идеала.

Церковные реформы второй половины XIX в. способствовали превращению сословия духовенства в профессиональную группу, с которой идентифицировали себя священнослужители. Многомерная смысловая нагрузка позволяет широко интерпретировать идентичность. Идентичность понимается как усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности с окружающим миром⁸⁰. Аналогичное понимание термина предлагает С. П. Миронова. Идентичность представляет собой совокупность признаков, приписываемых личностью себе, выявленных в процессе взаимодействия с другими людьми⁸¹. С одной стороны, она может включать индивидуальные личностные качества. С другой – определить общие для индивида и референтной группы системы ценностей, ориентиров и мотивов. В результате сопоставления можно выявить личностные и общие групповые качества. Идентичность формируется в результате соотнесения индивида с той или иной социальной группой. Тогда действительность и происходящие события воспринимаются не только как относящиеся лично

---

⁷⁹ Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность. М., 2000. С. 89.

⁸⁰ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 12.

⁸¹ Миронова С. П. Профессиональная идентификация и образование: современные проблемы формирования профессионального сознания. Екатеринбург, 2009. С. 13.

к индивиду, но и ко всей социальной группе или общности. В качестве еще одной составляющей процесса формирования идентичности выступает отождествление себя с конкретными качествами или наоборот, их отторжением.

При идентификации индивид ориентируется на готовые образцы, то, что уже утвердилось и является социально значимым. Соотнося готовые образцы со своим личным опытом, индивид модернизирует идентификационные характеристики. Формирование идентичности происходит не только через соотнесения с готовыми образцами, но и через противопоставления себя с «Другим». В данном случае священнослужители, сопоставляя себя с обществом и стремясь консолидироваться, формировали между членами своей референтной группы коллективную идентичность.

Идентификация духовенства формировалась в процессе соотношения себя со своей профессиональной группой. Профессиональное сообщество представляет из себя общность людей, выполняющих трудовые действия, требующие от индивида определенных знаний, умений и навыков. Профессия описывается через такие характеристики как престиж, уровень требуемого образования, материальный достаток, социальная значимость труда, привилегии и другое⁸². Профессиональная идентичность формируется в процессе профессионального обучения, приобретения профессионального опыта, интеграции в профессиональное сообщество и рефлексии представлений о себе как о специалисте.

На профессиональную идентичность оказывают влияние социально значимые «другие» и социальная среда. Важную роль играет образ профессии и себя в ней. Представление о профессии включает социально-экономическую (общественная значимость профессии, перспектива профессионального роста, материальные средства), производственно-техническую (условия работы), производственно-педагогическую (тип учебного заведения, срок обучения, служебные обязанности) и социально-

---

⁸² Шнейдер Л. Б. Указ. соч. С. 114.

психологическую (требования к качествам индивида) стороны⁸³. Образ профессии выступает регулятором в профессиональном самоопределении. Несовпадение образа профессии с практическим исполнением своих трудовых обязанностей может привести к неудовлетворению своим профессиональным выбором.

Преобразование сословия духовенства в профессиональную группу сопровождалось изменением/разрушением идентичности и тех идентификационных характеристик, которыми обладали священнослужители. Восстанавливающую функцию выполнял миф. В периоды нестабильности социума востребованы как миф, так и идеал для социализации, адаптации и идентификации человека. Для уверенного положения в обществе индивиду необходимы ценностные ориентиры в его взаимодействии с «Другим»⁸⁴.

Снимая противоречивость, негармоничность бытия, миф трансформировал мир, создавал новую реальность, с позиции которой интерпретировались события и явления⁸⁵. Принадлежность к реальности не позволяет индивиду адекватно оценивать бытие и формирует иллюзорные представления, выступающие основой для создания идеалов и целей. Носителем идеала, позволяющим делать его значимой мировоззренческой формой, являлся миф. Миф и идеал позволяли формировать индивиду «сущностный» мир, значимый и ожидаемый – мир надежды и мечты⁸⁶. В целом, будучи иллюзорным, пишет М. П. Арутюнян, мир может быть внутренним, необходимым человеку для адаптации себя во внешнюю среду, а с другой стороны – миром обязанности, предписывающим нормы. Таким образом, идеал священника-миссионера выступал и в качестве инструмента преобразования реальности и вхождения в профессиональное сообщество.

---

⁸³ Шнейдер Л. Б. Указ. соч. С. 132.

⁸⁴ Арутюнян М. П. Миф и идеал в структуре мировоззрения // Миф и идеал в современном мире: сборник научных трудов по материалам междунар. науч. конф. «Запад – Восток: образование и наука на пороге XXI в.». Хабаровск, 2001. С. 19.

⁸⁵ Алреева Т. М. Социальный миф: сущность, структура, функции. Минск, 1992. С. 3.

⁸⁶ Арутюнян М. П. Указ. соч. С. 9.

Продуктивным было обращение к концепции коллективного авторства периодических изданий, предложенной М. П. Мохначевой. Необходимо отметить, что журнальный или газетный текст представлял «не индивидуальное, а коллективное представление, так как в создании текста участвовал не только автор, но и редактор, издатель и читатель»⁸⁷. М. П. Мохначева отмечает, что преобразованию авторского текста в публикацию коллективного «текста-источника» способствует ряд обстоятельств: тип издания (ученый, литературный, исторический и др.); его программа; мировоззренческая ориентация; личность автора-издателя, редакторские стратегии, особенности финансирования издания и его гонорарная политика. Данные положения отражают, насколько содержание публикаций зависело от образа периодического издания, в котором они помещались и «приходили» к читательской аудитории.

Актуальным стало обращение к имперской истории в рамках изучения колониального опыта России⁸⁸. Из многочисленных работ, посвященных истории России как истории империи, наиболее близки к идее нашей работы исследования А. М. Эткинды о феномене внутренней колонизации. По мнению автора, внутренняя колонизация была одним из инструментов, используемых Российским государством для расширения своих границ. В качестве института колонизации выступали православные духовные миссии, переносившие практику распространения православной культуры из Европейской России в отдаленные регионы страны. Теоретически значим для нас вывод А. Эткинды о том, что интеллектуальная и ментальная колонизация имперских окраин была способом самопознания и инструментом формирования идентичностей русских интеллектуалов.

---

⁸⁷ Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. М., 1998. Кн. 1. С. 130.

⁸⁸ Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013; Его же. Бремя бритого человека или внутренняя колонизация России // *Ad Imperio*. 2002. № 1. С. 265–299; Его же. Русская литература. XIX век: Роман внутренней колонизации // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 1 (59). С. 103–124; Его же. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 49. С. 50–74.

Привлекая к исследованию религиозную периодическую печать, мы использовали методы реконструкции и интерпретации. Под реконструкцией понимается выявление замысла автора и восстановление логики написания текста. Интерпретация подразумевает поиск мотивов, подтолкнувших автора к созданию того или иного текста. Метод деконструкции, используемый исследователями в рамках «новой интеллектуальной истории», позволил критически отнестись к текстам авторов путем их расчленения и соединения заново их составных частей. Деконструкция направлена на поиск скрытых смыслов и предполагает вычленение индивидуального автора из «коллективного» при помощи рассмотрения языка и стилистики текста.

Биографический метод позволил проанализировать отражение в текстах миссионеров, носящих мемуарный характер, деятельности священнослужителей, их самосознания и определить степень соотнесения с социокультурными традициями.

В исследовании использовались как общенаучные методы (анализ, синтез и др.), так и специальные методы: эволюционно-исторический, историко-системный, историко-сравнительный. Эволюционно-исторический метод помог выявить эволюцию идеала священника-миссионера и раскрыть его содержание в различные периоды времени. Историко-системный метод дал возможность определить структуру идеала миссионера, охарактеризовать его компоненты и функции. С помощью историко-сравнительного метода мы выявили общее и особенное в представлениях об идеале миссионера религиозных и светских периодических изданий второй половины XIX – начала XX в.

Хронологические рамки исследования определяются второй половиной XIX – началом XX в. и связаны с возникновением, развитием и прекращением существования официальных религиозных периодических изданий, а также их интересом к деятельности сибирских миссионеров. Процесс формирования системы церковной печати в России во второй

половине XIX в. связан со стремлением образованного духовенства включиться в общественное обсуждение проблем в церковной сфере.

Официальные региональные издания РПЦ появились раньше столичных. Инициатива, проявленная в 1853 г. архиепископом Херсонским Иннокентием (Борисовым) об издании религиозной периодической печати в епархии, с одобрения Св. Синода распространилась на всю территорию Российской империи. Первым сибирским епархиальным официальным церковным изданием стали «Иркутские епархиальные ведомости» (1863 г.). В 1870-х – 1880-х гг. оформляются центральные официальные церковные издания, являвшиеся печатными органами Св. Синода. На этот период приходится пик развития религиозной периодики и завершается формирование местных епархиальных ведомостей по всей России, особенно на окраинах. Конечная граница (1917 г.) исследования связана с закрытием значительной части религиозных периодических изданий в условиях революционных событий и изменением религиозной политики государства. Хотя закрытие Иркутских и Тобольских епархиальных ведомостей произошло в 1919 г., в последние годы своего существования они практически не уделяли внимания деятельности миссионеров в Сибири.

Территориальные рамки работы обусловлены представлениями о территориальных границах Сибири второй половины XIX – начала XX в. Существование административных, географических и ментальных карт предполагало неоднозначность границ Сибири, поэтому в качестве основного источника определения территориальных рамок региона возьмем справочную литературу. В энциклопедических и справочных изданиях изучаемой эпохи под пространством Сибири понимались все азиатские владения России, кроме Закавказья, Закаспийской области и Туркестана⁸⁹.

Источниковая база диссертационного исследования представлена широким кругом материалов, которые можно разделить на ряд групп:

---

⁸⁹ Латкин Н. В. Сибирь. Географический очерк страны // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 29а. Кн. 58. С. 748.

публикации официальной периодической печати РПЦ; материалы светской отраслевой периодики по истории, географии, этнографии, педагогике; записки миссионеров; делопроизводственные материалы; законодательные акты.

К первой группе отнесем религиозную периодическую печать, в первую очередь, официальную. Официальными изданиями РПЦ являлись центральные (духовные журналы, выходившие при Св. Синоде) и местные (епархиальные ведомости). В диссертации были использованы следующие официальные издания РПЦ: «Церковные ведомости» (1888–1918), «Тобольские епархиальные ведомости» (1882–1919), «Томские епархиальные ведомости» (1880–1917), «Иркутские епархиальные ведомости» (1863–1919), «Владивостокские епархиальные ведомости» (1903–1917), «Благовещенские епархиальные ведомости» (1894–1917) и «Якутские епархиальные ведомости» (1887–1917). Общие характеристики изданий, авторский и редакторский корпус дали возможность определить круг лиц, участвующих в формировании идеала сибирского миссионера.

Первым центральным официальным изданием был «Церковный вестник», издававшийся с 1875 г. при Санкт-Петербургской духовной академии, но после выпуска первого номера «Церковных ведомостей» в 1888 г., «Церковный вестник» лишается этого статуса. Инициатором издания «Церковных ведомостей» стал обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. В программу «Церковных ведомостей» входили: законоположения, касающиеся духовного ведомства; высочайшие повеления; постановления и распоряжения Св. Синода; циркулярные распоряжения, сообщения и приказы обер-прокурора и сообщения центральных учреждений ведомства Св. Синода; правительственные постановления и распоряжения, имеющие отношение к духовному ведомству⁹⁰. В прибавлениях к «Церковным ведомостям» могли печататься проповеди, статьи научно-богословского характера, сообщения о церковных событиях в различных

---

⁹⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 488. Л. 1.

местностях страны, о миссионерской и просветительской деятельности духовенства, сведения о расколе и сектантстве, сообщения о вышедших книгах и периодических изданиях и другие сюжеты.

Подписка на «Церковные ведомости» была обязательной с годовой ценой в три рубля. Выходили ведомости один раз в неделю. Тираж издания на протяжении своего существования был практически неизменен и составлял 37–38 тыс. номеров. Обязательная подписка и большой тираж издания дает основание утверждать, что одним из главных печатных изданий, которое конструировало и транслировало идеал священника-миссионера, выступали «Церковные ведомости».

Редактором до 1906 г. состоял настоятель кафедрального Исаакиевского собора протоиерей П. А. Смирнов, выпускник Московской духовной академии. После него редакторами были В. И. Жмакин, М. А. Остроумов, протоиерей П. Лахостский. Издаваемые под покровительством К. П. Победоносцева, «Церковные ведомости» носили охранительный характер и являлись идеологическим ориентиром для других религиозных изданий. Авторский корпус публикаций, посвященных миссионерству, представлен архимандритом Макарием (М. Глухарев), епископом Томским, митрополитом Иннокентием, епископом Дионисием (Д. Хитров), архиепископом Арсением, епископом Тихоном, миссионерами С. Ивановским и В. Синьковским. Опубликованные в «Церковных ведомостях» статьи, посвященные миссионерству, позволили выявить официально принятый РПЦ идеал священника-миссионера.

В работе использовались годовые комплекты Тобольских, Томских, Иркутских, Благовещенских, Владивостокских, Якутских епархиальных ведомостей. «Томские епархиальные ведомости» – местное официальное церковное издание, выходившее с лета 1880 г. по конец 1917 г. при Томской духовной семинарии. Выходили ведомости 1 и 15 числа каждого месяца. Цена с 1880 г. до 1898 г. составляла пять рублей серебром в год с пересылкой и доставкой, с 1898 г. – шесть рублей. Редакторами ведомостей были ректор

семинарии А. Варфоломей, статский советник, кандидат богословия, старший преподаватель Томской семинарии М. И. Соловьев, ректор семинарии протоиерей И. Панормов, протоиерей С. Путодиев. В проанализированных нами годовых комплектах за 1880–1917 гг. материалы о миссионерстве представлены отчетами миссии, комитетов Православного миссионерского общества, записками миссионеров, некрологами и биографиями. Среди авторов текстов назовем Макария, епископа Томского, иеромонаха Алексия, миссионера В. Ландышева.

«Тобольские епархиальные ведомости» издавались 2 раза в месяц с 1882 по 1919 гг. Стоимость подписки составляла 5 руб. в месяц вплоть до 1916 г. Редакторами ведомостей были протоирей П. Головин, Н. Городков, А. Городков, А. Зырянов, Я. Афанасьев, кандидат богословия, смотритель Тобольского духовного училища З. Поддьяков, член Епархиального совета Гаврилов, священник И. Фокин. Нами осуществлен просмотр годовых комплектов названного издания за 1882–1919 гг. Выявленные нами материалы о сибирских миссионерах представлены отчетами комитета Православного миссионерского общества, статьями, освещающими епархиальную жизнь и деятельность духовных миссий.

«Иркутские епархиальные ведомости» издавались с 1863 г. по 1919 г. Краткую характеристику издания в своей работе предпринял историк О. А. Акулич⁹¹. Нами был осуществлен фронтальный просмотр годовых комплектов издания за 1863–1919 гг. Материалы о миссионерстве включают в себя епархиальные распоряжения, отчеты начальников миссий, записки миссионеров, характеристики миссионерских станов, представленные священниками, журналы съездов депутатов духовенства, журналы миссионерских съездов, некрологи и биографии.

Тираж данных изданий приблизительно равнялся числу приходов. Нельзя не учитывать, что границы епархий постоянно менялись, к тому же

---

⁹¹ Акулич О. А. «Иркутские епархиальные ведомости» как краеведческий источник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1392> (дата обращения: 15. 04. 2014).

в правление Александра II число приходов сократилось, а в период царствования Александра III они были восстановлены и даже увеличены количественно. В целом, тираж редко превышал 1 000 экземпляров.

Православные журналы, издававшиеся частными лицами, позволяют дополнить материалы официальных религиозных периодических изданий, выявить наиболее полный перечень характеристик идеального образа миссионера и сопоставить их с реальностью. К ним можно отнести следующие религиозные периодические издания: «Странник» (1860–1917), «Душеполезное чтение» (1860–1917), «Православное обозрение» (1860–1891).

«Странник» – ежемесячный духовный учено-литературный журнал, основанный протоиереем В. В. Гречулевым и выходивший в Санкт-Петербурге. Издавался с 1860 по 1917 гг. Цена за годовое издание «Странника» составляла шесть рублей, с пересылкой – восемь рублей. Данный журнал освещал актуальные вопросы пореформенного времени, наряду с богословскими и философскими статьями, в нем помещалась публицистика, в которой «явления современной жизни рассматривались с позиции христианского мировоззрения»⁹². Удовлетворить общественный запрос стремилось издание «Православного обозрения» Н. А. Сергиевского, Г. П. Смирнова-Платонова и П. А. Преображенского. Как «Православное обозрение», так и «Странник», по замечанию К. Е. Нетужилова, с трудом можно отнести к церковным изданиям лишь на том условии, что их основали лица, имеющие духовный сан. Их религиозность считается только по программному направлению. К изданию такой же направленности можно отнести и «Душеполезное чтение», ежемесячное издание духовного содержания, выходившее в Москве с 1860 по 1917 гг. Цена годового издания три рубля и 3,50 руб. с пересылкой, с 1877 г. – 3,50 руб. и четыре рубля с пересылкой.

---

⁹² Нетужиллов К. Е. Церковная периодическая печать... СПб., 2007. С. 121.

Осуществив фронтальный просмотр всех годовых комплектов журналов «Странник», «Душеполезное чтение» и «Православное обозрение», нами были выявлены материалы, посвященные миссионерству в Сибири, представленные в основном записками миссионеров.

Отдельную группу религиозной периодической печати составляли миссионерские издания. Особый статус объяснялся важностью миссионерской деятельности в многонациональной и многоконфессиональной России. Именно в XIX в. обозначилась государственная поддержка миссий, их дальнейшее развитие и расцвет. К миссионерским изданиям относился «Миссионер», выходивший с 1874 по 1879 гг. в Москве и представлявший печатный орган Православного миссионерского общества. Цена годового издания составляла три рубля, с подпиской – 3,50 р. Редактором был В. Марков, цензором – протоирей А. Соколов.

В связи с тем, что в течение всего своего существования «Миссионер» был не востребован и приносил только убытки, совет Православного миссионерского общества пришел к мнению о прекращении выхода издания с 1880 г. как отдельного издания⁹³.

В результате фронтального просмотра журнала «Миссионер» за 1874–1879 гг. были выявлены и проанализированы все публикации, посвященные деятельности сибирских священников-миссионеров, представленные их записками, отчетами, дневниками, некрологами, биографиями, этнографическими статьями, отчетами начальников миссий, комитетов Православного миссионерского общества, известиями и заметками.

Таким образом, отметим, что во всех официальных периодических изданиях публиковались материалы, посвященные миссионерству, а в некоторых из них существовали специальные миссионерские разделы, например, в «Томских епархиальных ведомостях». Кроме того, к освещению деятельности сибирских миссионеров обращались частные и миссионерские

---

⁹³ РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Д. 531. Л. 4.

периодические издания. Это показывает заинтересованность священнослужителей в освещении миссионерского дела в стране.

Во вторую группу источников входят записки миссионеров, сочетавшие в себе черты деловых документов и мемуаров⁹⁴. В первом случае – это регулярность, обязательность, присутствие количественных показателей, во втором – эмоциональность и отражение личных впечатлений. Среди авторов данного источника были руководители миссий, их сотрудники, в том числе представители коренных жителей Сибири, что, по мнению Н. П. Матхановой, является уникальным явлением в сибирской мемуаристике⁹⁵.

Одной из повторяющихся тем миссионерских записок было описание пути, характеристика ландшафтов, природы, этнографические данные. Нами были привлечены как миссионерские записки, помещавшиеся на страницах официальных и частных изданий РПЦ, так и публиковавшиеся отдельными изданиями. Кроме того, нами были использованы неопубликованные записки миссионеров, хранящиеся в 164 фонде Государственного архива Алтайского края (ГААК): записки Д. Лозина, С. Борисова, Т. Петрова.

В третью группу выделим публикации светских журналов, позволившие выяснить отношение общественного мнения к идеалу священника-миссионера. Пилотный просмотр столичных общественно-политических журналов не выявил материалов о миссионерстве, поэтому основное внимание было сосредоточено на отраслевых периодических изданиях. Нами были привлечены исторические журналы: «Древняя и новая Россия» (1875–1881), «Русский архив» (1863–1917), «Исторический вестник» (1880–1914), «Русская старина» (1870–1914). Среди педагогических журналов материалы по миссионерству содержали «Народное образование» (1896–1917) и «Журнал Министерства народного просвещения» (1863–1917). Мы использовали журналы по географии и этнографии – «Записки СОИРГО» (1856–1896), «Вокруг света» (1885–1917), «Живая старина» (1890–1914).

---

⁹⁴ Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск, 2010. С. 184.

⁹⁵ Там же.

Тема миссионерства затрагивалась и на страницах иллюстрированных изданий – «Всемирная иллюстрация» (1869–1898) и «Нива» (1869–1893). Обширный материал о миссионерстве был выявлен в региональном издании – «Сибирских вопросах» (1906–1912).

В четвертую группу объединим источники, освещающие природно-климатические и ландшафтные особенности региона, что позволило определить их влияние на идеал миссионера. К ним отнесем труды русских и иностранных путешественников, побывавших в зауральских губерниях. Во второй половине XIX – начале XX в. Сибирь посетили иностранные и русские ученые, путешественники, писатели и общественные деятели, которые в дальнейшем опубликовали свои научные отчеты, путевые записки, публицистические очерки, помогающие реконструировать условия работы миссионеров. К данным источникам отнесем труды Дж. Кеннана, Ф. Нансена, Н. А. Э. Норденшельда, А. П. Чехова и др.⁹⁶

К пятой группе источников отнесем делопроизводственные материалы, главным образом сосредоточенные в архивохранилищах страны. Научный интерес представляют источники, хранящиеся в фондах Государственного архива Алтайского края (ГААК), Государственного архива Иркутской области (ГАИО) и в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Комплекс материалов фонда 164 ГААК, посвященный Алтайской духовной миссии, содержит данные о состоянии миссии, ее деятельности, неопубликованные миссионерские отчеты, раскрывающие реализацию установленных правил для миссионеров при исполнении своих обязанностей. Фонд 50 ГАИО включает отчеты миссионеров, деловую переписку и данные о состоянии Иркутской миссии, отражающие форму реализации миссионерской деятельности сухо, другие более выразительно, что объяснялось влиянием общепринятого стиля и индивидуальными способностями автора. Выявленные отчеты миссионеров

---

⁹⁶ Кеннан Дж. Сибирь! СПб., 1906; Нансен Ф. В страну будущего: Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915; Норденшельд Н. А. Э. Вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 г. СПб., 1881. Ч. 1; Чехов А. П. Из Сибири: очерки // Собрание сочинений: в 15 т. М., 2000. Т. 13.

полезны тем, что они освещают жизнь и деятельность миссионеров и способы и методы работы проповедников, содержат рекомендации для миссионеров, формируемые миссией. Архивные документы позволяют сравнить идеал миссионера, формировавшийся Св. Синодом и государством, с идеалом проповедника, конструировавшимся духовными миссиями.

Делопроизводственные материалы, извлеченные из фондов Тобольской духовной консистории ГУТО ГА г. Тобольска, содержит сборник «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е–80-е гг. XIX в.). Архивные данные позволяют изучить развитие Обдорской миссии. Материалы сборников «Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще» включают широкий пласт привлеченных документов из архива РГИА, периодической печати и других источников, относящихся к миссионерской деятельности Дионисия. Данные сборники представляют отчеты по епархиям, позволяющие познакомиться с содержанием миссионерской деятельности, ее регламентации духовными миссиями, что дополнит представления об идеале священника-миссионера в Сибири второй половины XIX в.

В шестую группу поместим законодательные источники. Законы, регламентирующие миссионерскую деятельность РПЦ, помещены в Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи. Данные документы позволяют выявить принципы, на которых основывалась миссионерская деятельность, рассмотреть влияние государственной политики на миссионерскую деятельность РПЦ. В связи с тем, что характеристика законодательных актов, регламентировавших деятельность священников-миссионеров в Сибири, подробно отражена в п. 1.1 диссертации, в данном разделе мы на ней останавливаться не будем.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Конструируемый официальными периодическими изданиями РПЦ идеал миссионера определялся нормативно-правовыми, природно-

климатическими, социокультурными и материально-бытовыми факторами. Государственная политика, направленная на инкорпорацию Сибири, населенной представителями разных этноконфессиональных сообществ, в единое административное, социокультурное, социально-экономическое пространство Российской империи, предполагала использование ненасильственных методов в миссионерской деятельности. Особое влияние на содержание идеала священника-миссионера оказывали природно-географические и климатические характеристики Сибирского региона. Суровый климат, резкий перепад годовых температур, отсутствие развитой дорожной инфраструктуры предопределяли необходимость обладания миссионерами крепким здоровьем, физической силой, навыками управления разными транспортными средствами, терпением.

2. В конструировании идеала миссионера участвовали православные духовные миссии, Православное миссионерское общество и его епархиальные комитеты, миссионерские съезды, но определяющую роль в формировании и трансляции идеала играла религиозная православная периодическая печать. Церковная периодика включала в себя столичную официальную периодическую печать РПЦ и епархиальные ведомости. Столичные издания, осуществляя идеологическую поддержку государственной политики, имели большой тираж и обязательную подписку, что позволяет судить о влиятельности данных изданий и их активном участии в конструировании и трансляции идеала сибирского священника-миссионера во второй половине XIX – начала XX в. Епархиальные ведомости, являясь для местного духовенства единственной площадкой для обсуждения волновавших его вопросов, предоставляли миссионерам практические рекомендации и конкретизировали идеал применительно к местным природно-климатическим и социокультурным особенностям.

3. Идеал выступал инструментом формирования референтного профессионального сообщества, с которым хотели отождествлять себя авторы религиозных изданий. Транслируемый со страниц религиозной православной периодической печати идеал способствовал консолидации священнослужителей и выработке коллективной идентичности.

4. Содержание идеала включало в себя физические (здоровье, сила, выносливость), духовные (смирение, терпение, готовность к страданию, любовь к тем, кому проповедовали) и профессиональные качества (владение языком аборигенов, ведение документации), обусловленные специальными инструкциями, а также самими миссионерами, реализующими эти рекомендации на практике. Идеал имел разночтения, детерминированные взглядами начальников миссий и их сотрудников на сущность христианизации и русификации аборигенов. Епархиальная религиозная периодическая печать, откликаясь на конкурирующие версии идеала, стремилась сохранить устоявшийся взгляд на миссионерство, представленный в столичных изданиях. В то же время идеал, являясь достаточно статичным интеллектуальным конструктом, не вполне отвечал возможностям и потребностям священнослужителей, что приводило к его оторванности от реального воплощения.

5. Эволюция идеала в начале XX в. обуславливалась изменением статуса церкви и священнослужителей в обществе, трансформацией функций священников-миссионеров. Ослабление авторитета церкви среди местного населения и сокращение государственной поддержки привели к изменению инструментария, которым пользовались священнослужители в миссионерской деятельности среди коренного населения. Потеряв возможность использовать административные рычаги, миссионеры стали активнее применять убеждение, при помощи которого должны были побудить аборигенов к принятию православной веры и укрепить в ней новокрещенных.

6. Невысокая результативность деятельности священнослужителей из Европейской России обусловила изменение кадрового состава миссионерства и привлечение к работе представителей коренного населения региона, адаптированных к местным природно-климатическим условиям и знающих язык, нравы и обычаи автохтонов. Желание отдельных миссионеров относиться к своей деятельности как к профессии и получать за нее денежное вознаграждение предопределило стремление периодической печати РПЦ сохранить устоявшийся

идеал, в том числе подчеркивать ценность безвозмездности работы миссионеров и отказа от материальной заинтересованности.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые был выявлен и охарактеризован идеал сибирского священника-миссионера, сконструированный преимущественно официальной религиозной периодической печатью второй половины XIX – начала XX в., определены факторы его формирования, структура и содержание, эволюция, региональная специфика, реакция на него общественного мнения. Теоретическая значимость работы заключается в разработке модели исследования идеального образа священника-миссионера как интеллектуального конструкта общественного мнения, который может быть использован для изучения образов других социoproфессиональных сообществ. Привлечение в качестве основного источника диссертационной работы религиозной периодической печати (в том числе региональной), слабо изученной в отечественной науке, позволяет расширить знания о церковной периодике второй половины XIX – начала XX в. Впервые был осуществлен фронтальный просмотр и содержательный анализ 227 годовых комплектов 9 официальных столичных и сибирских периодических изданий Русской православной церкви.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы для дальнейшего изучения миссионерской деятельности в Сибири, при написании трудов по истории церкви, истории православной периодической печати, истории Сибири и привлечены для разработки спецкурсов и базовых учебных курсов по истории России, истории журналистики, истории РПЦ второй половины XIX – начала XX в., для краеведческой работы.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования отражены в 8 публикациях, в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК, а также сформулированы в формате сообщений и докладов на всероссийских научных конференциях (Омск, 2012;

Новосибирск, 2013; Новосибирск, 2014). Автор принимал участие в сборе материала и подготовке публикации двухтомного аннотированного библиографического указателя «Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX вв.» (Новосибирск, 2014)⁹⁷.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

---

⁹⁷ Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель / под ред. Н. Н. Родигиной. Новосибирск, 2014. В 2-х т.
Т. 1: Тема Сибири в ежемесячных изданиях второй половины XIX – начала XX в. – 394 с.
Т. 2: Репрезентации Сибири в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в. – 344 с.

ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕАЛА СВЯЩЕННИКА-МИССИОНЕРА В СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

1.1. Нормативно-правовая основа деятельности священника-миссионера в Сибири

Исходя из того, что эволюция нормативно-правовой базы деятельности священника-миссионера в Сибири затрагивалась в работах специалистов по истории миссионерской деятельности Русской православной церкви, сконцентрируем внимание на том, какие именно характеристики идеала миссионера детерминировались государственными и церковными нормативно-правовыми актами.

Российское государство синодального периода, по мнению исследователей, не вмешивалось во внутреннее церковное право (регулирующее внутреннюю жизнь церкви), а влияло лишь на внешнее право, касающееся отношений государства и церкви⁹⁸. Законы для духовенства исходили, во-первых, от Св. Синода и касались православного духовенства и духовного ведомства, во-вторых, от правительственных учреждений – Сената, Государственного Совета, имевших отношение к другим конфессиям и регулирующих взаимоотношения государства и церкви. И в первом, и во втором случае законы утверждались императором.

Во второй половине XIX в. в России действовал закон, утверждавший приоритет православного вероисповедания: «Первенствующая и господствующая в Империи вера есть Христианская Православного Кафолического Восточного исповедания»⁹⁹. Господство православия сосуществовало с принципом веротерпимости, который отражался в законах 1719 г., 1721 г. и 1763 г.: «Все не принадлежащие к господствующей Церкви

⁹⁸ Иванова Н. А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2012. С. 237; Цыпин В. Церковное право. М., 1996. С. 12–14.

⁹⁹ О вере // Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1. С. 10. Ст. 40.

подданные Российского Государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в Российской службе или временно в России пребывающие, пользуются повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по ее обрядам»¹⁰⁰. В своде законов отмечалось, что свобода веры предоставляется не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и «язычникам». В Уставе духовных дел иностранного исповедания прописывалась свобода проведения богослужения сибирскими «инородцами» по их обрядам и обычаям¹⁰¹.

Деятельность миссионера регулировали законы «О вере», «О язычниках из инородцев Сибирских и Архангельских», «О предупреждении и пресечении нарушения правил о свободе иностранных христианских и иноверных исповеданий», «Правила о порядке приготовления иноверцев нехристиан к принятию православной веры и о совершении над сими лицами, по обрядам ее, таинств Святого крещения» и др. Данные законодательные акты позволяют не только определить основные принципы миссионерской деятельности, установленные государством, но и выявить одобряемые методы и формы работы священнослужителей среди сибирских аборигенов.

Приоритет православной веры с сохранением веротерпимости закладывал основу для формирования идеала миссионера. Священнослужитель, проповедуя коренному населению Сибири, одновременно должен был проявлять уважение к его вере, обычаям и традициям.

Наряду с веротерпимостью, священнослужители должны были придерживаться мирных способов работы с местным населением. В деле обращения аборигенов в христианство православное духовенство должно было ограничиваться только одними словами убеждения, без принуждения.

---

¹⁰⁰ О вере // СЗРИ. Т. 1. Ч. 1. С. 11. Ст. 44.

¹⁰¹ О язычниках из инородцев Сибирских и Архангельских // СЗРИ. Т. 11. Ч. 1. Кн. 7. С. 232. Ст. 1287.

За исполнением этого закона следило местное начальство, которое защищало «инородцев» от стеснения под предлогом принятия христианства¹⁰².

Миссионер должен был действовать согласно закону и подчиняться начальству. Проповедовать православие коренным народам Сибири, согласно Своду законов Российской империи, можно было только с дозволения и благословения епархиального архиерея. Посланных же проповедовать, губернское начальство должно было охранять от всяких обид, возможных со стороны «инородцев», и оказывать им вспомоществование¹⁰³. Историк Г. Ш. Мавлютова пишет, что на протяжении существования миссионерства должностные лица государственной власти всегда оказывали помощь миссионерам, о чем говорилось в своде уставов о предупреждении и пресечении преступлений¹⁰⁴.

Однако миссионеры, приступая к своим обязанностям, сталкивались при выполнении законов с трудностями. По закону дети, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, могли быть крещены только с разрешения родителей, изъявленного письменно¹⁰⁵. Достигшие возраста четырнадцати лет могли быть крещены без согласия родителей и опекунов, если желали этого и имели представление об учении и догматах церкви. Еще не достигшие совершеннолетия, то есть двадцати одного года, должны были готовиться к крещению в течение шести месяцев, совершеннолетних готовили в течение 40 дней. Шестимесячный срок варьировался, несовершеннолетний мог принять крещение раньше, если убеждения и понятия его были крепки¹⁰⁶. Миссионеры, несмотря на правила, крестили аборигенов в процессе миссионерского путешествия, так как не всегда могли соблюдать сорокадневный срок подготовки. Сокращение срока происходило

---

¹⁰² О язычниках из инородцев Сибирских и Архангельских // СЗРИ. Т. 11. Ч. 1. Кн. 7. С. 232. Ст. 1290–1291.

¹⁰³ О предупреждении и пресечении нарушения правил о свободе иностранных христианских и иноверных исповеданий // СЗРИ. Т. 14. С. 105. Ст. 71–72.

¹⁰⁴ Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Тюмень, 2001. С. 42.

¹⁰⁵ Правила о порядке приготовления иноверцев нехристиан к принятию православной веры и о совершении над сими лицами, по обрядам ее, таинств Святого крещения // СЗРИ. Т. 14. С. 130. Приложение к ст. 70.

¹⁰⁶ Там же. С. 130.

по причине отдаленности миссионерского стана от места жительства «инородцев», иначе «в течение целого года не пришлось бы удостоить благодати Священного крещения и десятой доли просящих его»¹⁰⁷. Забайкальские миссионеры на практике порой крестили без обучения основам христианской веры. Узнав о крещении какого-либо бурята, местное начальство угрожало, соседи ухмылялись, родные плакали, поэтому обучение бурятов происходило только после крещения¹⁰⁸.

Предусматривалось особое крещение больных людей, которое происходило сразу без первоначальной подготовки. Обязательными условиями были: нахождение в сознании; сообщение о крещении епархиальному начальству; утверждение новокрещеного в вере при его выздоровлении.

Обряд крещения должен был происходить в церкви (исключение составляла болезнь) в присутствии свидетелей или местного начальства, которые должны были убедиться в добровольности и понимании крещения аборигена. Крещение записывалось местным начальником в метрическую книгу.

Г. Ш. Мавлютова утверждает, что к концу XIX в. правила принятия крещения ужесточились. Так, миссионеры, согласно инструкции преосвященного Антония Обдорского, должны были брать подписи аборигенов о добровольности принятия крещения¹⁰⁹. Но правила принятия крещения, как отмечает Л. Н. Харченко, вызывали возражения со стороны архиереев иркутского, забайкальского, якутского и камчатского еще с середины XIX в. Возражения объяснялись неграмотностью аборигенов, которые не могли ставить свои подписи, кочевым образом их жизни

---

¹⁰⁷ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1875 г. // Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 76.

¹⁰⁸ Забайкальская духовная миссия // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1866. № 13. С. 164.

¹⁰⁹ Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Тюмень, 2001. С. 44.

и тяжестью поездок миссионеров с походными церквями¹¹⁰. В ходе переписки архиереев пункты, вызывавшие возражения, были отменены.

В обязанности миссионера входило ведение отчетной документации, предполагавшее наличие у священнослужителя грамотности и ответственности. Кроме крещения, миссионеры были обязаны прописывать приход и расход денег, выделяемых им при разъездах по поручаемым делам и на платеж прогонов. Так, о деньгах, используемых на оплату прогонов при обозрении миссионерами станом, им надлежало вести особые шнуровые книги, выдаваемые преосвященным или духовными консисториями тем лицам, которым будет поручен платеж¹¹¹. В таких книгах отмечалось когда, сколько и из какого уездного казначейства взяты деньги на прогоны, когда, где и сколько заплачено, за какое расстояние, число лошадей, сколько за версту и лошадь. Книги проверялись двумя членами консистории, составлялись отчеты, которые вместе с книгами отсылались в казенные палаты.

В случае нарушения предписаний, а также при проявлении пороков и дурного поведения духовное лицо могло быть отчислено из духовного ведомства по распоряжению духовного начальства. При совершении уголовного преступления суд производился на общем основании, но лишение духовного сана утверждало также духовное ведомство¹¹². Священнослужители, утратившие за пороки духовный сан, отправлялись по распоряжению духовного ведомства в губернское правление, где записывались в мещане или в крестьяне по их желанию, если происходили не из дворян и не пользовались правами почетного гражданства. Последним же сохранялись права состояния, но отнимались все чины, полученные до вступления в духовное звание. Всем выше перечисленным запрещалось

---

¹¹⁰ Харченко Л. Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Очерк истории. СПб., 2004. С. 46.

¹¹¹ Особые счетные правила о некоторых суммах, в ведомстве Святейшего Синода обращающихся и от ревизии Государственного контроля не изъятых // СЗРИ. Т. 8. Ч. 2. Кн. 10. С. 18–19. Ст. 60–63.

¹¹² О предупреждении и пресечении порочного поведения лиц, лишенных духовного звания // СЗРИ. Т. 14. С. 112. Ст. 176–178.

также въезжать и жить в обеих столицах в течение семи лет, вступление на государственную и общественную службу для дьяконов в течение двенадцати лет, для священников в течение двадцати¹¹³.

Во второй половине XIX в. миссионерство основывалось на принципах веротерпимости, сочетавшихся с «сопровождением» священниками уже крещеных и противодействием их уходу из православия. Обязанные использовать в своей деятельности мирные способы деятельности миссионеры иногда прибегали к некорректным способам взаимодействия с местным населением. Так, по наблюдениям князя Э. Ухтомского, забайкальские миссионеры не проявляли доброго отношения к аборигенам. Миссионеры порой вели себя неуважительно, грубо по отношению к бурятам, их верованиям, обрядам¹¹⁴. Таким образом, миссионеры не всегда следовали положениям, прописанным законом.

Изменения во взаимоотношениях церкви и государства, в положении миссионеров и, в конечном счете, в идеале священнослужителя духовных миссий произошли после указа от 17 апреля 1905 г., укрепившего основы веротерпимости. Переход из православной веры в другое христианское вероисповедание или вероучение не подлежал преследованию и не влек за собой последствий в отношении личных и гражданских прав. Совершеннолетний причислялся к тому вероисповеданию, которое он выбрал для себя, несовершеннолетние же, если веру изменил один из родителей, продолжали относиться к прежней вере, если оба – то они следовали вере родителей. Более того, духовным лицам или в их отсутствии светским учителям всех вероисповеданий разрешалось преподавать в учебных заведениях свой Закон Божий на своем языке¹¹⁵. Последующий манифест 17 октября 1905 г. закрепил свободу совести и предоставил право

---

¹¹³ О предупреждении и пресечении порочного поведения лиц, лишенных духовного звания // СЗРИ. Т. 14. С. 113. Ст. 179.

¹¹⁴ Ухтомский Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб., 1892. С. 31.

¹¹⁵ Полное собрание законов Российской империи: собр. 3. Т. XXV. Собрание 1. 1905. СПб., 1908. С. 257–258.

переходить не только из православия в свою прежнюю веру, но в любую нехристианскую.

Чемальский священник-миссионер Тимофей Петров в своих записках за 1909 г. писал об умножении бед для миссионеров с объявлением свободы совести и религии¹¹⁶. По его мнению, прихожане, в особенности русские, охладели к церкви и к ее служителям. Т. Петров отмечал, что с закона 17 октября 1905 г. слова миссионера для прихожан перестали быть законом, как до манифеста 17 октября: «Теперь свобода, что хочу то и делаю, и никто мне не указ»¹¹⁷. По замечанию миссионера, каждый обладатель пальто и сапог с галошами мнил себя знатоком всех законов и не обязан был слушать пастыря церкви. Ежегодно приезжали люди, говорившие о ненужности молиться богу, слушаться священников, что порождало появление из среды прихожан атеистов. Т. Петров, столкнувшись с проблемой атеизма, не знал ее решения, так как не имел опыта работы с этим явлением. В записках он обращался с просьбой к начальству и к коллегам по службе дать ему советы для борьбы с неверием местного населения¹¹⁸.

В религиозной периодической печати отмечалось, что закон от 17 октября 1905 г. был неправильно понят русскими людьми, а именно, свобода мыслилась как разрешение делать что угодно и как угодно, даже если это вредило обществу и государству. По отношению к православному духовенству во имя свободы совести «стало все позволительно: и ругань и насилие. Да и просто быть православным сделалось вдруг неприличным»¹¹⁹.

В «Благовещенских епархиальных ведомостях», например, указывалось на незнание мирянами уголовного закона, который частично ограничивал

---

¹¹⁶ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 42. Л. 16.

¹¹⁷ Там же. Л. 16.

¹¹⁸ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 42. Л. 17.

¹¹⁹ Шиверский Е. Современное положение духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1908. № 21. С. 532.

переход из православия в другую христианскую или нехристианскую веру¹²⁰. Государство и закон по-прежнему продолжали защищать православную церковь, с одной стороны, от неуважения догматического учения и обрядов, с другой – от пропаганды со стороны «иноверцев» в проповедях или печатных произведениях. Согласно статьям Уголовного уложения, введенным 14 марта 1906 г., соращение православного в другое вероисповедание через власть, принуждение, обольщение или обман наказывалось заключением в крепость на срок до трех лет, а с использованием насилия – ссылкой на поселение. При склонении в секту назначалось более строгое наказание – поселение в особо назначенную местность, с применением насилия – наказанием служило восемь лет каторги. Статья 90 Уголовного уложения запрещала произносить, читать публично проповеди, речи, сочинения, показывать изображения, побуждающие к переходу в другую веру или секту, и определяла наказание до одного года заключения в крепости. Таким образом, закон продолжал охранять православную веру, ограничивал свободный переход из православия и препятствовал пропаганде инославия.

В начале XX в. круг лиц, на которых была направлена работа миссии, таким образом, расширился. Акцент сместился с коренного населения на «раскольников». По закону от 17 апреля 1905 г. было установлено различие между вероучениями, объединявшихся под наименованием «раскол», и присвоено «раскольникам» название «старообрядцев» тем, кто принимали основные догматы православной церкви, но не признавали её обрядовой стороны и проводили богослужение по старопечатным книгам¹²¹.

Закон от 17 апреля 1905 г. отменил указание священникам возвращать «отпавших от веры» в лоно церкви. Лица, отклонившиеся от православной веры в другое христианское исповедание, или лица, числящиеся

---

¹²⁰ П-лло Адр. Действующий закон о религиозных правонарушениях // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1910. № 8–9. С. 115.

¹²¹ О предупреждении и пресечении распространения расколов и ересей между православными // СЗРИ. Т. 14. Ч. 1. С. 102–103. Ст. 45–49.

православными, но исповедующие нехристианскую веру, не подлежали преследованию и не лишались личных или гражданственных прав¹²².

Таким образом, если миссионеры в своей деятельности, базирующейся на таких постулатах как веротерпимость и ненасильственность, во второй половине XIX в. могли опекать новокрещеных, вплоть до использования увещеваний со стороны гражданских властей, то в начале XX в. ситуация кардинально поменялась. С объявлением свободы совести миссионерам пришлось искать другие методы привлечения в православную веру и укрепления в ней коренного населения Сибири.

Принятый закон способствовал расширению прав другой категории сибирского населения – старообрядцев. Смягчение конфессиональной политики Российской империи способствовало уменьшению церковного вмешательства в религиозную жизнь старообрядцев и изменению методов работы миссионеров с данной группой.

Итак, законодательство по отношению к миссионерской деятельности православной церкви со второй половины XIX в. до начала XX в. претерпело существенные изменения. Роль православия как приоритетной государственной религии изменилась. Указ 17 апреля 1905 г. уменьшил, а по замечаниям миссионеров, нивелировал авторитет церкви в глазах местного населения.

И если во второй половине XIX в. веротерпимость применялась в Российском государстве ко всем, кроме православных, которых старались удержать в вере не всегда мирными способами, то лишившись поддержки государства и общества, служители миссий столкнулись с рядом неразрешимых проблем в своей работе. Теперь «отпадение» от православия обратно в свою прежнюю веру или любую другую не преследовалось со стороны местного начальства и не влекло изменений в пользовании личными и гражданскими правами. Возвратить отпавших от веры можно было только путем бесед и проповедей.

---

¹²² О предупреждении и пресечении отступления от православной веры // СЗРИ. Т. 14. Ч. 1. С. 102. Ст. 36–39.

Об отсутствии поддержки со стороны общества свидетельствует значительное уменьшение содержания священников-миссионеров со стороны Миссионерского общества, чей капитал состоял из пожертвований. Переписка в 1906 г. между Советом Православного миссионерского общества и высокопреосвященным Макарием, архиепископом Томским и Барнаульским, председателем Томского комитета Православного миссионерского общества показывает, что в новых условиях Алтайская миссия оказалась под угрозой существования. Сокращение сумм на содержание миссии не только сказалось на содержании миссионеров, но остановило миссию в развитии и повернуло его вспять¹²³. Несмотря на то, что наряду с наличием средств от процентов капитала миссии и оказываемой помощи от Православного миссионерского общества, хозяйственного управления при Св. Синоде, Томского епархиального училищного совета и Бийского уездного казначейства, содержание Алтайской миссии с 42 795 руб. 27 к. в 1906 г. снизилось до 31 725 руб. 62 к. в 1907 г. Был предпринят ряд мер для облегчения положения миссионеров в сложившейся ситуации, но уже в 1907 г. их жалование снизили на 15 %¹²⁴.

Начало XX в. принесло священникам-миссионерам не только «холодность к священникам, нерадение и неисполнение таинств и обрядов православной церкви прихожанами», но и нестабильность, шаткость материального положения. Ответом на «вызов» новых реалий и отступление законодательства от укрепления православной веры в стране стала организация миссионерских съездов, результатом которых была выработка новых форм работы миссионеров с лицами неправославного вероисповедания, «раскольниками» и сектантами.

Таким образом, законы Российского государства влияли на ключевые элементы идеала священника-миссионера. Духовное лицо в Сибири должно было проявлять веротерпимость по отношению к коренному населению,

---

¹²³ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 38. Л. 100.

¹²⁴ Там же. Л. 103.

уважать его веру, обычаи и традиции. Действовать рекомендовалось только мирными способами. К крещению миссионер мог приступить только после ознакомления населения с основами православной веры и уверенности в искренности желания креститься. Во второй половине XIX в. миссионеры иногда отступали от данных рекомендаций: использовали гражданскую власть при крещении автохтонного населения Сибири и совершали формальное крещение без предварительной подготовки. Осуществляемый подход к миссионерской деятельности не только расходился с конструируемым идеалом, но и вызывал критику, как со стороны других миссионеров, так и общества. В начале XX в. основы веротерпимости были значительно расширены, что с одной стороны ослабило государственную поддержку миссионеров, а с другой – пресекло возможность использования иных способов в миссионерской деятельности, кроме мирных.

1.2. Влияние природно-климатических условий Сибири на формируемый идеал

На этапе возникновения последовательной и организованной деятельности духовных миссий в Сибири во второй половине XIX в. миссионеры сталкивались со схожими проблемами: кочевой образ жизни коренного населения, незнание местных языков, обширность территорий. Ряд исследователей, например, А. А. Ипатьева, Д. В. Кацюба, М. В. Мавлютова отмечают, что на деятельность миссионеров в Сибири влияли и природно-климатические условия, в которых приходилось работать представителям православной церкви. Чем суровее и непригляднее было место деятельности священника-миссионера, тем больше ему приходилось прикладывать сил к достижению идеала миссионера. Климатические и ландшафтные особенности территории Сибири, их восприятие и переживание

миссионерами были отражены в автобиографиях, отчетах и записках священников, функционирующих в отдаленном регионе страны.

Первое, с чем сталкивались миссионеры, приезжающие из других районов России – это неподготовленность к природным условиям Сибири. Священники, поехавшие в Сибирь добровольно или назначенные по распоряжению Св. Синода, представляли регион как «край света» и описывали его как «холодный», «малообитаемый», «глухой», «дикий» и «отдаленный». «Отправили на край света, в самую дальнюю Сибирь – в Иркутскую епархию», – пишет в своей автобиографии Дмитрий Хитров, впоследствии епископ Якутский¹²⁵. Назначение Д. Хитрова миссионером в Сибирь настолько его разочаровало и напугало, что сначала он даже решил откупиться от должности и нанять за себя другого. Другой миссионер С. Ивановский с печалью писал о своем назначении на Алтай: «Завтра я уезжаю отсюда (Боровой форпост), уезжаю далеко, за целые сотни верст. С завтрашнего дня начнется мое долгое и далекое путешествие; с завтрашнего дня, мало-помалу, начну удаляться от всех знакомых, от всего дорого и милого»¹²⁶. Камчатский миссионер Нестор писал, что больному, одинокому, беспомощному проповеднику было невообразимо больно, обидно и завидно видеть спокойную, сытую, культурную жизнь в Европейской России. Не шла в сравнении с ней жизнь, например, камчатского миссионера в «снежной пустыне с грязными, дикими, больными, голодными людьми, с собаками и дикими зверями»¹²⁷.

Переезд в другую местность и тяжелые испытания рассматривались как неотъемлемая часть миссионерского служения. Архиепископ Рижский Арсений отмечал, что миссионеру нередко приходилось отправляться в далекие места, где он претерпевал различные неудобства – голод и холод,

---

¹²⁵ Преосвященный Дионисий, епископ Уфимский и Мензелинский // Церковные ведомости. Прибавления. 1900. № 14. С. 578.

¹²⁶ Ивановский С. Записки миссионера Кебезинского отделения Алтайской духовной миссии, священника Сергея Ивановского, за 1888 г. // Церковные ведомости. Прибавления. 1889. № 18. С. 502–503.

¹²⁷ К открытию Православного Камчатского братства во имя Нерукотворного образа Всемилостивого Спаса // Владивостокские епархиальные ведомости. 1910. № 20–21. С. 693.

нерасположение местного населения и изгнание¹²⁸. Таким образом, с одной стороны, должность миссионера в Сибири предполагала переезд в далекий край, описывавшийся при помощи таких слов-маркеров как «холодный», «дикий», «пустынный». С другой – она была сопряжена с различными испытаниями, которые священнослужитель должен был стойко перенести.

Духовные миссии понимали непрочность поступления миссионеров из Европейской России, которые не знали местных языков, обычаев, не были готовы к суровым климатическим условиям и бездорожью, что приводило к разочарованию приехавших миссионеров и заставляло их возвращаться назад¹²⁹. Высказывалось мнение, что миссионеров необходимо заранее знакомить с особенностями природных условий Сибири. Так, архимандрит Макарий (Глухарев) отмечал, что в России имели неправильное представление о Сибири, что приводило к удерживанию желающих поступить на миссионерскую службу¹³⁰. Составление записок и наблюдений о природе и климате Сибири в таком случае могло бы помочь в выборе мест для учреждений миссий и знакомило миссионеров с условиями работы. Преосвященный Вениамин, викарий Иркутский, путешествуя по Забайкальской области, в частности, по реке Чикой, правом притоке Селенги, писал о великолепных видах, умеренном и приятном климате. Увиденная им природа Забайкалья заставляла его задумываться о незнании русскими своей страны. Он отмечал, что Сибирь, и особенно такой отдаленный край как Забайкальская область, в воображении русского изображалась в мрачных и нередко ужасающих картинах¹³¹.

В качестве решения кадрового вопроса миссий предлагалось обучать миссионеров из местного населения. В духовных образовательных учреждениях, которые стали целенаправленно готовить миссионеров,

---

¹²⁸ О миссионерстве вообще и в Рижской епархии особенно // Церковные ведомости. Прибавления. 1897. № 3. С. 87.

¹²⁹ Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 98.

¹³⁰ НИОР РГБ. Ф. 178. К. 2. Ед. хр. 3003. Л. 15.

¹³¹ Преосвященный Вениамин, викарий Иркутский // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1863. № 16. С. 221.

особенное внимание уделялось физическому развитию. В Бийском духовном училище, открытом в 1879 г., занятия физическим трудом преследовали две цели: во-первых, укрепление здоровья, воспитание ловкости и быстроты телодвижений; во-вторых, приучению к труду и простейшим земледельческим работам¹³². Таким образом, с конца XIX в. более подходящими на должность миссионера признавались представители коренного населения. Они были приспособлены к природно-климатическим условиям, знали местные языки и культуру аборигенов.

Одной из главных тем записок миссионеров выступало описание дороги и транспорта, используемого в Сибири. Священнослужители, работающие в различных духовных миссиях Сибири, отмечали бездорожье региона, которое создавало препятствия на пути миссионеров и даже угрожало их жизни. Среди видов транспорта назывались: лошади, собаки, олени, телеги, нарты и лыжи. Перечисленные средства передвижения требовали наличия у миссионеров определенных знаний и умений, позволявших успешно совершать путешествия. Наиболее трудными для деятельности миссионеров назывались территории Алтайской, Забайкальской и Якутской миссий. Так, совершая свой путь по Алтаю, миссионеры описывали его следующим образом: «Убийственнее дороги нет как дорога по Черни <...> Беспрестанные топи, в которых лошади погружались по брюхо, сменялись высокими и острыми кочками и пнями»¹³³. Миссионер Урскульского стана Алтайской миссии Смарагд писал, что путь от Улалы до Чемала совершался на телеге, но, начиная с Чемала, тележный путь заканчивался и приходилось продолжать ехать на лошадях – далее начинались горы¹³⁴. Особую опасность и сложность в преодолении представляли бомы или огромные обрывистые горы.

---

¹³² Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 102–103.

¹³³ Синьковский Ф. Записки Алтайского миссионера, священника Филарета Синьковского за 1876 г. // Миссионер. 1877. № 26. С. 209.

¹³⁴ Смарагд. Записки Алтайской духовной миссии Урскульского стана миссионера иеромонаха Смарагда за 1861 г. // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 2. С. 151.

Препятствия на пути создавали разлившиеся от дождей реки: «Реки переполнялись от дождевой воды так, что приходилось многие места объезжать, переплываться вплавь, не раз приходилось слезать с лошади, чтобы вылить из сапог воду и выжать измокшие чулки. <...> Переезжая широкий залив р. Иши, миссионер так погрузился в воду, что вода дошла до груди, намочив одежду и съестные припасы»¹³⁵.

Миссионеры Забайкальской миссии некоторые места могли посетить только зимой или летом. Не меньшие трудности создавало бездорожье. Улусы в среднем течении реки Селенги были доступны только зимой и представляли собой, по замечанию иеромонаха Мелетия, страшную картину. Почти вся местность была покрыта ледяной корой, оставшейся после наводнений, похожей на одно сплошное море¹³⁶. Кроме наводнений, местность страдала и от землетрясений, что отмечено в записках того же миссионера. Район реки Цакирки, притока Джиды (левый приток Селенги), изображался забайкальским миссионером Ф. Альбицким как суровый, угрюмый и холодный край, в котором даже в мае не было видно зеленой травы и набухших почек. Взбираясь на один из хребтов, миссионер увяз в грязи, в другом месте лошадь провалилась задними ногами в пропасть и чуть не опрокинула тележку с Ф. Альбицким, поэтому преодолеть путь возможно было только пешком¹³⁷.

Чукотский миссионер Иоанн Невский, описывая свой путь в наслеги Намский (севернее Якутска), Чачуйский и первый Эдюгейский, Жемконский, Тасагарский, Эргитский, Атаманский и первый Тогуйский, отмечал: «Дорога, или лучше сказать узкая тропа, пролегла по грязям и бесконечным болотам, тучи комаров и зной солнечный дополняли для путников тяготу их мучений <...> После верховой мучительной езды, ослабевшим от усталости путникам

---

¹³⁵ Соколовский Т. Записки миссионера Алтайской миссии // Миссионер. 1876. № 7. С. 58.

¹³⁶ Из записок забайкальского миссионера за 1863 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1864. № 30. С. 494.

¹³⁷ Альбицкий Ф. Записки забайкальского миссионера священника Ф. Альбицкого // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1866. № 9. С. 113.

не было возможности заснуть от множества комаров и бессменного дня»¹³⁸. Большие затруднения в пути, по замечанию И. Невского, вызывало отсутствие населенных пунктов: «На пути к ним жители так редки, что с утра до вечера едва-едва можно было доехать до одного очага до другого, а иногда, за отдаленностью и за глубокими снегами, при отсутствии дорог, не могли в течение целого дня добраться до жителей, и потому имели ночлег на снегу, под открытым небом, при пылающем костре дров»¹³⁹.

Другой чукотский миссионер, иеромонах Анатолий, описал свой путь на Шелагский мыс, находящийся у входа в Чаунскую губу. Он ехал на собаках под открытым небом девять дней, спал на снегу или льду Ледовитого океана, постоянно опасаясь пурги, способной захоронить заживо¹⁴⁰. Камчатский миссионер Нестор совершал поездки на нартах на собаках (12–20) или оленях (2–4), от которых первоначально его укачивало, но привыкнув, ехал лежа и даже читал книги. Езда в нартах на оленях была, с одной стороны, неудобна, с другой – более безопасна. Собаки могли опрокинуть нарты и оставить человека одного среди выюги в снежной пустыни. Не без содрогания вспоминал Нестор о путешествиях на лошадях с деревянными седлами, после которых приходилось хромать¹⁴¹.

Постепенно дорожная инфраструктура Сибири развивалась, что облегчало путешествие миссионеров по некоторым территориям, особенно обладающим благоприятным климатом. Преосвященный Тихон, епископ Енисейский и Красноярский, совершая поездку в Туруханский край, отмечал, что путешествие по епархии, за исключением некоторых окраин, не представляло затруднений¹⁴². Однако доехать до Туруханского края можно было только одним путем и зимой, и летом – по р. Енисей.

---

¹³⁸ Дионисий, епископ якутский и Вилюйский. Отчет Якутского комитета православного Миссионерского Общества за 1874–1875 г. // Миссионер. 1876. № 6. С. 44.

¹³⁹ Дионисий, епископ якутский и Вилюйский. Отчет Якутского комитета Православного миссионерского общества за 1874 – 1875 г. // Миссионер. 1876. № 5. С. 38.

¹⁴⁰ Дионисий, епископ якутский и Вилюйский. Отчет Якутского комитета Православного миссионерского общества за 1874–1875 г. // Миссионер. 1876. № 7. С. 57.

¹⁴¹ Записки камчатского миссионера иеромонаха Нестора. Казань, 1909. С. 6.

¹⁴² Поездка преосвященного Тихона, епископа Енисейского и Красноярского в Туруханский край для обозрения церквей, летом 1890 г. // Церковные ведомости. 1891. № 30. С. 1005

В сборнике сведений о православных миссиях местность, в границах которой совершалась деятельность Иркутской духовной миссии, признавалась удобной для миссионерских путешествий¹⁴³. Из десяти «инородческих» ведомств семь располагались в степной местности, покрытой местами лесами и топями. Наиболее сложными для посещения были Ольхонское ведомство, находящееся среди горных хребтов, Китойское, располагавшееся среди лесов и топей и Тункинское – среди огромных горных хребтов и непроходимых топей. Самое подходящее время для посещения этих трех ведомств были февраль и март¹⁴⁴. В описании, помещенном в «Иркутских епархиальных ведомостях», пути сообщения в северо-восточной части о. Байкала и о-ва Ольхон характеризовались как неудобные, по причине наличия многочисленных горных рек и ручьев¹⁴⁵. По замечанию автора публикации, горные реки после дождя превращались в бурные, стремительные потоки, захватывающие все на своем пути и вырывавшие по берегам кустарники. Непроходимой местность становилась не только в период дождей, но и весной: горные реки разливались и прерывали пути сообщения на 2–3 недели. Посещение территории летом и зимой также вызывало затруднение, а совершать путешествие приходилось, используя все возможные средства передвижения – водные, на лошадях и даже пешком.

При описании одного из станов Тункинского ведомства отмечалось не только отсутствие путей сообщения, но и неблагоприятные климатические условия: «Зимой препятствиями служили глубокие снега, частые вьюги и метели; летом бурные горные реки, труднопроходимые болота»¹⁴⁶. Особенно большие неудобства создавала ночевка зимой на открытом воздухе, которая могла усугубиться метелью или сильными морозами.

---

¹⁴³ Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества М., 1872. С. 56.

¹⁴⁴ Там же. С. 57.

¹⁴⁵ Описание Еланцинского покровского миссионерского стана, Верхотенского уезда, Иркутской епархии (1871–1898) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1902. № 4. С. 61.

¹⁴⁶ Окинско-Мондинский миссионерский стан, Тункинского отдела, Иркутской миссии // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1909. № 6. С. 183.

В записках миссионеров повторялись темы смерти, опасности, страха и одиночества. Алтайский миссионер С. Ивановский всю полноту одиночества ощутил, когда заболела его жена: «Жена заболела тифом. Произведенный ею шум будил двухлетнюю дочь, и комната наша оглашалась плачем и раздирающими душу криками. А вокруг ни души. Я выбегал на крыльцо, чтобы увидеть хотя какое-нибудь человеческое существо и не быть одному, но в ответ на мои слезы только шумел лес около нашего дома и гудел ветер, еще более давая нам почувствовать наше одиночество»¹⁴⁷. Миссионер Смольяников, совершая путешествие по Телецкому озеру, отмечал отсутствие человеческой жизни. Миссионер видел только непроходимые леса с дикими животными, слышал шум волн и писк птиц¹⁴⁸.

Предпринимая путешествия, миссионеры сталкивались с опасностями, которые приводили к болезням и даже смерти. В некрологе, посвященном В. Вербицкому, отмечалось, что деятельность миссионера, полная энергии и самоотвержения, была связана с постоянными опасностями. В конце концов, его многолетние и длительные поездки верхом на лошади привели к смертельной болезни¹⁴⁹. Миссионер Дм. Хитров, проповедуя в Якутской области, по несколько месяцев ночевал на снегу под открытым небом при сильнейших морозах. Такие условия деятельности, по замечанию священнослужителя, одних обрекали на преждевременную смерть, других – на болезни, окончательно расстраивавшие их здоровье¹⁵⁰.

В то же самое время Сибирь для миссионеров открывала необычайную красоту природы. Несмотря на опасность путешествия, например, по Алтаю, для миссионеров он был прекрасным миром, чуждым шума и сохранившим

---

¹⁴⁷ Ивановский С. Записки миссионера Кебезинского отделения Алтайской духовной миссии, священника Сергея Ивановского, за 1888 г. // Церковные ведомости. Прибавления. 1889. № 18. С. 508.

¹⁴⁸ Смольяников И. Записки алтайской духовной миссии Улалинского отделения священника Иоанна Смольяникова за 1860 и 1861 гг. // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 2. № 7. С. 286.

¹⁴⁹ Некролог. Памяти покойного миссионера протоиерея Василия Ивановича Вербицкого (из записок Киргизского миссионера игумена Владимира Синьковского) // Церковные ведомости. Прибавления. 1891. № 31. С. 1057.

¹⁵⁰ Пресвященный Дионисий, епископ Уфимский и Мензелинский // Церковные ведомости. Прибавления. 1900. № 18. С. 722.

печать первозданной красоты. С вершин Алтая человек видел «море гор, а на горах опять горы до поднебесья, вершины которых украшали белоснежные венцы. Видел он и множество вод, вековечные леса, а внизу под ногами облака, бури и дожди. Великолепие природы заставляло почувствовать ничтожность своего телесного существования, восторг, подъем духа. Именно здесь, вдали от людской суеты, человек мог почувствовать себя ближе к небу и дать мыслям более возвышенное направление»¹⁵¹. Но само это великолепие создавало большие трудности, препятствия, беды и скорби на пути миссионера.

Эмоциональную окраску носило описание миссионерами Иркутской епархии. Территория северо-восточной части о. Байкал представляла собой живописную, гористую, покрытую лесами местность. Рядом располагалась р. Ангара, становившаяся бурной и глубокой весной и после дождей летом¹⁵².

Как известно, климат значительной части региона был резко континентальным. Большие годовые амплитуды колебания температур, сочетание очень холодной зимы с небольшим количеством осадков и жаркого лета создавали непростые условия деятельности священников-миссионеров.

Согласно отчетам миссионеров, природно-климатические условия Северо-Западной Сибири носили в основном благоприятный для миссионерской деятельности характер. Несмотря на отсутствие дорожной инфраструктуры и резкие перепады между зимними и летними температурами, территория представляла собой тундру с севера, переходящую в лес и лесостепь с продвижением на юг. Территория Иркутской духовной миссии преимущественно имела степной характер и только на юге-востоке покрыта горными хребтами. Мягкий рельеф

---

¹⁵¹ Памяти архиепископа Владимира // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1900. № 19. С. 12.

¹⁵² Описание Еланцинского покровского миссионерского стана, Верхоленского уезда, Иркутской епархии (1871–1898) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1902. № 4. С. 61.

местности позволял миссионерам без лишних физических нагрузок выполнять свои функции.

Больших физических усилий и умений требовало путешествие по территории Горного Алтая и Забайкальской области. Отсутствие дорог, горы, перемешанные с топями, болотами, куда могли провалиться лошади, требовали крепкую физическую силу и смелость. Неприглядным для путешествий был север Якутской области, представлявший из себя суровый край, малопригодный для проживания. Расстояния преодолевались на собачьих упряжках, что при редких поселениях могло грозить опасностями. В дороге могла застать снежная пурга, способная заживо похоронить человека.

Природно-климатические условия обуславливали как структуру и содержание идеала миссионера, так и эффективность деятельности священнослужителей в Сибири. Во-первых, труднодоступные места миссионер мог посещать непродолжительное время, иногда раз или два в год, что влияло на качество усвоения православной культуры местным населением. Во-вторых, климат и рельеф местности оказывал влияние на здоровье миссионера, что при отсутствии подготовки и необходимых навыков могло привести к болезни и даже смерти. В-третьих, преодоление трудностей пути понималось как неотъемлемая часть миссионерского служения. Идеал миссионерского служения в сложных природно-климатических условиях предполагал наличие таких качеств как храбрость, смелость, терпение, готовность к страданиям, физическая сила, здоровье и владение навыками использования различного транспорта.

1.3. Роль социально-экономических факторов в формировании идеала

Конструирование идеала священника-миссионера было сложным и многоаспектным процессом. Наиболее полно изучить идеал позволяет выяснение контекста его формирования. Одним из его компонентов выступали социальный статус и материально-бытовые условия, которые включают характеристику социального положения священника-миссионера (происхождение, образование, причины выбора миссионерской деятельности) и его материальное положение (доходы, имущество, условия жизни).

Э. К. Виртшафтер под социальным статусом в Российской империи понимала три составляющие: во-первых, наследственность или происхождение (по отцу или мужу), во-вторых, образование и, в-третьих, занятие, которое определялось происхождением, образованием, экономическими, служебными и профессиональными обязанностями¹⁵³.

Кандидатом на должность миссионера мог стать только тот, кто получил духовное воспитание и образование. Происхождение из сословия духовенства способствовало формированию самосознания священнослужителя еще с детства, а обучение в духовных образовательных учреждениях предоставляло необходимые знания для проповедования православной веры среди коренного населения Сибири. Как отмечают исследователи Н. А. Иванова и В. П. Желтова, принадлежность к сословию обуславливала наличие не только законодательно закрепленных прав, обязанностей и возможности передать их по наследству, но и существование специфического менталитета и самосознания сословия¹⁵⁴.

Русское духовенство было замкнутым сословием. Неслучайно в произведении И. С. Тургенева «Рассказ отца Алексея» отец Алексей говорит: «В нашем приходе близко двухсот годов все из нашей семьи

---

¹⁵³ Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 42.

¹⁵⁴ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX–начале XX в. М., 2004. С. 7.

священники бывали»¹⁵⁵. Священство было в родстве и если священник имел дочь, то его желанием было выдать ее за выпускника-семинариста. В пореформенное время были сделаны попытки внести коррективы в положение сословия духовенства.

Большое влияние на образ священника в общественном мнении Российской империи сыграла книга И. Беллюстина «Описание сельского духовенства», после выхода которой началось активное общественное осмысление проблем духовенства и путей их решения. Особенно остро обсуждался вопрос об улучшении положения духовенства как материального, так и духовного на рубеже 1850–1860-х гг. в периодической печати, в том числе и церковной. Доклад П. А. Валугева «О преобразовании быта духовенства», написанный в 1861 г., предлагал разрушить замкнутость русского духовенства, сблизить его с остальными сословиями и повысить материальный и нравственный уровень священнослужителей¹⁵⁶. В результате в 1860-х гг. был принят ряд указов, изменивших правовое положение духовенства. Указ от 1867 г. упразднял наследственную передачу церковных должностей. По закону от 26 мая 1869 г. дети духовенства отчислялись из духовного звания, но сохраняли право на обучение в духовных учебных заведениях, на определение священниками и церковнослужителями.

Б. Н. Миронов высказывает мнение, что церковная реформа 60-х гг. XIX в. способствовала разрушению сословия духовенства и превращению его в профессию из-за изменения юридических основ его существования¹⁵⁷. Замкнутость сословия духовенства была подорвана, пишет В. А. Федоров, но на практике не уничтожена¹⁵⁸. А исследовательница Л. Манчестер говорит о сохранении сословия духовенства в России и в XX в.

---

¹⁵⁵ Тургенев И. С. Рассказ отца Алексея // Антология мировой фантастики. Замок ужаса. М., 2003. Т. 8. С. 67.

¹⁵⁶ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 212.

¹⁵⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 107.

¹⁵⁸ Федоров В. А. Русская православная церковь... С. 215.

Церковная реформа имела еще одно последствие. Н. А. Иванова и В. П. Желтова отмечают, что свобода, предоставленная детям духовенства, не привела к их разрыву с духовным ведомством, и большинство детей шло по стопам отцов. Влияние клерикального воспитания на интеллектуальный мир, социальную и профессиональную самоидентификацию детей духовенства, по утверждению Л. Манчестер, было достаточно сильным¹⁵⁹.

При этом ряд свидетельств современников говорит о нежелании воспитанников семинарий и сыновей священников принимать священнический сан. Об этом свидетельствуют епархиальные отчеты, сообщающие об отчислении из духовных семинарий детей лиц духовного звания с перемещением их на гражданскую службу. Вновь обратимся к рассказу И. С. Тургенева «Рассказ отца Алексея», когда сын священника отказывается идти по стопам отца, ссылаясь на то, что его сердце не лежит к духовному званию¹⁶⁰.

Для тех, кто желал занять священническое место, возникали сложности в поисках прихода. По замечанию священника И. Беллюстина, проблема поиска места вставала даже перед лучшими выпускниками семинарий. Л. Манчестер высказывает мнение, что сама церковь поддерживала выход священнослужителей и их детей из сословия духовенства. Разрыв при этом рассматривался не как предательство, а как возможность привнести в светский мир ценности, которые были усвоены с духовным воспитанием, и стать, таким образом, «миссионерами» сословия духовенства¹⁶¹.

Для успешной миссионерской деятельности важно было не только происходить из семей духовных лиц, но и иметь духовное образование. Т. Г. Леонтьева отмечает, что, несмотря на попытку превратить семинарии во

---

¹⁵⁹ Байфорд Э. Рецензия на книги: Laurie Manchester. Holy Fathers, Secular Sons...; Jennifer Hedda. His Kingdom Come... // Антропологический форум. № 10. С. 322.

¹⁶⁰ Тургенев И. С. Рассказ отца Алексея // Антология мировой фантастики. Замок ужаса. М., 2003. Т. 8. С. 67.

¹⁶¹ Байфорд Э. Рецензия на книги... С. 326.

всесословные учебные заведения, свыше 80 % учащихся составляли дети священников и церковнослужителей¹⁶².

Еще до XVIII в. недостаток образования был существенной преградой для поступления на священно-церковные должности из низших слоев населения, тогда как дети духовенства с раннего детства обучались своими родителями грамоте¹⁶³. По указам Александра I от 26 июня 1808 г. и 27 августа 1814 г. все дети священно- и церковнослужителей с 6–8 лет зачислялись в духовное училищное ведомство и должны были окончить приходское духовное училище¹⁶⁴. Постепенное увеличение количества семинаристов привело к введению штата воспитанников семинарий в 1851 г.

Особенно остро стоял вопрос об образовании миссионеров при отсутствии специальных учебных заведений для них. Архиепископ Евгений, рассуждая об обучении проповедников, писал, что трудно и почти невозможно быть миссионером, не зная языка, веры и нравов народа. Для получения необходимых знаний предлагалось посылать миссионеров в жилища аборигенов на определенное время, скрывая от местного населения цель посещения¹⁶⁵. Миссионеры в ходе своего проживания с местным населением изучали бы язык, создавали лексику и грамматику, узнали бы их обычаи и веру. При достижении хороших знаний языка им следовало заняться переводческой деятельностью. Добрые отношения с местным населением, таким образом, формировались за счет хорошего поведения, кротости нравов и доброты¹⁶⁶.

Проект преосвященного Евгения не дает о себе забыть, и к нему возвращается Архимандрит Венедикт. В 1847 г. он пишет о невозможности обучать миссионеров в Тобольской семинарии, где отсутствовали

---

¹⁶² Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 170.

¹⁶³ Иванова Н. А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2012. С. 241.

¹⁶⁴ Иванова Н. А. Там же. С. 237; Цыпин В. Церковное право. М., 1996. С. 244.

¹⁶⁵ Рапорт ректора Тобольской семинарии архимандрита Венедикта об обучении в семинарии миссионеров // «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е – 80-е гг. XIX в.): Источники. Тюмень, 2003. С. 65.

¹⁶⁶ Там же. С. 65–69.

квалифицированные специалисты, способные преподавать местные языки. Следовательно, идеи Евгения, предполагающие изучение языков при помощи местного населения, были реальным способом решения существующей проблемы. Для того, чтобы миссионеры имели необходимые качества, на должность им следует поступать добровольно, так как апостольская ревность, кротость, долготерпение, теплота и любовь даются избранным и не могут быть насаждаемы.

С конца XIX в. в религиозной периодической печати все чаще высказывалось мнение о привлечении коренного населения на службу в миссии. Один из проектов подготовки аборигенов предполагал посылать детей в Казанскую учительскую семинарию. На место в семинарии был тщательный отбор претендентов. Среди условий для будущего миссионера называлось получение религиозно-нравственного образования в училище. Кроме того, необходимо было обладать определенными навыками и знаниями, например, владеть русским языком, природной даровитостью, основательностью, дельностью, степенностью, серьезностью, трудолюбием, усердием к занятиям и крепким здоровьем¹⁶⁷. Эти высокие требования были обусловлены и тем, что обучение оплачивалось из средств миссионерского общества по 130 руб. в год на человека.

В основной своей массе миссионеры имели духовное образование. Например, в Алтайской духовной миссии (1899 г.), состоящей из 14 станом работало 14 священников-миссионеров (из 15 миссионеров), получивших образование в духовных семинариях, Улалинском миссионерском училище, Бийском катехизаторском училище, Барнаульском духовном училище и только двое окончили Казанскую учительскую семинарию¹⁶⁸.

Насколько важно было иметь духовное образование и воспитание, начинавшееся еще в детстве, говорит тот отбор миссионеров, который производили начальники миссий. Например, пригодность кандидата

---

¹⁶⁷ Харлампович К. Н. И. Ильминский и Алтайская миссия. Казань, 1905. С. 40–41.

¹⁶⁸ Л-ский С. Томская епархия в 1898–1899 гг. // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1900. № 20. С. 10–23.

в миссионеры М. Путинцева, который имел казачье происхождение, воспитывался в кадетском корпусе и прошел военную службу, вызвала сомнения среди руководства Алтайской духовной миссии. Его происхождение, по мнению о. Макария (Петрова), показывало личность энергичную и решительную, способную на необдуманные поступки, что недопустимо для миссионера¹⁶⁹.

В конце XIX – начале XX в. среди священников-миссионеров укоренились представители местного населения. Это явление было связано со сменой этапов в развитии миссионерского дела, а также с невозможностью найти достойную замену выбывшим миссионерам. По выражению Н. И. Ильминского, многие «ударилась в наживу, в политику или в безбожие» и, если в Сибирь ехали из Европейской России, то не по призванию, а из-за материальной крайности.

Как писал Н. И. Ильминский, на начальном этапе становления миссии, русским людям, приехавшим из внутренних губерний России, необходимо было взять на себя всю тяжесть миссионерского дела и заложить его основу¹⁷⁰. На следующем этапе главная роль должна была перейти к представителям местного населения, так как они были бы успешнее и усерднее или, по крайней мере, выносливее русских миссионеров.

Представителям местного населения, чтобы стать миссионерами, надо было окончить духовное учебное заведение. И. Ю. Ванина в статье «О проектах миссионерской работы в Сибири» связывает проблему нехватки подготовленных кадров миссии с отсутствием специализированных учреждений, которые готовили бы миссионеров¹⁷¹. Только в 1854 г. были открыты миссионерские курсы при Казанской духовной академии. Позднее было предпринято несколько попыток реализации проектов организации миссионерского образования: программа обучения для семи студентов из

---

¹⁶⁹ Харлампович К. Н. И. Ильминский и Алтайская миссия. Казань, 1905. С. 50.

¹⁷⁰ Там же. С. 46.

¹⁷¹ Ванина И. Ю. О проектах миссионерской работы в Сибири // Исторические судьбы православия в Сибири. Иркутск, 1997. С. 30.

Иркутской епархии, отправленных в Петербургскую духовную академию, составленная митрополитом Григорием в 50-е гг. XIX в.; проект архиепископа Евсевия о преобразовании одной из семинарий в миссионерскую; миссионерский институт при Покровском монастыре в Москве в 1895 г. Все эти проекты, по мнению И. Ю. Ваниной, сложно было реализовать по причине нехватки средств, инициативы и подготовленных кадров.

В Алтайской духовной миссии первоначально местных мальчиков отправляли в Казанскую семинарию, которая смогла бы подготовить их к миссионерской деятельности. В дальнейшем на Алтае были построены учебные заведения по образцу Казанской семинарии и перенята их образовательная программа, что оказалось удобнее и выгоднее для миссии. В 1879 г. в Бийске было открыто катехизаторское училище, в старшем отделении которого обучались выходцы из местного населения¹⁷².

Другим местом подготовки служил московский Покровский монастырь, куда съезжались и миссионеры, имеющие миссионерский опыт, навык переводческой деятельности и желающие найти там свой последний приют. С 1871–1878 гг. было подготовлено всего 26 миссионеров, что объяснялось строгими требованиями, предъявляемыми к миссионерам. Как писал св. Иннокентий якутскому епископу Дионисию, в монастырь приезжало много желающих, но большая часть признавалась неудобными и неблагожелательными, поэтому им отказывали¹⁷³.

Наличие духовного образования еще не говорило о способности к миссионерству. Причины стать не просто священником, который имел постоянный доход, а священником-миссионером были весьма разнообразны. Среди них называлась христианская любовь, побудившая нести православную культуру местному населению, и рука божия. Иоанн Вениаминов, будущий митрополит Московский Иннокентий, рассматривал

---

¹⁷² Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 100.

¹⁷³ Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М., 2007. С. 479.

свой пример выбора пути миссионера доказательством той истины, что бог направляет человека. Показателен пример миссионера Алексея Чевалкова, назначенного на службу в Мрасское отделение в 1906 г. Прослужив в миссии несколько месяцев, он сбежал в Улалу, откуда был возвращен под угрозами начальника миссии вплоть до того времени, когда его просьба о переводе была удовлетворена¹⁷⁴.

Таким образом, для миссионера важно было не только происхождение из сословия духовенства, от которого он получал духовное семейное воспитание, ценностные мировоззренческие установки и возможность занять священническое место, но и получение духовного образования в специальных учреждениях.

Не менее значимыми были материально-бытовые условия, которые влияли на формирование идеала и включали доход миссионера, его имущество и быт (питание, одежда, жилье). Как отмечал в свое время известный книговед и статистик Н. А. Рубакин, материальная жизнь человека влияет на его умственную и нравственную жизнь. В свою очередь, последние влияют на способы удовлетворения материальных потребностей и на их количество¹⁷⁵.

Источник доходов у священников-миссионеров и приходских священников отличался. Со времен Николая I духовенству выплачивались постоянные оклады, но, как отмечают Н. А. Иванова и В. П. Желтова, они не были всеобъемлющими¹⁷⁶. Казенное жалование имели духовные лица в административных церковных учреждениях, учебных заведениях и в наиболее бедных приходах, при условии, что основное содержание духовенство получало от земли, сборов от прихожан и других местных средств. Средний оклад в год для священника составлял 300 руб., кроме того, предписывалось исполнять безвозмездно требы. Это указание вскоре было

---

¹⁷⁴ Ерошов В. В., Кимеев В. М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. С. 26.

¹⁷⁵ Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. М., 2009. С. 69.

¹⁷⁶ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России. С. 50.

отменено в связи с прекращением выделения сумм из казны на содержание духовенства не охваченных епархий¹⁷⁷.

В статье, помещенной в «Прибавлениях к Иркутским епархиальным ведомостям» за 1863 г., в качестве основных доходов духовенства называлась земля (около 33 десятин), приписанная к каждой церкви и разделяемая между членами местного причта: священником, дьяконом и причетниками. Обработка земли должна была предоставлять духовным лицам содержание для них самих и для их семей¹⁷⁸. Из-за отсутствия у священника времени на обработку земли, по причине выполнения своих служебных обязанностей, ему приходилось сдавать свой участок в аренду помещикам. После реформы 1861 г. землю причта брали в наем уже и крестьяне. В сельских приходах священник обрабатывал землю собственными руками. О таких священнослужителях Иоанн Беллюстин писал: «Посмотрите на такого священника, есть ли какой-нибудь признак, что он священник? <...> Весь занятый уходом за скотом, за землей, свое прямое назначение он считал чем-то побочным <...> Приходит день праздничный, нужно совершить литургию, – о, какой тяжкий, невыносимый труд это для него; лучше бы он обмолотил два овина, чем отслужить одну обедню»¹⁷⁹. Обеспечивая себе таким образом пропитание, священник совершенно не выполнял свои прямые обязанности. Кроме церковной земли или угодий, отводимых на содержание причта, могло выплачиваться годичное жалование безземельному духовенству от прихода деньгами, хлебом, дровами и прочим, по уговору. В качестве еще одного источника выступали средства, выплачиваемые прихожанами за исполнение духовных треб.

В 80-х гг. XIX в. Амвросием Дмитровским, по просьбе К. П. Победоносцева, была составлена записка, где вновь поднимался вопрос об обеспечении духовенства. Достаточным годовым окладом исчислялась

---

¹⁷⁷ Иванова Н. А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2012. С. 258.

¹⁷⁸ По вопросу об улучшении быта духовенства // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1863. № 30. С. 476.

¹⁷⁹ Беллюстин И. С. Записки сельского священника [Электронный адрес]. Режим доступа: <http://www.omolenko.com/publicistic/belustin.htm> (дата обращения: 2.05.2014).

сумма в 300 руб., которая равнялась заработку рабочего-печатника или чиновника для письма и в три раза уступала жалованию учителя гимназии¹⁸⁰. Историк А. Ю. Полунов пишет, что материальная необеспеченность не могла не привести к проблемам, что проявилось во время голода 1891 г., когда духовенство, особенно сельское, оказалось в положении голодающих. Выходом было введение с 1893 г. казенного жалования, возрождавшего начинания Николая I, однако к 1905 г. в среднем на каждого клирика приходилось 103 руб.¹⁸¹

Миссионеры, в свою очередь, получали не столько жалование, сколько средства на деятельность миссии. Так, по распределению Тобольской консистории, члены Алтайской миссии получали жалование в следующем размере: семейные, командированные не далее 500 верст получали по 1 000 руб. в год, бессемейные – 500 руб., семейные, командированные далее 500 до 1 000 верст – 1 500 руб., бессемейные – по 1 000 руб., семейные, командированные за 1 000 до 2 000 верст и дальше – 2 000 руб., бессемейные – 1 500 руб. Имевшим сан архимандрита или игумена назначалось жалование, присвоенное семейным, но с тем условием, чтобы они из этой суммы выделяли и на прогоны, и на кресты новокрещеным, и на другие издержки¹⁸². Следовательно, с 1830 по 1837 гг. Алтайская миссия, состоявшая из Макария Глухарева и еще из двух членов, получала от правительства на свое содержание по 1 000 руб. в год, с 1837 по 1844 г. – по 541 руб. Как отмечает Д. В. Кацюба, с 1857 г. Св. Синод стал выделять по 4 000 руб. в год, позже по 6 170 руб. В среднем миссионеры-священники и иеромонахи получали 350 руб. в год, не имея побочных доходов.

Сургутской и Обдорской миссиям при содействии епархиальных властей был назначен усиленный оклад, который состоял из двух частей:

---

¹⁸⁰ Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора: государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 47.

¹⁸¹ Там же. С. 52.

¹⁸² Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии // Церковные ведомости. Прибавления. 1888. № 49. С. 1382.

годового и дополнительного¹⁸³. Старшему миссионеру (благочинному и настоятелю) из сумм казначейства выплачивалось 180 руб., добавочный оклад, выделяемый хозяйственным управлением Св. Синода, составлял 170 руб. Оплата труда священника, помощника настоятеля составляла 350 руб. В 1868 г. на содержание всего причта Сургутской миссии выделили 892 руб. 23 к., на Обдорскую – 1 363 руб. 96 к.

Непосредственную помощь оказывали и благотворители. Д. В. Кацюба пишет, что архимандрит Макарий жил на свой магистерский оклад в 350 руб. и без пожертвований миссия не смогла бы справиться со своими обязанностями. Так, в 1832–1933 гг. о. Филарет собрал и передал архимандриту Макарию 1 200 руб. Сам основатель Алтайской миссии во время своей поездки в Санкт-Петербург собрал около 15 тыс. руб., а затем получал по 1 000 руб. сразу от некоторых благотворителей, например, от князя А. С. Меншикова¹⁸⁴. Помощь же от местных властей была символической. Так, миссионеры получали билеты для взимания подвод без оплаты прогонов.

О размерах денежных средств, находившихся в распоряжении миссионеров, можно судить по письму архимандрита Макария (Глухарева) к Е. Ф. Непряхиной: «Письмо ваше с десятирублевой ассигнацией получено мною на возвратном пути из Томска в Барнаул, когда у меня ни копейки не осталось в кармане, и когда, выходя из церкви, после обедни, должен был занять рубль у церковного старосты, которому и отдал долг из денег, присланных вами»¹⁸⁵. Среди миссионеров не все были в крайней нужде, но это было скорее редким исключением, чем правилом. Василий Вербицкий, в отличие от остальных миссионеров, обладал некоторыми денежными накоплениями: «Отец протоиерей не только никому не был должен, но всегда

---

¹⁸³ Цысь О. П. Сургутская православная миссия 1867–1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. 2012. Вып. 3. С. 18.

¹⁸⁴ Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 32.

¹⁸⁵ Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии // Церковные ведомости. Прибавления. 1888. № 49. С. 1382.

имел в запасе небольшую сумму денег, тогда, как кроме него, ни один миссионер в своей жизни не мог избежать долгов, остававшихся у некоторых в наследство осиротевшей семье»¹⁸⁶.

Д. В. Кацюба в своей работе приводит описание миссионером Постниковым материального положения Алтайской духовной миссии в 60-е г. XIX в. В. Постников писал, что до утверждения штатов, миссионеры раздавали все бедному местному населению, терпя нужду, может даже больше, чем новокрещенные. Миссионеру (и монаху, и семейному) выделялось на содержание в виде жалования 80 руб. в год, выдавалась шуба (стоимостью 3 руб.) из киргизской овчины без воротника, для лета халаты, а для осени – стеганые халаты. Выдавались и сапоги. Вся эта одежда менялась на новую, по словам Постникова, только тогда, когда она превращалась в лохмотья и сильно изнашивалась¹⁸⁷. Не все миссионеры распределяли выделяемые миссии средства таким образом, тратя их и в своих корыстных целях. Управляющие Миссионерским Кондинским Троицким монастырем священник Петр Тарков и его приемник иеромонах Анастасий были отстранены за растрату церковных денег и другие неблагоприятные поступки. Первый за два года своей работы растратил 850 руб., второй с 1880 по 1884 гг. – 2 856 руб. 18 коп.¹⁸⁸ За деятельностью миссионеров и их нравственными качествами так же строго следили, как и за распределением выделяемых миссии денежных средств.

Источник финансирования миссий поменялся с появлением Миссионерского общества, образованного в 1865 г. Покровительство над ним взяла императрица Мария Александровна. Целью этого общества было распространение православного христианства на окраинах Российской Империи (кроме Кавказа) и в соседних странах, а также между другими

---

¹⁸⁶ Некролог. Памяти покойного миссионера протоиерея Василия Ивановича Вербицкого (из записок Киргизского миссионера игумена Владимира Синьковского) // Церковные ведомости. Прибавления. 1891. № 31. С. 1057.

¹⁸⁷ Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 32

¹⁸⁸ Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX–начало XX в.). Тюмень, 2001. С. 56.

нехристианами в России. Позднее императрица высказала необходимость перенести общество в Москву под председательство митрополита Иннокентия, знакомого с миссионерским делом. Новый устав был принят в 1869 г., а общество стало именоваться Православным миссионерским обществом.

Новое миссионерское общество не только содействовало миссиям в возбуждении сочувствия среди православных к миссионерскому делу, но и осуществляло материальную помощь в виде пособий на содержание миссионеров, миссионерских школ, больниц, на издание книг и устройство быта новокрещенных.

Общество увеличило содержание миссионерам и учредило прибавку за каждое пятилетие. Вместо бывших до 1872 г. окладов миссионеров в 85, 140 и 214 руб. священникам, общество назначило 400, 500 и 700 руб.¹⁸⁹ Прибавка за пятилетие имела свои особенности: 1) прибавка назначалась миссионерам в любом звании, но до звания священнослужителя два года работы считались за один год; 2) срок для отсчета назывался 1870 г.; 3) прибавка по окладу в размере от 150 до 299 руб., назначенному в 1876 г., составляла 25 руб., от 300 до 499 руб. – 40 руб. соответственно, от 500 до 699 руб. – 60 руб., от 700 до 999 руб. – 80 руб., и от 1 000 руб. и свыше – 100 руб. Выплаты начались с 1877 г. Денежное довольствие, таким образом, не было фиксированным для всех миссионеров и зависело от целей, приоритетов и степени сложности деятельности миссии.

Помимо жалования, священнослужители получали доход с прихожан за исполнение треб, который не поддавался учету, так как ведение записей и книг для них не было обязательным¹⁹⁰. По замечанию Иоанна Беллюстина: «Если б дали премию придумать что-нибудь, чтобы более унижить, опозорить духовенство, из высокого и чудного служения сделать чуть не ремесло, то верно никто не придумал бы лучшего средства, как эти нечестивые поборы с

---

¹⁸⁹ Православное миссионерское общество и наши миссии // Церковные ведомости. Прибавления. 1890. № 6. С. 186.

¹⁹⁰ Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. М., 2009. С. 116.

прихожан, что зовутся доходами. Священник отслужил молебен, и – тянет руку за подающим; проводит на вечный покой умершего – тоже; нужно венчать свадьбу – даже торгуется; ходит в праздник по приходу с единственной целью – собирать деньги; словом, что ни делал – во всем одна цель у него: деньги»¹⁹¹. Миссионер не всегда брал плату с коренных жителей за выполнение треб. Особо запрещал брать деньги за требы у местного населения Макарий (Глухарев), но в процессе своей работы миссионер должен был приучать местных жителей платить за требоисполнение. Г. Кильчевский определял следующую цену каждой из треб по наименьшей стоимости: крещение – 50 к., похороны – 3 руб., венчание – 5 руб. Нельзя не отметить, что доходы по этой статье падали, что объясняется падением авторитета церкви и обеднением православного населения.

Служащие миссии по достижении определенного возраста и стажа получали от различных обществ различные размеры пенсий. Д. В. Кацюба приводит следующие примеры: миссионер-священник Александр Гусев получал пенсию от Православного миссионерского общества 500 руб. в год. Священнику Роману Архангельскому пенсию выдавало государственное казначейство – 130 руб. в год¹⁹².

Изучение условий жизни миссионера по их запискам, отчетам и делопроизводственной документации, позволяет утверждать, что миссионеры не всегда имели хорошее жилье. Собственного недвижимого имущества у миссионеров не было, им выделялось казенное помещение, но на первоначальном этапе деятельности миссий домов, где мог бы жить миссионер, вовсе не было, поэтому миссионерам часто приходилось самим беспокоиться об их строительстве. В. Вербицкий в своих записках пишет: «Много хлопот было в заготовлении материалов для постройки миссионерского дома в улусе Кузедеевском <...> К постройке они

---

¹⁹¹ Беллюстин И. С. Записки сельского священника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omolenko.com/publicistic/belustin.htm> (дата обращения: 2.05.2014).

¹⁹² Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 28.

приступили единственно уповая на волю Божию: ибо всех средств к окончанию ее не имелось. Даже половина леса куплена была на его собственное жалование»¹⁹³.

В среднем для постройки дома необходимо было затратить около 200–250 руб., что не всегда было под силу миссии. Строительство помещений для проживания миссионера совершалось из разных источников. Например, строительство молитвенного дома и квартиры для миссионера в нем в Шурушкарских юртах Березовского округа, предназначавшиеся для совершения богослужений, исполнения христианских треб и более продолжительных остановок миссионера предполагалось отвести 250 руб., собранных благотворителями, и 105 руб., собранных настоятелем Обдорской миссии о. игуменом Аверкием¹⁹⁴.

Объезжая свой стан миссионеру часто приходилось спать под открытым небом, преодолевать большие расстояния между населенными пунктами. Иоанн Смольяников в своих записках писал, что за неимением жилища в пути приходилось ночевать на острых камнях, так как в траве водилось много змей. В пути использовалась палатка. Миссионер В. Вербицкий в своих записках писал о походном жилье следующее: «Толмач с проводником сдирали бересту и делали для себя навес на случай дождя, а палатку уступали ему одному. В Черни (горные хребты южного и среднего Алтая) каждая пихта или кедр достаточно защищали от дождя, а палатка спасала не только от дождя, но главным образом от комаров и мелкой, как песок, мошки»¹⁹⁵. Палатка представляла собой полотняный квадрат восьми аршин (около 5,7 м), с веревками на двух сторонах. Нередко приходилось спать в юртах местных жителей, когда под голову клалось

---

¹⁹³ Выписка из журнала миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии, священника Василия Вербицкого // Ерошов В. В. Тропой миссионеров: Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. С. 60.

¹⁹⁴ Отчет Тобольского епархиального комитета Высочайше утвержденного православного Миссионерского общества за 1881 г. // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1882. № 15. С. 176.

¹⁹⁵ Вербицкий В. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской миссии за 1862 г. // Православное обозрение. 1863. Т. 10. (январь–апрель). С. 147.

седло, а под себя потник от лошади, сверху накрывались одеждой, и все это сопровождалось неприятным запахом и насекомыми.

О еде миссионеров можно узнать по их воспоминаниям. Представитель Киргизской миссии игумен Владимир Синьковский, вспоминая протоиерея В. Вербицкого, писал: «Вина не пил более двух рюмок, чай пил только по одному стакану, стол имел простой. Постоянно занятый чтением или письмом, он о пище менее всего заботился <...> чай по-походному с сухарями, ужин же состоял из одной простой просяной каши»¹⁹⁶. Во время поездок миссионеров еда была скудна и однообразна. Обед и ужин, и утренний, и вечерний чай могло составлять одно блюдо: кирпичный чай с сухарями.

Владимир Синьковский, вспоминая о своем пребывании в Таште, особо уделил внимание еде, которой пришлось там питаться: «Голод так изнурил организм, не успевший еще привыкнуть к недостаточному питанию, что такой незначительный труд, как чтение вслух, совсем лишил его сил, приходилось нередко прерывать чтение. Сначала их кормили квасом с редькой и кочо. Но на другой день, за неимением редьки, они должны были довольствоваться только одним блюдом – кочо. Кочо – это похлебка из крупы ячменя. Миссионер признавал блюдо безвкусным и не питательным, но в отсутствии его приходилось довольствоваться только одним хлебом и квасом»¹⁹⁷.

Камчатскому миссионеру иеромонаху Нестору, остававшемуся на ночлег в тунгусских юртах, приходилось есть из плошек, которые в знак проявления уважения к миссионеру вытирались подолом одежды, а в случае засохшей еды вымывалось слюной¹⁹⁸. В котле варили кусок мальмы, без соли. Более того, миссионер также должен был делиться всей провизией, которая была у него с собой, чтобы не прослыть скупым.

---

¹⁹⁶ Некролог. Памяти покойного миссионера протоиерея Василия Ивановича Вербицкого (из записок Киргизского миссионера игумена Владимира Синьковского) // Церковные ведомости. Прибавления. 1891. № 31. С. 1058.

¹⁹⁷ Кацюба Д. В. Указ. соч. С. 97.

¹⁹⁸ Записки Камчатского миссионера иеромонаха Нестора. Казань, 1909. С. 8.

Больше всего воспоминаний, раскрывающих повседневную жизнь миссионеров, сохранилось об основателе Алтайской миссии архимандрите Макарии (Глухарева). Они объясняют, почему многие современники считали его воплощением идеала миссионера. Одежда архимандрита Макария (Глухарева) состояла из простой монашеской рясы, сшитой из дешевой шерстяной материи. Ряса возобновлялась ежегодно к Пасхе, причем прежняя отдавалась нуждающемуся. Зимней одеждой долго служил ему полукафтан на беличьем меху, который был подарен ему преосвященным Иовом Потемкиным. Белье тоже соответствовало верхней одежде: оно было из самого дешевого грубого полотна, но безукоризненно чистым.

Необходимо сказать, что одежда миссионеров зависела от природно-климатических условий, в которых они работали. Так, камчатский миссионер И. Быстров из-за суровых погодных условий не мог объезжать приход в одежде священника. В поездку ему приходилось надевать брюки из оленьего меха, ватную фуфайку, сверху меховую куртку, на ноги – чажи-чулки, вместо сапог – торбаса из оленьей шкуры, шапку с наушниками, камышовые рукавицы и кухлянку, что в целом придавало ему образ настоящего камчадала¹⁹⁹.

Имущество миссионеров, судя по материалам религиозной периодической печати, было немногочисленным. Архимандрит Макарий (Глухарев) настолько не стремился к богатству и накопительству, что когда после смерти его тело потребовалось положить на стол, в келье не оказалось даже другой простыни, кроме одной толстой, узенькой и коротенькой. Одели его в старое платье, потому что другого не было; епитрахиль положили тоже старую; гроб, по его завещанию был необитый и неокрашенный²⁰⁰. Приведем другой пример, характеризующий материальное положение В. И. Вербицкого. Он, будучи бездетен, после похорон жены вел весьма скромный

---

¹⁹⁹ Быстров И. Как ездят священники по приходу в Камчатке // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1910. № 1. С. 21.

²⁰⁰ Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии // Церковные ведомости. Прибавления. 1888. № 50. С. 1416.

образ жизни. При этом В. И. Вербицкий имел приличное содержание от миссии, а также занимался пчеловодством. Это позволило ему к концу жизни скопить некоторую сумму денег, что было несвойственно для миссионеров. Все денежные сбережения и оставшиеся после его миссионерской деятельности рубли В. И. Вербицкий оставил миссии²⁰¹.

Материально-бытовые условия деятельности священников-миссионеров, как и их социальный статус, оказывали большое влияние на формирование идеала миссионера. Происхождение из сословия духовенства, духовное воспитание и образование, полученное ими в семье и духовных учебных заведениях, откладывало отпечаток на сознание, характер и черты личности будущего миссионера.

Ситуация несколько изменилась на рубеже XIX–XX вв., когда миссионерами становились представители местного населения, происходившие не из семей священнослужителей, но получившие духовное образование. Выбор священниками пути миссионера имел под собой различные причины, но в большинстве случаев он являлся добровольным.

Не менее важно, что не получая первоначально денежного оклада, миссионер не мог получить материальную выгоду от своей деятельности. Порой он даже обрекал себя на бедственное положение и долги. С появлением денежного оклада ситуация резко не изменилась. Однообразная пища, простая одежда и сложные бытовые условия – таков был выбор человека, шедшего по пути отказа от богатства и накопительства, человека, который не ставил в качестве цели наживу, а жертвовал собой, воспитывая терпение и смирение в деле миссионерского служения.

---

²⁰¹ Некролог. Памяти покойного миссионера протоиерея Василия Ивановича Вербицкого (из записок Киргизского миссионера игумена Владимира Синьковского) // Церковные ведомости. Прибавления. 1891. № 31. С. 1057.

1.4. Социально-культурные аспекты конструирования идеала

Священникам-миссионерам в процессе своей деятельности приходилось осуществлять взаимодействие с различными категориями людей: своим профессиональным сообществом, властными структурами и, наконец, местным населением. Ф. И. Минюшев отмечает, что при взаимодействии людей возникают его «парадигмы», алгоритмы совместного действия, основанные на возникших в культуре взаимных ожиданиях-требованиях²⁰². Происходящее взаимодействие в своем развитии выступает как социокультурный процесс, оценивающийся социальным действием. Социальное действие, пишет Ф. И. Минюшев, содержит в себе различные элементы культуры – знания, ценности, законы, знаковые обозначения, речь, способствующие превратить социальное действие в социокультурный процесс.

При взаимодействии с другими миссионерами, начальством и коренным населением священнослужителю необходимо было иметь определенный набор качеств и инструментов (язык, законы, знания). Для успешного функционирования миссий сотрудники должны были действовать в единстве, уважительно относиться друг к другу и обмениваться опытом. В Алтайской духовной миссии первоначальные правила для о. Макария (Глухарева) и его сотрудников были следующие: общее владение деньгами, пищей, одеждой, книгами и прочими вещами, ведущее к единодушию; соблюдение правил иноческого общежития как при поручениях, относящихся к проповедованию, так и в любых других случаях; во всех своих распоряжениях миссионер руководствовался правилами иноческого общежития и постановлениями от руководства в служении; принятие от руководства наставлений с вниманием, смирением и любовью; стремление быть искренним и откровенным помыслами и учиться у Господа уклоняться

---

²⁰² Минюшев Ф. И. Социальная антропология (курс лекций). М., 1997. С. 41.

от зла и творить благое²⁰³. Согласно правилам, миссионеры по отношению друг к другу должны быть единогласны в действиях, мнениях и во всех своих делах руководствоваться правилами иноческого общежития.

В более поздних наставлениях Макария (Невского), епископа Бийского, отношения миссионеров с другими служителями миссии должны были быть проникнуты духом христианского взаимного служения, связаны союзом апостольской любви, с одной стороны, и беспрекословного доверия и послушания, с другой²⁰⁴. Не менее важно для миссионера было принимать советы со стороны своей братии со смирением и без предубеждений.

В. Я. Темплинг отмечает, что взаимоотношения между миссионерами не изучены в отечественной историографии и таят в себе много вопросов²⁰⁵. Например, внутри Обдорской миссии в 1860–1870-х гг. произошло ухудшение взаимоотношений между служащими. Между миссионерами возникали конфликтные ситуации, они обвиняли друг друга в корысти, злоупотреблении своим положением и клевете. В 1870-е гг. произошло ухудшение ситуации. Диакон Н. Силин обвинил главу миссии игумена Аверкия в корыстолюбии, пренебрежительном отношении к школьным делам, ростовщичестве, торговле вином и даже в прелюбодеянии²⁰⁶. Противоречия между священнослужителями влияли не только на качество исполнения миссионерами своих прямых обязанностей, но и в целом на работу миссии.

Одним из основных способов увеличения и совершенствования знаний и навыков миссионеров было взаимодействие проповедников с целью обмена опытом. Общение происходило как внутри одной, так и между разными миссиями, необязательно находящимися в Сибири. Переписка миссионера, ученого, педагога Николая Ивановича Ильминского с деятелями Алтайской миссии содержит богатый материал, рассказывающий о тех вопросах,

---

²⁰³ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

²⁰⁴ ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.

²⁰⁵ «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е – 80-е гг. XIX в.): Источники. Тюмень, 2003. С. 19.

²⁰⁶ Там же. С. 20.

которые обсуждали миссионеры между собой. Начало взаимодействия Н. И. Ильминского с Алтайской миссией началось в 1863 г., когда он послал свой «Букварь для крещеных татар» на их разговорном языке алтайскому миссионеру Василию Вербицкому. В. Вербицкий в то время работал над составлением алтайской грамматики и Николай Иванович оказал помощь в ее составлении. Сотрудничество распространялось на публикацию разнообразных работ на алтайском языке. Алтайская миссия имела собственную типографию, но средств и возможностей ее содержать не было, поэтому тексты миссии издавались в Казани.

Алтайская духовная миссия переняла опыт Н. И. Ильминского по обучению аборигенов и в течение короткого срока убедилась в его эффективности²⁰⁷. Эти успехи и пользу крещено-татарских школ не для одной казанской церкви Н. И. Ильминский ставил в заслугу именно миссионерскому отделению Казанской академии. Апробации крещено-татарских школ на Алтае предшествовал опыт обучения алтайских детей в Казани. Впервые мысль о возможности получения миссионерского образования алтайскими мальчиками возникла у иеромонаха Макария. Он незамедлительно сообщил о своей идее Н. И. Ильминскому в 1875 г. Через два года архиепископ Владимир послал в Казань двух лучших учеников – М. Ташкынова и Ст. Тодогошева.

Н. И. Ильминский содействовал в организации эффективной деятельности Алтайской миссии. В его переписке с иеромонахом Макарием и архиепископом Владимиром отображался тот круг вопросов, которые стояли перед сотрудниками и нуждались в своевременном решении²⁰⁸.

В переписке Н. И. Ильминского и архиепископа Владимира, начальника обсуждалось устройство Алтайской миссии, создание грамматики, личные дела Владимира, научные интересы Н. И. Ильминского и его деятельность. Начало их общению положил приезд архиепископа

---

²⁰⁷ Харлампович К. Н. И. Ильминский и Алтайская миссия. Казань, 1905. С. 26.

²⁰⁸ Харлампович К. Н. И. Ильминский... С. 27.

Владимира в Казань и возникший интерес к деятельности Н. И. Ильминского, особенно его школы для крещеных татар – Казанской центральной крещено-татарской школы. Позже, по примеру этой школы, архиепископ Владимир создал училище на Алтае. В свою очередь, Алтайская миссия познакомила Казань с гомеопатическими лекарствами и их преимуществами перед аллопатическими.

В переписке Н. И. Ильминского с отцом Макарием круг обсуждаемых вопросов был не менее широк: Макарий сообщал о результатах казанской системы «инородческого» образования в алтайских школах, трудах алтайских деятелей, особенно М. В. Чевалкова, переменах в личном составе миссии, миссионерских съездах на Алтае, миссионерской деятельности учеников и учениц алтайских школ, новых переводах на алтайский язык²⁰⁹. Н. И. Ильминский, в свою очередь, внимательно следил за работой Алтайской миссии и стремился помочь всем, чем мог. Он давал миссионерам свои советы, извещал об успехах своих школ и о деятельности Братства св. Гурия, посылал на Алтай казанские переводы и принимал живое участие в издании алтайских переводов. Особенно важно его активное участие в отстаивании интересов и нужд Алтая перед обер-прокурором Св. Синода графом Д. А. Толстым и перед Миссионерским обществом. В целом надо сказать, что Н. И. Ильминский давал алтайским миссионерам свои советы и знакомил со своими трудами, которые имели прямое отношение к общим задачам миссионеров.

Между миссиями существовали разногласия по некоторым вопросам. К. Харлампович пишет, что настойчивые рекомендации Н. И. Ильминского для Киргизской миссии не нравились на Алтае. Н. И. Ильминский считал, что надо предпринять ряд мер, чтобы пресечь отказ казахов креститься. Такими мерами он называл постепенное вхождение в доверие к аборигенам и отсрочку миссионерской проповеди. Кроме того, Н. И. Ильминский считал, что при взаимодействии с казахами были необходимы гибкость и терпение.

---

²⁰⁹ Харлампович К. Н. И. Ильминский и Алтайская миссия. Казань, 1905. С. 33.

На Алтае знали о трудностях, возникающих при распространении христианства среди казахов, но не одобряли излишнее вмешательство Н. И. Ильминского.

Кроме того, Н. И. Ильминский критиковал миссию за использование только алтайского языка – смеси телеутского и калмыцкого, который избрал еще архимандрит Макарий (Глухарев)²¹⁰. Миссии нужно было убрать укрепившуюся скорлупу, то есть исключительность алтайского языка, и обратить внимание на другие наречия Алтая и даже наречия племен, обитающих вне Алтая. Несмотря на разногласия, нравственная связь сотрудников Алтайской духовной миссии с Н. И. Ильминским укрепилась, а не прервалась.

Обмен опытом между миссиями и внутри них происходил благодаря запискам миссионеров, публикуемым в официальной религиозной периодической печати. Особенно важно было ведение записок для миссий, которые только начинали свою деятельность и еще не имели предшественников, чьими советами они смогли бы воспользоваться²¹¹. В данном случае записки передавали опыт, учили миссионерской работе и предлагали набор инструментов для решения возникающих перед миссионером проблем.

Особый инструментарий сотрудникам миссии был необходим при взаимодействии с начальством, которое определялось предъявленными требованиями, с одной стороны, и выполнением этих требований, с другой. Властные структуры, в том числе и духовные, особо внимательно следили за работой начальников духовных миссий. Последние, в свою очередь, следили за деятельностью подчиненных своей миссии. Миссионеры, попав в миссию, учились ведению различных журналов, например, таких как путевой, практиковались в переложении на местный язык назидательных статей, составлении статистики, в записи разных эпизодов из жизни крещеных и

---

²¹⁰ Харлампович К. Н. И. Ильминский... С. 52.

²¹¹ Вениамин. Забайкальская духовная миссия // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 17. С. 116.

некрещеных, их нравов, обычаев, верований, способствующих развитию наблюдательности и аккуратности во всем. Все записи клирика предоставлялись и препровождались к начальнику миссии²¹². К этому добавлялись различные денежные отчеты. В свою очередь, начальник миссии также составлял отчеты и отчитывался перед вышестоящими.

Начальник Алтайской духовной миссии архиепископ Владимир имел трудности во взаимодействии с советом Миссионерского общества. Проблемы архиепископа Владимира и недовольство его советом исходили от его небрежного отношения к ведению документации. В его обязанности входило предоставление отчетов о состоянии миссии и об израсходовании предоставляемых ему денег. Обвинения потребовали от начальника Алтайской миссии много усилий в восстановлении как своей репутации, так и своих сотрудников. Нападки со стороны совета Миссионерского общества прекратились только в 1868 г., а тяжбы архиепископа Владимира закончились в 1869 г., когда Св. Синод признал его и других членов Алтайской миссии не виновными в бездеятельности, своекорыстии и других преступлениях, причисляемых им²¹³.

В дальнейшем Владимир по-прежнему не отсылал отчетов о деятельности миссии, несмотря на то, что все бумаги от миссионеров предоставлялись вовремя, что окончательно испортило его отношения с начальством. Московский священник Н. Д. Лавров в переписке с Н. И. Ильминским сообщал о таких недочетах Алтайской миссии как отсутствие приходно-расходных книг, неточные сведения о количестве крещеных, ошибки в списках членов миссии. Так, некоторые служащие миссии значились на службе и им начислялось жалование, хотя они могли уже выбыть или умереть. Это настроило против архиепископа Владимира губернатора, генерал-губернатора, томского архиерея, обер-прокурора и других. Некоторые, зная об этой слабости, старались поменять

---

²¹² ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

²¹³ Харлампович К. Н. И. Ильминский... С. 21.

отношение Владимира к ведению документации, например, преосвященный Вениамин писал: «Знаю, что все это происходит от того, что вас тяготит письмо. Но что же делать, когда этого требует дело Божие; и Апостолы давали отчет перед церковью в том, что сделал через них Господь»²¹⁴.

Миссионеры имели строгую отчетность перед вышестоящим начальством. Ежемесячно ими предоставлялись отчеты о числе крещеных, а в конце года о деятельности в целом. Внимательно за работой священников-миссионеров следили миссионерские комитеты. Комитеты заботились об изыскании средств для удовлетворения нужд миссионеров, миссионерских заведений и школ, рассматривали поступившие в комитеты бумаги и делали по ним распоряжения, проверяли поступающие суммы, содействовали расширению пределов и действий миссии и сообщали ей воспитательно-христианский характер; составляли и представляли в совет Московского Миссионерского общества смету прихода и расхода сумм по миссиям²¹⁵. Сотрудникам от Миссионерского общества выделялось на проезд, покупку крестов, гайтанов, белья для новокрещеных, на прием и угощение инородцев и вознаграждение толмачу (300 руб.). Комитеты считали вправе требовать от них усиленного труда по принятой на себя обязанности²¹⁶. В отношении Обдорской миссии комитет побуждал настоятеля и причт своевременно предъявлять ведомость о расходовании денег, предоставляемых для нужд миссии, и годичную отчетность. Жесткие требования, с точки зрения комитетов, обуславливались хорошим содержанием миссионеров.

Деятельность миссий зависела от уровня развития коренного населения, характера его деятельности, расселения и образа жизни²¹⁷. Не

---

²¹⁴ Харлампович К. Н. И. Ильминский... С. 32.

²¹⁵ Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного Православного миссионерского общества за 1887 г. // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1888. № 11–12. С. 126.

²¹⁶ От Тобольского комитета православного миссионерского общества // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1883. № 18. С. 180.

²¹⁷ Ипатьева А. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX–XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pokrovkorsakov.mrezha.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=293:-xix-&catid=60:2009-12-17-10-05-49&Itemid=112 (дата обращения: 20.04. 2014).

менее важным для эффективной деятельности миссий были способы взаимодействия священнослужителей с коренным населением. Деятельность миссионеров ограничивалось не только проповедованием основ православной веры. Передача аборигенам педагогических, медицинских, сельскохозяйственных и других знаний способствовала сближению миссионеров с аборигенами и, как следствие, укоренению среди них православной веры. Священники-миссионеры, являясь образованной частью местного населения, вносили посильный вклад в развитие культуры региона. Проповедуя православие среди аборигенов, представители церкви осуществляли как воспитание, так и образование. Эта деятельность включала в себя ряд мероприятий, таких как распространение знаний христианского учения с помощью проповедей, наставлений, миссионерской деятельности, духовных учебных заведений и церковных библиотек с целью совершенствования каждой личности, а через нее – всего общества²¹⁸.

Христианское просвещение, пишет А. Ипатьева, включало в себя не только проповедование православия, но и распространение начального образования, обучение новым формам ведения хозяйства. В условиях, когда коренное население вело кочевой образ жизни, было сложно организовать школы для детей. Решением стало создание школ-интернатов, где дети учились и жили одновременно. С одной стороны, родители с неохотой отдавали своих детей в такую школу, но с другой – в таких условиях дети быстрее отходили от традиционной культуры, скорее обучались русскому языку и русскому образу жизни²¹⁹. Епископ Евсевий, как пишет А. Ипатьева, считал такие пансионы проводниками русского образа жизни.

Священники-миссионеры оказывали местному населению, как крещеному, так и некрещеному, медицинскую помощь. По наблюдениям

---

²¹⁸ Харченко Л. Н. Распространение православной духовной литературы и духовного просвещения в Восточной Сибири (XVII–первая половина XIX в.). Иркутск, 2001. С. 11.

²¹⁹ Ипатьева А. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX–XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pokrovkorsakov.mrezha.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=293:-xix-&catid=60:2009-12-17-10-05-49&Itemid=112 (дата обращения: 20.04. 2014).

Забайкальского миссионера Мелетия, оказание врачебной помощи «инородцам» меняло их культурные установки²²⁰. Как отмечал Мелетий, у бурят больные считались нечистыми, отверженными и оставлялись на произвол судьбы. Но новое христианское учение и оказываемая медицинская помощь способствовали изменению отношения бурят к больным, выразившегося участием в судьбе беспомощных и больных.

Неоценимую помощь миссионеры оказывали в ситуации эпидемий, когда при нехватке медицинских кадров в Сибири на них возлагали задачи оспопрививания и, как отмечает А. Ипатьева, с этой задачей они справлялись успешно²²¹. Одновременно священники предлагали в качестве средств исцеления святую воду или елей, что, по замечанию А. Ипатьевой, дополнило шаманские способы лечения. По предположению историка В. Тураева, эпидемии, делавшие шаманов беспомощными перед болезнями, разрушали традиционную культуру народов Сибири и Дальнего Востока и укрепляли православную. А. Ипатьева отчасти соглашается с представленным мнением, указывая на то, что болезни создавали определенные условия для восприятия христианской веры.

Миссионеры учили «инородцев» различным ремеслам и давали знания по различным отраслям хозяйства: агрономии, пчеловодству, строительству и другим ремеслам. Несмотря на то, что священнослужители не были полностью компетентны и не имели специальных знаний, они стремились сделать все, чтобы коренное население сменило кочевой образ жизни на оседлый.

Наличие разнообразных знаний у миссионеров было не единственным инструментарием, обеспечивавшим плодотворное взаимодействие с коренным населением. Не менее важными были используемые

---

²²⁰ Мелетий. Записки Забайкальского миссионера, иеромонаха Мелетия, за 1864 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1865. № 22. С. 358.

²²¹ Ипатьева А. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX–XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pokrovkorsakov.mrezha.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=293:-xix-&catid=60:2009-12-17-10-05-49&Itemid=112 (дата обращения: 20.04. 2014).

священнослужителем способы и методы работы с аборигенами. Отражая в своих записках и отчетах особенности культуры, нравов, обычаев, миссионеры приводили примеры крещения местного населения, затрагивали вопрос взаимодействия представителей церкви с аборигенами и их отношения к православию. Священник-миссионер Киргизской миссии Ф. Синьковский в своих записках за 1886 г. сообщал о больших препятствиях крещения казахов со стороны коренного населения, особенно это касалось женщин и детей. При крещении замужних женщин ее муж с участием своих родных не терял надежд похитить свою жену, уже и крестившуюся, причем похищение принимало иногда характер разбойнического насилия. Детей, даже безродных, побирающихся христовым именем, иногда вырывали из рук провожатого, ведущего их в церковь для крещения. Мальчики, не имеющие родителей, не признавались у ближайших родственников за своих, чтобы избежать участи их кормить и одевать, в чем нередко и сами нуждались, а потому мальчиков иногда вынуждали добывать питание милостыней. Когда мальчик заявлял о желании креститься, то появлялось немало родных, до этого времени неведомых, с предложением содержать его, лишь бы только не допустить ребенка до крещения²²². Мнимые родственники, чтобы отвести мальчика от крещения, применяли даже угрозы и насилие.

Ф. Синьковский, беседуя с казахами и не встречая сочувствия или желания креститься, был утешен уже тем, что имел возможность вести свободную беседу о христианской вере. Внимание слушателя к тому, чего раньше они не слышали, служило для миссионеров одобрением их службы²²³.

В записках забайкальского миссионера иеромонаха Мелетия отмечалось неоднозначное отношение «инородцев» к крещению, особенно это прослеживалось на первых порах деятельности миссии, когда новокрещенных родные встречали с плачем, рыданием и воплями, смотря на

---

²²² ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

²²³ Там же. Л. 12.

него как на умершего²²⁴. Плакали о решившихся креститься из представителей местного населения как о мертвых, по замечанию М. В. Чевалкова, и на Алтае. «Теперь ты нам не родня», – говорили они отцу еще некрещеного Михаила Васильевича²²⁵. Другой забайкальский миссионер Вениамин в своих записках писал: «Буряты, завидев миссионеров, то запирались в юртах, то прятались, где могли, оставляя свои дымящиеся котлы и чашки с пищей»²²⁶.

Миссионер Киргизской миссии, священник Иоанн Никольский, в 1891 г. писал о появлении после его приезда различных слухов, придуманных казахами. Слухи имели негативную окраску и способствовали возникновению страха и неприязни к миссионеру. И. Никольский якобы предоставлял казахам разные приворотные зелья, отчего они принимали крещение; или слух о насильственном крещении миссионером местного населения²²⁷. Поэтому одно появление миссионера наводило на казахов страх: они прятались от И. Никольского, боясь, чтобы он не приворожил или не окрестил насильно. Надо сказать, что миссионер сам проявлял нетерпимость к местному населению и использовал ресурсы административной власти. И. Никольский считал, что первой обязанностью христианина было выражение внешнего почтения святым иконам. Для этого было необходимо вразумлять и учить уважению к иконам местное население словами, а в случае ослушания призывать к ответственности по закону. Казахи, узнав об арестованных своих братьях, со следующего дня стали снимать шапки не только перед иконами, но и завидев миссионера И. Никольского издали²²⁸.

Преосвященный Вениамин, викарий Иркутский, описывал другой пример отношения местного населения к представителям православной

---

²²⁴ Мелетий. Записки забайкальского миссионера, иеромонаха Мелетия, за 1864 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1865. № 21. С. 342.

²²⁵ Чевалков М. В. Памятное завещание. Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии. М., 1894. С. 7.

²²⁶ Мелетий. Записки забайкальского миссионера... № 48. С. 615.

²²⁷ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

²²⁸ Там же. Л.14.

церкви²²⁹. Объезжая Забайкальскую область, ему не нужно было предпринимать никаких стараний для привлечения к себе аборигенов. Любопытство влекло их к нему везде, где он останавливал свой экипаж. Увидев перед собой духовное лицо, буряты спешили получить благословение, наклоня головы и поднимая сложенные ладонями руки от груди ко лбу, некоторые в качестве проявления уважения делали три земных поклона.

Миссионеры Забайкальской миссии Мелетий и Платон получали постоянную помощь в деле распространения христианской веры со стороны представителей местной власти, что говорило о положительных отношениях между коренными жителями и представителями церкви²³⁰. Один из миссионеров Забайкальской миссии описывает противоположный пример отношения местного населения к лицам духовного звания: «Будучи приглашен в кочевье кударинских бурят в селение Творогово по случаю храмового праздника и ярмарки, представители местной власти, узнав о приезде миссионера, не явились на ярмарку, а простые буряты держались вдалеке от него»²³¹. Единственным ответом на слова миссионера был: «Бог дал семьдесят семь языков и семьдесят семь вер». Буряты понимали веру гораздо обширнее и относили к ней свой быт и образ жизни, который отличался от быта русских. В своем отказе от крещения они ссылались на свое неумение жить по-русски: есть хлеб и жить в домах. По примеру крещеных бурят они понимали, что приняв православную веру, будут выселены из своего улуса к русским, и станут русскими не только по вере, но и по образу жизни²³².

Таким образом, в каждой миссии были примеры как конструктивных, так и деструктивных взаимоотношений с местным населением. По нашему мнению, это зависело от двух факторов: во-первых, от личности миссионера,

---

²²⁹ Преосвященный Вениамин, викарий иркутский // Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 16. С. 221.

²³⁰ От Забайкальской миссии // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 10. С. 66.

²³¹ Забайкальская миссия // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1863. № 11. С. 139.

²³² Там же. С. 140.

его авторитета среди «инородцев» и используемого инструментария при взаимодействии с коренным населением, а во-вторых, от отношения местной аборигенной власти к христианизации населения.

Еще одним из важных условий успешного взаимодействия с местным населением было умение разговаривать на языке аборигенов. Наличие языкового барьера приносило немало трудностей в работе миссионера, отмечает исследовательница А. Ипатьева²³³. Например, миссионер И. Никольский, беседуя с казахами, скорбел от того, что не понимал их наречия. Незнание местных языков миссионерами было нередким явлением, как и использование услуг переводчика. Забайкальскому миссионеру Ф. Альбицкому, предпринявшему поездку в Закаменское ведомство, даже пришлось сменить одного переводчика на другого, который был бы более компетентен в наречии населения этого ведомства²³⁴. Но были и те, кто стремился проповедовать «инородцам» на их родном языке и старательно занимался его изучением. Поэтому вклад в освоении языков коренных жителей Сибири является одной из главных заслуг миссионеров.

Важно было знать культурные традиции, быт и нравы местного населения. Исследовательница А. Ипатьева указывает на то, что незнание обычаев коренного населения могло принести миссионеру неприятности, например, случай с миссионером Ф. Пляскиным, когда его чуть не убили за то, что он отказался от поднесенной нанайцами еды²³⁵. В результате ему пришлось убежать и прятаться. Неготовность адаптироваться к быту «инородцев» выражалась в трудностях, связанных с пребыванием в холодных и грязных жилищах, в брезгливом отношении к грязной посуде, из которой приходилось питаться.

---

²³³ Ипатьева А. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX–XX в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pokrovkorsakov.mrezha.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=293:-xix-&catid=60:2009-12-17-10-05-49&Itemid=112 (дата обращения: 20.04. 2014).

²³⁴ Альбицкий Ф. Записки забайкальского миссионера священника Ф. Альбицкого // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1866. № 11. С. 132.

²³⁵ Ипатьева А. А. Указ. соч.

Священники-миссионеры, осуществляя взаимодействие друг с другом, начальством и местным населением, действовали согласно определенным ожиданиям и требованиям. Эффективность зависела от наличия у миссионеров конкретного набора качеств и умений. Миссионер по отношению к товарищам по профессии должен был проявлять апостольскую любовь, доверие, единодушие, оказывать помощь в деле миссионерского служения. В требования от начальства входило умение правильно вести документацию, метрические книги, вовремя представлять денежные и другие отчеты. Для этого миссионер должен быть грамотным, ответственным и выполнять указания начальства. Наиболее важные качества нужны были при взаимодействии с местным населением. Действовать нужно было терпеливо, смиренно, с любовью к делу. Обладать знаниями по медицине, агрономии, ремеслам и знать язык аборигенов.

1.5. Влияние духовных православных институтов на содержание идеала

Одним из главных институтов РПЦ, осуществлявших просветительскую деятельность среди сибирских аборигенов, выступали духовные миссии, функционирующие на территории зауральских губерний и областей. Согласно отчету Миссионерского общества за 1901 г., на его попечении в Сибири находилось восемь духовных миссий²³⁶. Часть миссий в Сибири, где местное население было крещено, но продолжало обращаться к языческим традициям и верованиям, была закрыта еще в XIX в., а исполнение функций духовных миссий переложили на церковные приходы. К таким миссиям можно отнести Минусинскую, Туруханскую, Кондинскую, Сургутскую и Обдорскую миссии. Алтайская, Киргизская, Чукотская, Владивостокская, Иркутская и Забайкальская, Благовещенская и Якутская

---

²³⁶ Новиков И. Православное миссионерское общество в 1901 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1902. № 23. С. 2.

(деятельность осуществляли «походные священники») продолжали функционировать в рамках духовных миссий. Духовные миссии в Сибири контролировались Св. Синодом, который издавал постановления, касающиеся всех сторон функционирования миссий. Следующим элементом структуры духовных миссий выступал епархиальный архиерей, которому, в свою очередь, подчинялся начальник миссии и его помощник. На следующей ступени миссии находились благочинные, а далее священники-миссионеры, которым подчинялись дьяконы, учителя и псаломщики. Именно духовные миссии играли большую роль в формировании принципов и отборе методов работы миссионеров.

Важно отметить, что миссионерская деятельность в Сибири до начала XIX в. носила массовый и поверхностный характер, когда функция миссионера заключалась только в проведении обряда крещения. В. С. Глаголев отмечает, что последовательной и организованной деятельности духовных миссий в деле приобщения местного населения к православной культуре предшествовало эпизодическое крещение коренных жителей священниками, сопровождавшими экспедиции в Сибирь²³⁷. На данном этапе крещение преследовало цель – закрепление хозяйственно-практических отношений с местным населением.

С появлением новых методов миссионерской деятельности начинается следующий этап функционирования миссий и миссионеров. Одна из первых, кто применил новый подход в деле крещения коренного населения, была Алтайская духовная миссия. Многие исследователи отмечают, что Алтайская духовная миссия заложила основы «нового миссионерства»²³⁸. Эти основы, как отмечают В. В. Ерошов и В. М. Кимеев, заключались в изучении миссионерами местных языков, мировоззрения, образа жизни и предполагали опеку новокрещенных в освоении православной культуры.

---

²³⁷ Глаголев В. С. Геополитические аспекты христианизации Восточной Сибири и Дальнего Востока // Христианство на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. Ч. 1–2. С. 19.

²³⁸ Ерошов В. В., Кимеев В. М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. С. 5.

Д. В. Кацюба пишет, что архимандрит Макарий (Глухарев), возглавивший в 1828 г. Алтайскую духовную миссию, разработал программу проведения миссионерской деятельности на Алтае. Она заключалась в том, чтобы не просто крестить население, но сделать его оседлым, грамотным и заставить перейти к более культурному и рентабельному способу ведения хозяйства, что требовало знание миссионером языка алтайцев, медицины и знание ведения сельского хозяйства²³⁹. В «Иркутских епархиальных ведомостях» также отмечалось, что в обязанности алтайского миссионера входила не только проповедь Евангелия и духовно-нравственное обучение новокрещеных, но и попечение о благоустроенности домашнего и общественного быта аборигенов, которые со времени принятия православной культуры начинали вести оседлую жизнь и переселялись в христианское общество²⁴⁰. Миссионер для крещеных был и лекарь, и защитник в обидах, и советник, и судья, и попечитель бедных, бесприютных, детей, вдов и престарелых. Таким образом, оказываемая христианская помощь должна была укрепить новокрещеных в вере, а некрещеных расположить к православному учению.

Успех миссий зависел от используемых методов и качества исполнения поставленных перед миссионерами задач. В обязанности алтайского миссионера, по замечанию Д. В. Кацюбы, входили ежегодные поездки во все населенные пункты своего стана, совершение богослужения, исповедание, крещение. Миссионер обязан был ежемесячно в письменном виде представить отчет о количестве крещеных, а в конце года – о работе в целом. С 1870 г. миссионеры стали вести метрические и исповедные росписи, а также запись браков, которая до этого велась приходскими священниками.

Миссионерами перед обрядом крещения проверялось усвоение желающих креститься основных положений православной веры и чистота

---

²³⁹ Ерошов В. В., Кимеев В. М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. С. 20.

²⁴⁰ Осинин И. Сказанная, 2 мая 1865 года, в собрании членов вновь учреждаемого миссионерского общества для содействия распространению христианства в восточных и северных пределах России // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1865. № 27. С. 405.

намерений²⁴¹. В следующий приезд миссионер разъяснял принципы и нравственные ценности христианства. Как отмечал отец Владимир, начальник Алтайской миссии, главная задача миссионера в деле крещения «инородцев» была не в том, чтобы приобрести как можно больше последователей православной веры, а в том, чтобы обращаемые сделались действительными христианами²⁴².

Крещеные деятелями Алтайской духовной миссии получали нательный крест, по возможности, чистую одежду, некоторые получали деньги или муку. Как отмечено в отчете Алтайской духовной миссии, помощь местному крещеному населению осуществлялась натурой и деньгами: «На белье для преступающих к Святому крещению и иногда беднейшим бесприютным и престарелым прежде крещеным, шейные кресты и гайтаны, одежда (шубы и овчины на шубы), шапки, обувь и кожа на обувь, мука, ячмень, семенной хлеб, кирпичный чай, соль, коровы, лошади, устройство изб, сукно простое, литовки, чугулки, хомут, соха, тесины на гроб, устройство гроба, копание могилы»²⁴³.

Таким образом, Алтайская духовная миссия выработала целый комплекс методик работы миссионеров с местным населением. Предлагаемый ею инструментарий позволил по-новому построить процесс привнесения православной веры «инородцам». Это потребовало от миссионера не только знания языка, ценностей и традиций местного населения, но и постоянного самосовершенствования, увеличения своих знаний и возможностей. Конструируя идеал священнослужителя, миссия наполняла его теми компонентами, которые позволяли наиболее эффективно взаимодействовать с коренным населением и утверждать православие среди аборигенов. Миссионер должен был руководствоваться не только

---

²⁴¹ Ерошов В. В., Кимеев В. М. Указ. соч. С. 12.

²⁴² Осинин И. Первое общее собрание членов вновь учрежденного Миссионерского общества // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1866. № 7. С. 91.

²⁴³ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1875 г. // Ерошов В. В. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. С. 76.

определенными принципами, установленными Св. Синодом и законом, но и отвечать тем требованиям, которые формулировала сама миссия.

Методы Алтайской духовной миссии отчасти использовались Киргизской миссией, открытой в 1882 г. с разрешения Св. Синода, как подразделение Алтайской духовной миссии²⁴⁴. Первый миссионер священник Филарет (Синьковский) занимался изучением киргизского (казахского) языка, присматривался к быту, верованиям и настроению казахов. Филарет совмещал должность миссионера с должностью настоятеля Семипалатинской тюремной церкви, что, по мнению начальства, было более безопасно. Миссия должна была избегать и тени принуждения и действовать в духе любви и кротости.

Миссии Северо-Западной Сибири, к которым можно отнести Кондинскую, Обдорскую и Сургутскую, мало участвовали в формировании идеала священника-миссионера. Не выделился в данных миссиях и духовный лидер, способный быть примером идеала для миссионеров, как это было в Алтайской миссии. Многочисленные отчеты, помещенные в «Тобольских епархиальных ведомостях», позволяют утверждать, что миссионеры в своей деятельности руководствовались только инструкциями Св. Синода. Данного руководства было недостаточно для успешной деятельности, что проявлялось в возникновении перед епархиальным начальством вопроса о целесообразности существования миссий.

Обдорская миссия, первая попытка создания которой была предпринята в 1831 г., должна была следовать наставлениям, написанным в инструкции Св. Синодом в 1769 г. Согласно рекомендациям, миссионерам предписывалось действовать мирным путем, а желающим креститься разъяснять смысл таинств: «Миссионеру необходимо было относиться к местному жителю кротко и с любовью, отнюдь не прибегая к угрозам или

---

²⁴⁴ Путинцев М. Киргизская духовная миссия // Тобольские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1884. № 3. С.49–62; ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 43. Л. 3–4.

притеснениям, способных только оттолкнуть их от христианства. Если кто пожелал креститься, тогда же и крестить, растолковав значение таинства»²⁴⁵.

После прекращения работы в 1830-х гг. миссия вновь была открыта в 1854 г., но заботы миссионеров о благоустройстве на новом месте поглотили их настолько, что епархиальному руководству пришлось напомнить о цели пребывания в Обдорске. Как свидетельствуют работы исследователей и привлеченные нами источники, во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. происходит активизация работы миссии. Однако в 1870-е гг. вновь изменилось качество работы миссионеров, о чем говорят, по замечанию В. Я. Темплинга, миссионерские ежегодные отчеты²⁴⁶. В 1850-е и 1860-е гг. они были насыщенными и подробными, в следующее десятилетие происходит их метаморфоза, они становятся краткими, сухими, без размышлений и эмоций. Да и сам начальник миссии игумен Аверкий не представлял отчеты вовремя и только после напоминания со стороны вышестоящего начальства присылал несколько строк. В период возрождения миссии (1850–1860-е гг.) в документах отражается деятельность людей, искренне заинтересованных в ее результатах и предпринимающих конкретные шаги на пути повышения эффективности миссии, что нельзя сказать про период 1870–1880-х гг.

В 60-е гг. XIX в. встал вопрос о рациональности существования Кондинской миссии, как указывает Г. Ш. Мавлютова, по причине принятия православия большинством аборигенов²⁴⁷. В отчетах Тобольского епархиального комитета не раз отмечалась нецелесообразность существования Кондинской миссии, так как деятельность миссии не соответствовала выделяемым на нее средствам²⁴⁸.

---

²⁴⁵ Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии. Краткие сведения о его жизни и деятельности. СПб., 1892. С. 35–37.

²⁴⁶ «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е – 80-е гг. XIX в.): Источники. Тюмень, 2003. С. 21.

²⁴⁷ Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001. С. 54.

²⁴⁸ Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного православного Миссионерского общества за 1882 г. // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1883. № 17. С. 174–177.

В 1867 г. при содействии архиепископа Варлаама II Св. Синод обнародовал указ «Об усилении миссионерских действий в Березовском крае и состава причта Сургутской церкви» – возникает Сургутская миссия²⁴⁹. Миссионеры действовали по инструкции, прикрепленной к указу Св. Синода от 1867 г., и были обязаны: осуществлять требы среди крещеных и наставлять их в христианском учении; проповедовать православие кочующему коренному населению; совершать поездки на кочевья «инородцев» по правому берегу Оби; обучать детей грамоте.

Миссии Северо-Западной Сибири проводили свою деятельность аналогично Алтайской миссии мирным путем, убеждая, разъясняя основные догматы веры, а удостоверившись в усвоении знаний коренными жителями, приступали к крещению. Однако случаи крещения, по замечанию О. Цысь, носили единичный характер. В целом, кочевой образ жизни «инородцев», выполнение священником помимо миссионерских еще и приходских обязанностей, приводили к низкой эффективности миссии. Плохая подготовленность членов миссии к выполнению своих функций, незнание языка и культуры местного населения еще больше ухудшали положение миссии. Комитет Православного миссионерского общества уже в 1880-х гг., обсуждая результаты деятельности Сургутской миссии, ставил вопрос о необходимости существования миссии в дальнейшем²⁵⁰. Судьба миссии в значительной степени зависела от числа некрещеных. Комитет решал вопрос, исходя из целесообразности выделяемых средств Миссионерским обществом на миссию. Денежное пособие должно было побудить миссионеров усерднее и серьезнее относиться к делу миссии, ввиду чего миссионерское отделение было вправе требовать от миссионеров усиленного труда по принятой ими на себя обязанности. Были предприняты попытки оживления деятельности миссии. Написана новая инструкция для миссий Северо-Западной Сибири,

---

²⁴⁹ Цысь О. П. Сургутская православная миссия 1867–1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. 2012. Вып. 3. С. 17.

²⁵⁰ От Тобольского комитета Православного миссионерского общества // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1883. № 18. С. 180.

предполагавшая централизацию управления миссионерским делом (создание вместо трех миссий одной – Низовской с центром в Обдорске), перераспределение средств в пользу Обдорской миссии и совершенствование методики работы²⁵¹. О. Цысь отмечает, что предпринятые меры не улучшили ситуацию, главной причиной этому было отсутствие подготовленных кадров.

Вследствие этого в 1894 г. Тобольский комитет Православного миссионерского общества, проанализировав отчеты миссии, предложил ее закрыть с одновременным увеличением содержания от казны местным причтам²⁵². Данное предложение было одобрено. В 1898 г. по распоряжению Св. Синода Сургутская миссия была закрыта.

Таким образом, все миссии Северо-Западной Сибири прекратили свое существование еще во второй половине XIX в. В качестве причин прекращения деятельности миссий исследователи называют отсутствие подготовленных кадров, кочевой образ жизни местного населения и отсутствием некрещеных.

В Забайкалье впервые миссионерская деятельность была организована на основе постановления Собора 1681 г. об основании Даурской миссии (1681–1685 гг.). Миссионеры были снабжены благословенными грамотами и правилами организации деятельности среди местного населения, написанными архимандритом Павлом, митрополитом Сибирским и Тобольским. Следуя инструкции Св. Синода, представители православной церкви должны были крестить «инородцев» мирными способами.

Согласно докладу сибирского губернатора Д. Чичерина, сделанного в 1767 г., представители церкви отправлялись в отдаленные места, где проповедовали на русском языке тем, кто его ни разу и не слышал, и склоняли к крещению тех, у кого были многочисленные «пожитки»²⁵³. Более

---

²⁵¹ Временные изменения в Обдорской и Сургутской миссиях // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 3–4. С. 24.

²⁵² Цысь О. П. Сургутская православная миссия 1867–1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. 2012. Вып. 3. С. 27.

²⁵³ Ухтомский Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб., 1892. С. 4.

того, крестили, «обольстив наградами, опоив или напугавши». В докладе говорилось и о других нарушениях, совершаемых священниками, которые, по мнению Д. Чичерина, можно было пресечь, во-первых, назначив человека, умеющего организовать деятельность по крещению «инородцев», во-вторых, проводя работу вблизи церкви, в-третьих, учреждая школы для обучения священников из местного населения²⁵⁴. В итоге была составлена новая инструкция для проповедников, по которой они должны были учить, увещевать, напоминать, но не повелевать, угрожать или взыскивать, то есть предпринимать насилие над совестью. Поездки проповедников должны были быть организованными, деятельность подотчетна, а назначение на должность добровольным. Важную роль отводили знанию местного языка, для чего необходимо было «взрачивать» местные кадры или вводить в программу учебного заведения изучение «инородческих» языков. По замечанию князя Э. Ухтомского, несмотря на то, что время шло, в XIX в. порядок вещей в работе проповедников оставался прежним.

В 1858 г. была предпринята очередная попытка учреждения миссии. С открытием за Байкалом в 1861 г. Селенгинского викариатства, которое должно было способствовать активизации миссионерской деятельности, начинается этап организованной и систематической миссионерской деятельности за Байкалом. Несмотря на неоднократные попытки организовать миссионерскую деятельность в Забайкалье, успехи миссии были немногочисленными, что объяснялось недостатком кадров, удаленностью на большие расстояния миссионерских станом и противостоянию миссии местной «инородческой» власти²⁵⁵.

В 1862 г. преосвященный Парфений предпринимает усовершенствования Иркутской и Забайкальской миссий. На этом этапе определяется структура, принимается устав, формируются миссионерские

---

²⁵⁴ Ухтомский Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб., 1892. С. 5.

²⁵⁵ Осинин И. Сказанная, 2 мая 1865 года, в собрании членов вновь учреждаемого миссионерского общества для содействия распространению христианства в восточных и северных пределах России // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1865. № 27. С. 408.

станы, согласно административно-территориальному устройству бурят и тунгусов, начинается их финансирование за счет казны и образованного Комитета православных миссий. Новые начинания не решали основных проблем, существующих в миссиях. Так, в 1872 г. генерал-губернатор Н. П. Синельников в письме к министру внутренних дел писал: «Успеху обращения в христианство вредит недостаток в способных и соответствующих званию миссионерах, чему он был сам очевидец»²⁵⁶. Приамурский генерал-губернатор в письме от 9 декабря 1885 г. к Св. Синоду сообщал о плохом состоянии дел в Забайкалье, писал о том, что состав миссии был настолько неудовлетворителен, что некоторых только священнический сан спасал от уголовного наказания. И на Иркутском съезде, состоявшемся в 1885 г., ставился вопрос о принудительном крещении коренного населения, неудовлетворительном составе миссионеров и их поведении.

Деятельность Иркутской и Забайкальской миссий часто подвергалась критике, главным образом, со стороны миссионеров, обсуждавших между собой многие вопросы, в частности, принципы, по которым осуществлялась деятельность миссий. Если алтайских миссионеров видный ученый и миссионер Н. И. Ильминский считал доброжелательными по отношению к местному населению, то иркутских миссионеров и то, как они осуществляли свою деятельность, он критиковал. Обосновывал это Н. И. Ильминский тем, что нельзя насильственно крестить бурят, так как это могло привести к обратному результату и переходу местного населения в ламаизм. Миссионерам необходимо было уделять большое внимание христианскому просвещению, предшествующему крещению.

Несмотря на критические оценки восточносибирских миссий современниками, исследователи отмечают ненасильственный характер деятельности Иркутской и Забайкальской миссий. Так, Л. А. Тресвятский писал, что миссионеры, являясь в глазах коренного населения

---

²⁵⁶ Ухтомский Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб., 1892. С. 7.

представителями государственной власти, не использовали в своей деятельности насилия, под которым он понимал совокупность физических и психологических способов воздействия²⁵⁷. Называя среди психологических методов проповедь, беседу и уничтожение идолов, Л. А. Тресвятский писал о неправомерности приравнивать их к насилию. А. Б. Ефимов, выделяя среди принципиальных основ миссионерства ненасильственный характер распространения христианства, отмечает, что в практике русского православия применения насилия и принуждения к принятию православия почти никогда не было²⁵⁸. Ненасильственный характер деятельности миссионеров находит подтверждение и в инструкциях, постановлениях и других документах, а также в свидетельствах самих миссионеров. Так, подобно многим коллегам, миссионер Аларского ведомства И. Преловский опровергал слухи о насильственном крещении бурят, настаивая на добровольности принятия решения коренных жителей принять православие²⁵⁹.

Принципы работы Иркутской и Забайкальской, как и любой другой миссии, зависели от руководства. Вениамин (Благонравов), начальник Иркутской миссии, сослуживец Н. И. Ильминского по Казанской академии, бывший епископом Селенгинским, Иркутским викарием, в своих письмах к Н. И. Ильминскому объяснял свою точку зрения на сущность миссионерства и даже находил недостатки в системе самого Н. И. Ильминского. Вениамин считал, что необходимо как можно скорее крестить бурят, не уделяя времени их образованию. Просвещение коренного населения, отмечает он, менее всего ведет к христианству, вместо этого крещению должно сопутствовать русификация «инородцев»²⁶⁰. Миссионеры, по мнению архиепископа Иркутского и Нерчинского Вениамина, были обязаны вести борьбу не просто с чужой верой, но и с чужой национальностью, для чего необходимо

---

²⁵⁷ Тресвятский Л. А. Влияния православной культуры на духовную жизнь в Сибири в XVII – начале XX вв. Новокузнецк. 2006. С. 95.

²⁵⁸ Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М, 2007. С. 9.

²⁵⁹ ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8863. Л. 5.

²⁶⁰ Харлампович К. Н. И. Ильминский... С. 8.

убеждать коренное население в превосходстве русской культуры. Христианизация порой оборачивалась политикой обрусения.

Ряд представителей российского духовенства критиковал идею русификации «инородцев». По мнению иеромонаха Дионисия, русское правительство в отношении нерусских народов выступало в роли опекуна и не могло приказывать и насильно заставлять переменить одну веру на другую. Миссионеры могли действовать при этом только убеждением, все другие средства миссия должна была отвергнуть, как не совместимые с основными принципами православия.

К. Харлампович отмечает, что положительные сдвиги в работе Иркутской и Забайкальской миссий начались с переноса преосвященным Парфением начал Алтайской духовной миссии из Томской в Иркутскую епархию²⁶¹. В числе обстоятельств, препятствовавших деятельности названных миссий, как и в случае миссий Северо-Западной Сибири, историки и современники называли кочевой образ жизни коренного населения, нехватку кадров. Мешало и возрастающее влияние ламаизма на «инородцев» и притеснение новокрещеных со стороны языческого местного начальства. Поездка князя Э. Ухтомского в Забайкалье с целью выявления факта притеснения крещеных «инородцев» привела к выводу о необоснованности данной информации. Миссионеры, как и представители государственной власти, говорили об отсутствии жалоб со стороны новокрещеных на притеснения²⁶². Если такие и возникали, пишет Э. Ухтомский, было важно выяснить причину притеснений. Часто крещение принимали те, которые либо искали материальную выгоду или спасения от наказания за проступки (воровство, конокрадство), тогда слово новокрещеный становилось синонимом вредного и ненаказуемого члена общества. В целом, Э. Ухтомский отмечал низкую результативность Забайкальской миссии (так, миссионер Литвинцев за 11 лет посетил только 17 человек) и завышение

---

²⁶¹ Харлампович К. Н. И. Ильминский... С. 57.

²⁶² Ухтомский Э. Указ. соч. С. 19.

числа крещеных самими миссионерами. Он утверждал, что инструкции, составленной Иннокентием приблизительно около 1840 г., миссионеры не следовали, более того отсутствовало главное условие успеха миссионерства – не было любви к тем, кого хотели возродить нравственно, а была только ненависть к проявлениям бурятского культа²⁶³. По мнению Ухтомского, миссионеры порой вели себя неуважительно, грубо по отношению к бурятам. Например, миссионер-священник Иннокентий Донской в нетрезвом виде с оружием в руках угрожал «инородцам» и даже выстрелил, вследствие чего случился выкидыш у бурятки. Нравственными качествами, как и сознанием долга, по наблюдениям Э. Ухтомского, отличались редкие миссионеры. Проповедники, не зная бурятского языка, через переводчика быстро, без воодушевления излагали ряд фактов христианской веры, после чего сразу предлагали креститься. Получая отрицательный ответ, миссионер посылал жалобу архиерею. Вина ложилась на коренное население, а не на миссионеров, у которых отсутствовали необходимые качества и навыки для работы с «инородцами». Миссия, чтобы быть успешной, должна была состоять не из случайных людей и не вступивших туда по убеждению, а наполняться лицами с большим кругозором, нравственными и с даром тактично выполнять поставленные задачи.

Но существует и противоположная оценка деятельности миссионеров. Так, В. С. Глаголев отмечает, что профессиональный характер Иркутской миссии, ее лингвистическая и дипломатическая работа не оставляют сомнений. Большая заслуга в этом лежала в слаженном взаимодействии церковной и государственной политики в отдаленном регионе страны²⁶⁴.

В Якутской области в 1845 г. по инициативе иркутского архиепископа Нила были образованы две походные церкви, взявшие на себя миссионерские функции. Первая Благовещенская церковь распространяла свою деятельность

---

²⁶³ Ухтомский Э. Указ. соч. С. 31.

²⁶⁴ Глаголев В. С. Геополитические аспекты христианизации Восточной Сибири и российского Дальнего Востока // Христианство на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. Ч. 1–2. С. 21.

на территории по р. Лене с дальнейшим углублением до устья р. Лены и р. Яны и крайних кочевьев коренного населения. Вторая Николаевская церковь действовала на северо-востоке области, от Алдана и Хромы до Индигирки и Алазеи, от Колымы и Омолона до Анадыри²⁶⁵. В своей деятельности миссионеры руководствовались не столько указаниями или инструкциями, сколько собственным благоразумием. Место, время и условия крещения обуславливались случайностями, поэтому нередко учение либо не усваивалось, либо забывалось.

Миссия среди чукчей не имела большого успеха, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, несмотря на миролюбивый характер миссионерской деятельности, чукчи не желали креститься, считая, что русские должны жить по-русски, а чукчи по-чукотски. Во-вторых, принятие христианской веры предполагало много препятствий. Так, чукчи не могли соблюдать пост, вследствие ограниченности рациона их питания (оленье мясо и мясо морских животных), купаться, даже умывать руки и лицо, так как отсутствовала вода в жидком состоянии, и соблюдать христианские обычаи, нарушавшие их собственные традиции²⁶⁶.

В отличие от Алтайской миссии и миссий Северо-Западной Сибири, которые большое внимание уделяли качеству процедуры крещения местного населения, миссионерская деятельность на Дальнем Востоке в основном носила формальный характер. Подтверждая данное положение, А. Ипатьева приводит мнение Камчатского епископа Вениамина, считавшего, что нельзя в короткие сроки подготовить «инородца» к крещению и раскрыть преимущества православия перед шаманизмом, поэтому не было надобности тщательно готовить «инородцев» к крещению. Согласно точке зрения епископа Камчатского, ключевым в деятельности миссионера было крещение и только после него наставления священника могли принести пользу, в то

---

²⁶⁵ Мушкин П. Русские миссионеры у чукчей // Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще: в 6 т. Тверь, 2013. Т. 2. С. 401.

²⁶⁶ Там же. С. 412.

время как архимандрит Макарий (Глухарев) считал, что дело крещением не оканчивается, а только начинается.

Таким образом, соглашаясь с А. Ипатьевой, можно выделить две ступени в миссионерской деятельности на Дальнем Востоке: на первом этапе происходило формальное крещение, а на втором – местное население обучалось обрядовой стороне веры и ее догматам.

Народы Приамурского края во второй половине XIX в., по замечанию А. Ипатьевой, только начинали свое знакомство с христианством, которое являлось инновацией в их культуре, и времени оказалось недостаточно для усвоения христианства. К тому же исследовательница, придерживаясь точки зрения М. В. Саввы, пишет об усвоении в сознании компонентов материальной культуры, если инновации определены внешним импульсом, как в случае с христианизацией и русификацией. Таким образом, А. Ипатьева среди причин неэффективности работы миссионеров выделяет саму православную культуру, которая была новой для местного населения, не успевшего еще ее усвоить.

В ряде станов Владивостокской епархии (Анадырский, Гижигинский, Удской), как отмечалось «Владивостокскими епархиальными ведомостями», трудно было найти достойных людей, которые могли с пользой и необходимым по местным условиям самоотвержением трудиться в деле просвещения коренного населения²⁶⁷. В местности с более благоприятным климатом и характером расселения жителей (юг Уссурийского края), миссионеров, отвечающих требованиям, не так трудно было привлечь. В функции миссионеров на юге Уссурийского края входило совершение богослужений, треб в храмах и при разъездах по станам, проповедование православной веры, внебогослужебные собеседования, оказание медицинской помощи, наблюдение за школами и преподавание в них²⁶⁸.

---

²⁶⁷ Евсевий, епископ Владивостокский и Камчатский Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного Общества за 1902 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1903. № 8. С. 165.

²⁶⁸ Там же. С. 168.

Важно отметить, что миссионерскую деятельность священники проводили ненасильственными методами. Новоназначенные миссионеры первоначально знакомились со своей паствой, желая, прежде всего, войти в доверие населения. Одним из доступных средств достижения этой цели было оказание медицинской помощи. По замечанию опытного миссионера Синельниковского, сближение с местным населением могло быть достигнуто только путем изучением быта, образа жизни, привычек и традиций коренного населения²⁶⁹. В целом, подготовленность миссионеров к служению была достаточно низкая. С. В. Поздняк в своей статье «Роль православной церкви в формировании книжной культуры на юге Дальнего Востока в середине XIX – начале XX в.» приводит данные отчета Епархиального комитета Православного миссионерского общества, где указывалось, что образовательный ценз Владивостокской епархии был низок по сравнению с центральными губерниями²⁷⁰. Так, к началу XX в. из всех священников восемь закончили духовную семинарию со степенью студентов, а одиннадцать – со званием воспитанников, несколько священников окончили курс в учительской семинарии. Руководство Владивостокской епархии объясняло недостаточность образования у священнослужителей отсутствием специальных учебных заведений, способных их подготовить к будущей деятельности.

Священнослужители к тому же не успевали свыкнуться с бытом «инородцев», приобрести доверие со стороны коренного населения, а главное – изучить местный язык. Так, на момент 1901 г. ни один из представителей священников-миссионеров в 12 миссионерских станах Владивостокской епархии не знал языков коренного населения. Привлечение более квалифицированных специалистов не представлялось возможным. Благовещенская епархия не могла предоставлять миссионеров по причине

---

²⁶⁹ Отчет Владивостокского епархиального комитета Православного Миссионерского общества за 1904 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1905. № 14. С. 307.

²⁷⁰ Поздняк С. В. Роль православной церкви в формировании книжной культуры на юге Дальнего Востока в середине XIX – начале XX веков. // Христианство на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. Ч. 1–2. С. 65.

малочисленности выпускников Благовещенской духовной семинарии (иногда два – три человека), а «выписывать» выпускников из других регионов России было слишком дорого, долго и рискованно²⁷¹. Для преодоления существующих проблем во «Владивостокских епархиальных ведомостях» предлагалось решение аналогичное решению Алтайской миссии. Рекомендовалось отстранить толмачей у миссионеров и учредить духовные семинарии, способные подготовить миссионеров из местного населения²⁷².

В начале XX в. под влиянием «религиозной революции» 1905 г. и последовавших за ней массовых «отпадений» от православия духовным миссиям пришлось корректировать методы работы миссионеров. Для оживления миссионерской деятельности в условиях «отпадения» коренных народов Сибири от православия внедрялись новые методы работы с населением. На Алтае, по примеру Макария (Невского), бравшего с собой чтецов и певцов, было решено организовать проповедь «дружиной»²⁷³. В миссионерские поездки отправлялись священнослужители, певцы, чтецы, лучшие проповедники. Проповедь «дружины» оказывала большое воздействие на местное население. Она включала не только красивое пение и торжественные богослужения, но и показ световых картин. Результатом проповедей дружины был подъем духа и настроения, и непременно желание нескольких представителей из коренного населения креститься. Широко входила в практику новая форма духовного просвещения – внебогослужебные собеседования с народом. Внебогослужебные беседы проводились после богослужения и общей трапезы и внедрялись во всех миссионерских храмах.

Влияние на идеал священника-миссионера оказывали миссионерские комитеты Православного миссионерского общества, братства и

---

²⁷¹ Разумовский А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1905. № 20. С. 462.

²⁷² Там же. С. 460.

²⁷³ Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М., 2007. С. 407.

миссионерские съезды на всех уровнях: всероссийском, епархиальном, благочинном, уездном.

Православное миссионерское общество и его комитеты активно участвовали в конструировании идеала священника-миссионера во второй половине XIX в. Как мы писали ранее, Православное миссионерское общество оказывало всестороннюю помощь миссионерам в деле распространения православия среди аборигенов. Взамен комитеты Миссионерского общества бдительно следили за деятельностью священнослужителей и вырабатывали рекомендации для повышения эффективности работы миссий. Постепенно влияние комитетов Православного миссионерского общества на конструирование идеала миссионера снижалось, а в начале XX в. фактически прекратилось.

По мнению А. Б. Ефимова, неуспех миссионерской деятельности был связан именно со снижением эффективности работы комитетов Православного миссионерского общества. Собрания комитетов организовывались редко, вопросы миссионерского характера не обсуждались, не издавались брошюры и листки, знакомящие с миссионерским делом, не прилагались усилия по увеличению сбора денег на нужды миссии. Равнодушие достигло такого размера, что священники не читали ни проповедей, ни воззваний²⁷⁴. В отчете комитета Православного миссионерского общества, напечатанном во «Владивостокских епархиальных ведомостях», отмечалось, что за четырехлетнее существование результаты деятельности комитета были незначительны²⁷⁵. Об этом свидетельствовала как немногочисленность членов комитета, так и недостаточность поступающих денежных средств. В «Томских епархиальных ведомостях» в качестве мер содействия миссионерскому делу от комитета Православного миссионерского общества предлагалось произносить

---

²⁷⁴ Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М., 2007. С. 482.

²⁷⁵ Евсеев, епископ Владивостокский и Камчатский Отчет Владивостокского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1902 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1903. № 7. С. 140.

священникам поучения о миссионерском деле и публиковать их в «Церковных ведомостях». Кроме этого, организовывался сбор пожертвований в течение всего года. Высказывалось мнение, что миссионерские комитеты поддерживают старый порядок, уже не отвечающий исторической ситуации и разрушенный освободительным движением²⁷⁶. Более того, над этим порядком, а именно – «бездельным сидением», смеялись уже и сами миссионеры, считавшие выделение средств на станы, где не было христиан, напрасными. Православное миссионерское общество и его комитеты сдавали свои позиции, как в оказании поддержки миссионерства, так и в участии формирования представлений о высшем совершенстве миссионера.

Более значительное влияние на идеал миссионера, особенно в начале XX в., оказали миссионерские съезды. Миссионерский съезд в Казани, состоявшийся летом 1910 г., сосредоточил внимание на придании миссионерскому институту более правильную и стройную организацию²⁷⁷. Потребность в руководящем органе содействовала созданию проекта по формированию Всероссийского миссионерского совета при Св. Синоде. Централизация предполагалась и на местах в епархиях, где во главе миссии должен был стоять епархиальный миссионер. Епархиальный миссионер должен был не только формировать миссию, но и заботиться о кадровом составе миссии, организовывать миссионерские курсы. В уездах должны были руководить уездные миссионеры, а по благочиниям – окружные. По мнению съезда, успех миссии могли обеспечить организованная структура и опытные руководители.

На съезде высказывалось мнение о том, что для обеспечения миссий профессиональными кадрами необходимо было повысить образовательный уровень Казанских миссионерских курсов и открыть духовную академию миссионерского типа. Для подготовки миссионеров необходимо было

---

²⁷⁶ ГАИО. Ф. 50. Оп. 6. Д. 261. Л. 60.

²⁷⁷ Итоги казанского миссионерского съезда // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1910. № 15–16. С. 212.

широкое, не только теоретическое, но и практическое образование, которое могла дать Высшая миссионерская школа. Казанский съезд высказал предложение привлекать мирян к миссионерской деятельности и не только мужчин, но и женщин. Съезд призвал отказаться от исключительности, какой окружило себя духовенство, и призвать к сотрудничеству все церковные элементы, в том числе и простых верующих.

О результатах Казанского съезда сообщали многие сибирские епархиальные ведомости. В «Томских епархиальных ведомостях» отметили характеристику деятельности духовных миссий, данную Казанским съездом. В Сибири съезд отметил успех Алтайской духовной миссии, проповедующей христианство коренному населению на местном языке. Достаточно высокую оценку получила Якутская миссия, где богослужение проводилось на национальном языке²⁷⁸. Было отмечено отсутствие у аборигенов желания креститься и стремление вернуться из христианства в язычество в Иркутской и Забайкальской миссиях. Миссионеры данных миссий не использовали в своей деятельности язык коренного населения ни в богослужении, ни в школах, что препятствовало успеху миссионерской деятельности. Основными способами миссионерского воздействия съездом признавались устная проповедь, собеседования, распространение путем печати православных истин и учреждение новых журналов. Казанский миссионерский съезд выявил круг назревших вопросов, требующих внимания и наметил пути их разрешения.

Особенно активно священнослужители готовились к миссионерскому съезду в Иркутске, проходившему с 24 июля по 5 августа 1910 г. «Владивостокские епархиальные ведомости» отразили несколько этапов подготовки к съезду на местном уровне. Во-первых, создавалась специальная комиссия, которая разрабатывала материалы по программе, учрежденной Св. Синодом и занималась дальнейшей проработкой вопросов по

---

²⁷⁸ Алексей. Иркутский миссионерский съезд: (дневник участника съезда) // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1910. № 16. С. 645.

Владивостокской миссии. В ходе своей деятельности комиссия признала несоответствие миссионеров предъявляемым требованиям. Одним из главных недостатков признавалось незнание языков местного населения, а вследствие этого отстраненность от среды аборигенов, незнание нравов, обычаев, верований и неспособность осуществить самостоятельную и живую проповедь²⁷⁹.

На Иркутском миссионерском съезде присутствовали архиепископ Томский Макарий, архиепископ Владивостокский Евсевий, преосвященный Забайкальский Мефодий, преосвященный Киренский Иоанн, преосвященный Киотский Сергей и другие участники, представлявшие Иркутскую, Томскую, Енисейскую, Якутскую, Омскую, Владивостокскую, Благовещенскую, Туркестанскую епархии и заграничные миссии в Японии и Корее. Работа съезда проходила по шести секциям, каждая из которых возглавлялась архипастырем. Кроме секций, были организованы ежедневные проповеди миссионеров, публичные лекции и собеседования. Важно, что на съезде происходило живое общение, обмен мнениями и мыслями по миссионерским вопросам участников, собравшихся со всей Сибири. По отзывам участников съезда, беседы давали миссионерам бодрость, желание трудиться, сознание сплоченности, опыт, знания и собирали их в одну «братскую дружную семью»²⁸⁰. Одновременно с миссионерским съездом спонтанно возникали неофициальные встречи родственников, друзей, товарищей по учебному заведению, что оживляло миссионерский съезд и скрепляло профессиональное сообщество дружественными и родственными связями.

Результатом работы съезда для Владивостокской миссии стало решение организовать дополнительные станы на материке и на острове Сахалин, учредить пять катехизаторов и катехизаторскую школу и организовать миссионерские курсы для подготовки кадров в Восточном

---

²⁷⁹ Попов В. Заметка о нашей миссии // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1910. № 13–14. С. 479.

²⁸⁰ П. П. К пребыванию Высокопреосвященнейшего Архиепископа Евсевия на Иркутском миссионерском съезде // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1910. № 19. С. 673.

институте²⁸¹. Для повышения результативности Иркутской и Забайкальской миссий предлагалось проводить обучение аборигенов на их родном языке и обратиться к опыту Алтайской миссии. По отношению к Алтайской духовной миссии были одобрены проводимые ею принципы «благотворения» и обучения на понятном для коренного населения языке, а плодотворность миссии ставилось в зависимость от организации проповеднических дружин²⁸².

Итак, влияние духовных православных миссий на конструирование идеала миссионера было значительным. Каждая из них определяла требования, предъявляемые к миссионерам, и способы работы с населением. Показательной для остальных была Алтайская миссия. Как свидетельствуют привлеченные нами материалы, она признавалась образцовой во многом благодаря архимандриту Макарию (Глухареву), ставшему воплощением идеала миссионера, как для сибирских миссионеров, так и для общественного мнения изучаемой эпохи.

Резюмируя, можно сказать, что конструирование идеала миссионера-священника шло постепенно и было детерминировано рядом факторов. Во-первых, деятельность миссионера регламентировалась законодательством Российского государства. В качестве основных постулатов, которыми они должны были руководствоваться в своей работе, выдвигались веротерпимость, ненасильственность, соблюдение порядка и правил крещения, ведение документации. Соблюдение вышеперечисленных положений требовало от миссионера терпения, доброты, ответственности и грамотности. На практике представители церкви не всегда выполняли данные им рекомендации: использовали гражданскую власть для укрепления в вере новокрещенных, нарушали порядок крещения, не представляли отчеты в вышестоящие инстанции.

---

²⁸¹ П. П. К пребыванию Высокопреосвященнейшего Архиепископа Евсевия на Иркутском миссионерском съезде // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1910. № 20–21. С. 690.

²⁸² Миссионерский съезд в г. Иркутске // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1910. № 17. С. 234.

Во-вторых, суровые природно-климатические условия Сибири предполагали работу в экстремальной обстановке: резкие годовые перепады температур, сложный рельеф территории (горы, болота, тайга), при отсутствии дорожной инфраструктуры и кочующем образе жизни коренного населения Сибири. Столь сложные условия работы грозили миссионеру опасностями, болезнями и даже смертью, что предопределяло наличие таких необходимых качеств, как физическое здоровье, смелость, а также терпение и самопожертвование.

В-третьих, существовал ряд требований, предъявляемых к миссионеру от начальства, своих коллег по работе, общества и коренного населения Сибири. Для успешного взаимодействия с каждым из представленных субъектов был необходим определенный набор инструментов, включающий разные знания, умения, навыки и т. д.

В-четвертых, на идеал миссионера влияли материально-бытовые условия, происхождение и образование. Эффективность работы зависела от тех возможностей, которые давало происхождение из сословия духовенства, детерминировавшее получение определенного набора ценностей сначала в семье, а затем в духовном учебном заведении. На практике назначение на должность миссионера не всегда было добровольным, что предвещало кратковременность пребывания на нежеланном месте. Не обещала работа миссионера и экономических выгод. Она обрекала на тяжелые материально-бытовые условия жизни, скудность пищи и небольшой денежный доход.

В-пятых, на конструирование идеала миссионера оказывали влияние церковные институты. Наряду с инструкциями Св. Синода, духовные миссии вырабатывали свои требования к качествам и умениям миссионеров. В начале XX в. активную роль в формировании идеала стали играть и миссионерские съезды.

ГЛАВА 2. СОДЕРЖАНИЕ ИДЕАЛА СВЯЩЕННИКА-МИССИОНЕРА В ОФИЦИАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

2.1. Авторы и источники формирования идеала сибирского священника-миссионера второй половины XIX – начала XX в.

Во второй половине XIX – начала XX в. в качестве одного из основных инструментов конструирования идеала миссионера выступала религиозная периодическая печать, представленная как официальными, так и частными изданиями. Напомним, что к числу официальных относились столичные журналы «Церковный вестник» и «Церковные ведомости», а также провинциальные газеты, представленные епархиальными ведомостями.

Наиболее влиятельными в числе столичной периодики РПЦ были «Церковные ведомости» (1888–1918). «Церковные ведомости» как официальное издание РПЦ не только служили ориентиром для религиозной периодики, но и выполняли функцию поддержки государственной политики. Только после 1905 г., когда церковь стала терять свой авторитет и государственную поддержку, в издании появляется элемент дискуссионности, расширяется тематическая наполняемость, а с 1917 г. оно становится оппозиционным по отношению к государству.

В программу «Церковных ведомостей» входили: законоположения, касающиеся духовного ведомства; высочайшие повеления; постановления и распоряжения Св. Синода; циркулярные распоряжения, сообщения и приказы обер-прокурора и сообщения центральных учреждений ведомства Св. Синода; правительственные постановления и распоряжения, имеющие отношение к духовному ведомству²⁸³. В прибавлениях к «Церковным ведомостям» могли печататься проповеди, статьи научно-богословского

---

²⁸³ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 488. Л. 1.

характера, сообщения о церковных событиях в различных местностях страны, о миссионерской и просветительской деятельности духовенства, сведения о расколе и сектантстве, сообщения о новых книгах и периодических изданиях.

Тираж «Церковных ведомостей» составлял 37–38 тыс. экземпляров. Подписка в размере 3 руб. была обязательной для учреждений РПЦ. Выходили ведомости один раз в неделю. Редактором состоял настоятель кафедрального Исаакиевского собора протоиерей П. А. Смирнов, выпускник Московской духовной академии. После него редакторами были В. И. Жмакин, М. А. Остроумов, протоиерей П. Лахостский.

Большой тираж издания и обязательная подписка структур РПЦ (епархий, храмов, монастырей) позволяет предположить авторитетность данного издания и его активное участие в конструировании и трансляции идеала сибирского священника-миссионера во второй половине XIX – начала XX в. Представленные в ведомостях инструкции и рекомендации для миссионеров формировали идеал, который транслировался не только священнослужителям, но и обществу в целом.

В числе причин, обусловивших интерес периодического издания к теме сибирских миссий и идеалу священника-миссионера, назовем осуществление идеологической поддержки государственной политики, направленной на включение коренного населения Сибири в единое социально-экономическое и социокультурное пространство Российской империи. Публикация материалов, содержащих сведения о результатах деятельности духовных миссий, их успехах, вкладе выдающихся представителей РПЦ в дело просвещения аборигенов способствовала формированию представлений о благоприятном влиянии государственной церковной политики на автохтонное население Сибири. Священники-миссионеры, являясь непосредственными исполнителями миссионерской, просветительской и русификаторской функций наделялись на страницах официальной церковной

печати качествами и способностями, вписывающимися в контекст государственной этноконфессиональной политики.

В результате количественного и качественного анализа годовых комплектов «Церковных ведомостей» нами было выявлено 125 статей о сибирском миссионерстве. В издании широко представлены отчеты духовных миссий, биографии миссионеров, некрологи и описания путешествий, осуществленных с миссионерской целью. Журнал позволяет выявить священнослужителей, действовавших на территории Сибири, и являвшихся для современников примерами воплощения идеала миссионера. Как уже было упомянуто, в «Церковных ведомостях» публиковались и записки священников, и инструкции для миссионеров. Первые предоставляют материал о роли самих духовных лиц в конструировании идеала, а вторые – определяют требования, предъявляемые к сибирским миссионерам. В раздел «Разное» отнесены материалы о различных аспектах деятельности сибирских духовных миссий. В таблице 1 мы отразили тематическое распределение статей, посвященных миссионерской тематике, в журнале «Церковные ведомости» за 1888–1918 гг.

Таблица 1

Количество публикаций, посвященных миссионерской деятельности в Сибири, в журнале «Церковные ведомости» (1888–1917 гг.) *

Темы и виды публикаций	Год		Всего
	1888–1899	1900–1917	
Отчеты духовных миссий	10	4	14
Православное миссионерское общество и его комитеты	2	1	3
Записки/дневники миссионеров	4	2	6
Описание путешествий	7	5	12
Биографии/некрологи	10	6	16
Инструкции/рекомендации	4	3	7
Разное	32	35	67
Итого	69	56	125

* Подсчитано по данным, выявленным нами в процессе составления аннотированного библиографического указателя «Тема Сибирь в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.». Новосибирск, 2014. В 2-х т.

Авторами идеального образа миссионера на страницах столичных «Церковных ведомостей» выступали идейные лидеры РПЦ и миссионеры-практики: митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов), архиепископ Арсений, епископ Томский Макарий (Невский) и другие деятели православной церкви. Особенно тесная связь с Сибирью была у митрополита Иннокентия и епископа Макария. Уроженец Иркутской губернии, Вениаминов начал свою миссионерскую деятельность в Русской Америке. Став епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, он внес неоценимый вклад не только в развитие миссионерства, но и просвещение «инородческого» населения. Епископ Макарий, прибывший в Сибирь из Европейской России, сыграл большую роль в развитии Алтайской духовной миссии: занимался переводческой деятельностью, врачеванием и просвещением местного населения.

Взгляды авторов публикаций на идеал священника-миссионера не противоречили друг другу и сформировали общие требования к проповеднику православной веры в отдаленных районах страны. Одним из первых к идеалу миссионера обратился митрополит Иннокентий (И. Е. Вениаминов, 1797–1868). Среди качеств необходимых для миссионера он называл любовь к своему делу и к тому, кому проповедовали православие²⁸⁴. По мнению Иннокентия, миссионер должен был обладать скромностью, кротостью, смирением, владением собой, терпением и простотой. Митрополит Иннокентий признавал зависимость результатов миссионерской деятельности от характера взаимоотношений с местным населением. Для проповедника было недопустимо применять принуждение, угрозы, подарки, обещания или «обольщения», необходимо было завоевать

---

²⁸⁴ Наставления высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, Нушагакскому миссионеру иеромонаху Феофилу // Церковные ведомости. Прибавления. 1900. № 3. С. 97–107.

доверие и уважение аборигенов²⁸⁵. Не называя своей первоочередной цели, миссионер мог назваться странником и тем самым постепенно заслужить доверие. Проявление уважения к образу жизни и обычаям, оказание всевозможной помощи местному населению способствовало расположению аборигенов к миссионерам.

Иннокентий отмечал, что к миссионерскому делу необходимо было подготовиться, чтобы действеннее влиять на население: выучить язык, узнать об обычаях, религиозных представлениях, культурных особенностях местного населения. Большое внимание автор уделил владению речью. Миссионер, разговаривая с коренным населением, должен был внимательно, терпеливо и снисходительно слушать тех, кому он проповедовал, а речь самого миссионера должна быть проста, ясна и кратка.

Иннокентьевское наставление считалось одним из самых лучших и высказывалась рекомендация иметь данную инструкцию во всех миссиях²⁸⁶. В основу его лег указ от 1777 г., согласно которому проповедник должен был крестить без спешки, стараясь сначала подготовить коренное население духовно, без чего крещение было бы злоупотреблением. Согласно наставлению, истинный миссионер исполнял свои обязанности, несмотря на скорби и трудности, но тот, кто был поставлен миссионерствовать и не делал этого, заслуживал порицания и являлся не иначе как лицемерным и ленивым представителем церкви.

В основе миссионерства, согласно инструкции архиепископа Иркутского Нила (в миру Н. Ф. Исакович, 1799–1874) иркутскому миссионеру протоиерею Петухову, лежало благоразумие, осторожность и терпение²⁸⁷. Проповедникам, как отмечали и другие авторы, в первую очередь, следовало завоевать уважение и доверие. Согласно инструкции,

---

²⁸⁵ Наставления высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, Нушагакскому миссионеру иеромонаху Феофилу // Церковные ведомости. Прибавления. 1900. № 3. С. 104.

²⁸⁶ РГАЛИ Ф. 191. Оп.1. Д. 3053. Л. 97.

²⁸⁷ *** // Церковные ведомости. Прибавления. 1901. № 47. С. 1728–1729.

добиться этого можно было путем смирения, осторожности, терпения, бескорыстия и невмешательства в дела, не касающиеся веры.

Другой представитель РПЦ, архиепископ Арсений (в миру А. Д. Брянцев, 1839–1914), отмечал, что миссионерское служение есть пастырское служение, поэтому миссионер должен был обладать основными качествами священнослужителя²⁸⁸. Обратимся к свидетельству А. Розанова, отразившего на страницах своих записок представления о священнослужителе XIX в. Являясь представителем духовенства и на практике зная, какими качествами должно обладать духовное лицо, он сформировал следующий перечень характеристик священника: «Он должен был быть непорочен, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не корыстолюбец, целомудрен, честен, страннлюбив, любящий добро, справедлив, благочестив, воздержен, послушен, уметь наставлять в здравом учении, держаться правды, веры, мира и любви, словом, он должен вести себя так, чтобы другие, видя его добрые дела, прославляли Отца, иже есть на небесах»²⁸⁹. Священник, являясь воплощением всех добродетелей, должен быть примером для подражания своей паствы.

Помимо качеств, желательных для всех священнослужителей, на страницах «Церковных ведомостей» достаточно упоминались и те характеристики, которые соотносились главным образом с миссионерской деятельностью. Архиепископ Арсений, к примеру, отмечал, что миссионерская деятельность, как отличный от пасторского служения вид деятельности, предполагала особые требования к миссионеру. Для успешной миссионерской деятельности, по его мнению, миссионеру необходимо было иметь такие качества как кротость, смирение, снисходительность, уважительное отношение к вере, нравам и обычаям аборигенов²⁹⁰.

---

²⁸⁸ О миссионерстве вообще и в рижской епархии особенно (духовенству Рижской епархии от архиепископа Арсения) // Церковные ведомости. Прибавления. 1897. № 3. С. 77–90.

²⁸⁹ Розанов А. И. Записки сельского священника [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rozanow_a_i/text_0010oldorfo.shtml (дата обращения: 20.03.2014).

²⁹⁰ О миссионерстве вообще и в рижской епархии особенно (духовенству Рижской епархии от архиепископа Арсения) // Церковные ведомости. Прибавления. 1897. № 3. С. 86.

Архиепископ Арсений писал, что в качестве условий успешного миссионерства выступали личные качества миссионера, его взаимоотношения с людьми, которым он проповедовал и содержание деятельности священнослужителя. Подобно митрополиту Иннокентию, архиепископ Арсений признавал зависимость результатов миссионерской деятельности от характера взаимоотношений с местным населением. По мнению архиепископа, в основе миссионерства должно было лежать уважение к коренному населению и его образу жизни. Избегая пустых, глупых и невежественных слов по отношению к просвещаемому аборигенному населению, миссионер должен был выражать приветливость, учтивость, кротость, миролюбие и терпение в своей деятельности.

Архиепископ Арсений при конструировании идеала миссионера опирался на Послания святых апостолов. В обращении апостола Павла к Тимофею в качестве основных качеств пастыря назывались непорочность, воздержанность, скромность, бескорыстие, целомудрие, благочестие и миролюбие. Миссионер должен был быть готовым на страдание во имя Христа, иметь сильную веру, волю и любовь не только к своему делу, но и к тем, кому он проповедовал. Страдание как одно из неперемennых условий миссионерской деятельности отмечал епископ Томский Макарий (в миру М. А. Невский, 1835–1926)²⁹¹. Отрекаясь от себя, пастырь, подобно Христу, должен был брать на себя крест нищеты, трудов, скорбей и унижения.

Участие в формировании идеала священника-миссионера принимали местные епархиальные ведомости: «Иркутские епархиальные ведомости» (1863–1919), «Томские епархиальные ведомости» (1880–1917), «Тобольские епархиальные ведомости» (1882–1919), «Якутские епархиальные ведомости» (1894–1917), «Благовещенские епархиальные ведомости» (1894–1917), «Владивостокские епархиальные ведомости» (1903–1917). Структура для епархиальных ведомостей была общей и включала официальную и

---

²⁹¹ Внебогослужебная беседа преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского, с воспитанниками семинарии // Церковные ведомости. Прибавления. 1892. № 26. С. 919–924.

неофициальную часть. Официальная часть представляла собой вестник общецерковных и местно-епархиальных постановлений, распоряжений и извещений, которые духовенство должно принимать к исполнению, руководству и сведению.

В официальном отделе печаталась официальная часть «Церковного вестника», с 1888 г. – «Церковных ведомостей», дополняемая местными статьями официального характера – циркулярными предписаниями преосвященных и указами консисторий, сообщениями о служебных перемещениях и вакантных местах по епархиальному ведомству, протоколами епархиальных и окружных съездов, братств, попечительств, семинарий, училищ; иногда печатались годовые отчеты архипастырей о состоянии епархий, извлечения из благочинических отчетов, все это было необходимо для ускорения и упрощения обременительной для духовенства официальной переписки. Неофициальная часть могла включать проповеди; внецерковные собеседования; толкование церковных текстов; статьи о миссионерстве; описание религиозно-нравственных случаев из жизни; некрологи; публикации, освещающие вопросы быта и жизни церкви, школы и пасторской практики; статьи исторического, статистического, этнографического, естественнонаучного, публицистического и богословского содержания. В целом неофициальный отдел представлял текущую хронику епархиальной жизни и служил органом епархиальной публицистики по местным вопросам, обнародовал и предварительно разрабатывал местные архивные документы, относящиеся к разным сторонам, но, главным образом, к церковно-исторической области.

Положение епархиальных ведомостей изменилось с появлением в 1888 г. «Церковных ведомостей» – официального органа Св. Синода, на который, как уже отмечалось, в обязательном порядке были подписаны все приходы во всех епархиях. Официальные разделы ведомостей были частично сокращены. Высочайшие указы и распоряжения по ведомству православного исповедания стали помещаться только на страницах «Церковных

ведомостей», а в епархиальных ведомостях вместо них печатались распоряжения местного епархиального начальства.

Епархиальные ведомости ставили перед собой несколько задач. Во-первых, как отмечает К. Е. Нетужилов, епархиальные ведомости способствовали сокращению бюрократической переписки и допущений ошибок в документах²⁹². С одной стороны, учреждения, подчиненные епархиальному ведомству, своевременно получали необходимую информацию, с другой – епархиальное начальство оказывало воздействие на подчиненных. Таким образом, епархиальные ведомости решали широкий круг деловых и административных вопросов епархии.

Во-вторых, епархиальные ведомости использовались для обмена опытом. Желание издавать, например, «Тобольские епархиальные ведомости» объяснялось стремлением тобольского духовенства «перемолвиться между собой, условиться, уговориться, друг от друга научиться, как ему успешнее достигать пастырского служения, улучшить свой быт и положение, стряхнуть с себя умственную дремоту, размыкать свое одиночество, обусловленное местной природой»²⁹³. Духовная периодика, в первую очередь, должна была способствовать саморазвитию и совершенствованию духовенства, улучшению его быта и положения путем ознакомления с уже принятым и осуществляемым в других епархиях.

В-третьих, ставилась духовно-просветительная цель духовенства и членов общества²⁹⁴. В-четвертых, духовные издания в пореформенное время являлись неотъемлемым институтом формирования и трансляции общественного мнения. Конструируемый религиозной периодической печатью идеал священника-миссионера воспринимался читательской аудиторией как референтный.

Епархиальные ведомости, особенно для духовенства, «заброшенного в отдаленные места», являлись единственной трибуной, с которой можно было

---

²⁹² Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. СПб., 2007. С. 138.

²⁹³ От редакции // Тобольские епархиальные ведомости. Неофиц. отд.. 1882. № 1. С. 6.

²⁹⁴ Там же. С. 10.

озвучить, обсудить и найти решение волновавших вопросов местного уровня. Публикуемые на их страницах миссионерские записки не только знакомили читателей с деятельностью проповедников в Сибири, но и предоставляли, во-первых, пример ведения отчетной деятельности для сотрудников миссии, во-вторых, транслировали способы взаимодействия с коренным населением в деле распространения православной веры, в-третьих, участвовали в конструировании идеала сибирского священника-миссионера.

Положение сибирских епархиальных ведомостей отличалось от условий издания столичной религиозной печати и епархиальных ведомостей Европейской России. По замечанию «Владивостокских епархиальных ведомостей», издание религиозных журналов в Европейской России имело ряд преимуществ: большее число подписчиков – до 1–1,5 тыс., публикация платных объявлений и более дешевое издание материалов. В итоге, редакциям ведомостей Европейской России удавалось не только компенсировать расходы на издание и обеспечивать выплату гонорара сотрудникам, но и получать доход. В свою очередь, «Владивостокские епархиальные ведомости» не могли даже обеспечить полную оплату расходов на издание (из 1400–1500 руб. подписчики давали только 700–800 руб.), не говоря уже о выплате гонорара сотрудникам и редактору²⁹⁵.

В целом тираж епархиальных ведомостей не превышал 1 тыс. экземпляров, например, «Иркутские епархиальные ведомости» издавались в количестве 526 экземпляров, но и они полностью не реализовывались²⁹⁶. «Иркутские епархиальные ведомости» отмечали отсутствие заинтересованности духовенства в журнале на момент начала выхода издания. Но постепенно увеличивалось количество людей, особенно из духовенства, желающих публиковать свои статьи в ведомостях. Священнослужители нуждались в обмене мнениями по вопросам общецерковной местной жизни, для чего был необходим печатный орган,

---

²⁹⁵ От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1909. № 1. С. 9.

²⁹⁶ Об издании Иркутских епархиальных ведомостей за 1863 и 1864 гг. // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 3. С. 26.

выступавший в качестве объединяющего центра и отображающего принадлежность к более или менее «крупной корпорации»²⁹⁷. «Тобольские епархиальные ведомости» отмечали стремление провинциальных религиозных периодических изданий оказать воздействие на общество в целом²⁹⁸.

Привлечение духовенства к сотрудничеству с местными епархиальными ведомостями широко обсуждалось на страницах религиозной печати, а как отмечено в статье «Иркутских епархиальных ведомостей» – «этот вопрос стал "положительно модным"»²⁹⁹.

Как было ранее отмечено, епархиальные периодические издания, особенно для духовенства в отдаленных регионах Российской империи являлись единственной возможностью публично озвучить, обсудить и найти решение волновавших вопросов местного уровня. Сотрудники «Иркутских епархиальных ведомостей» понимали, что для привлечения публики к своему изданию необходимо было расширить неофициальную часть, издавать ведомости еженедельно, а главное, поручить редактирование издания лицам, способным, любящим это дело, свободным от посторонних дел и не чуждых епархии.

Редакторами состояли ректоры, инспекторы, преподаватели семинарий, люди, первоочередной задачей которых было выполнение своих служебных обязанностей, а уже потом исполнение функции редактора. Например, в «Томских епархиальных ведомостях» редакторами состояли ректоры семинарии А. Варфоломей и И. Панормов, преподаватель Томской семинарии М. И. Соловьев. Таким редакторам некогда было заниматься «мыслями и желаниями каких то священников», к тому же эти статьи и заметки, присланные «с мест», являлись порой незрелыми и малолитературными, требовали особенного внимания к их редактированию.

---

²⁹⁷ От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1909. № 1. С. 11.

²⁹⁸ От редакции // Тобольские епархиальные ведомости. Неофиц. Отд. 1882. № 1. 1 января. С. 9.

²⁹⁹ Еще к вопросу о сотрудничестве духовенства в епархиальных ведомостях // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1903. № 20. С. 470.

По замечанию неизвестного нам автора статьи, помещенной в «Иркутских епархиальных ведомостях», редакция за отсутствием свободного времени, заполняла этими «мыслями и желаниями» свои корзины, а епархиальные ведомости заполнялись первыми попавшимися вещами, чаще перепечатками, не отвечающими запросам местной духовной жизни³⁰⁰.

По мнению священника Н. Стойкова, епархиальные ведомости, которые должны давать «художественную духовную фотографию» местной жизни, владели жалкое существование. Названный автор писал: «Получишь брошюру, посмотришь оглавление и положишь на полку: распоряжения начальства получены и известны ранее, проповедей в церковной библиотеке сколько угодно и на какие угодно случаи, перепечатки давным-давно известны. Складываешь тощие брошюрки епархиальных ведомостей из месяца в месяц неразрезанными; в конце года выслал деньги на новые, а старые переплетал и отправлял в церковный шкаф на съедение мышам»³⁰¹.

«Иркутские епархиальные ведомости» указывали на то, что у них (по крайней мере за последние 8 лет), три четверти статей принадлежат перу местного духовенства, в том числе сельского. Редакция отмечала постепенное увеличение интереса духовенства к изданию и его стремление вступить в обсуждение назревших проблем.

Приведем данные о количестве публикаций о миссионерской деятельности в Сибири в «Иркутских епархиальных ведомостях», являющихся первыми епархиальными ведомостями, издаваемыми в Сибири. Как очевидно из таблицы 2, нами было выявлено 337 статей, освещающих различные аспекты миссионерства. Если во второй половине XIX в. регулярно публиковались отчеты духовных миссий (Иркутский, Забайкальской и Камчатской), то к концу XIX – началу XX в. они стали печататься все реже. Примечательно, что «Иркутские епархиальные ведомости» практически не затрагивали деятельность Алтайской духовной

---

³⁰⁰ Еще к вопросу о сотрудничестве духовенства в епархиальных ведомостях // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1903. № 20. С. 472.

³⁰¹ Там же. С. 473.

миссии, что связано с расхождением во взглядах на методы и сущность проводимой миссионерской деятельности, а также с территориальной отдаленностью миссии. Наряду с отчетами, регулярно публиковались описание миссионерских поездок начальников миссий и ее сотрудников. В целом, на страницах журнала старались осветить результаты и способы организации миссионерской деятельности.

В 1860-х–1870-х гг. серьезное внимание было сосредоточено на деятельности Православного миссионерского общества и его епархиальных комитетов. В 1880-х–1890-х гг. публикуется много статей об истории миссионерства в Сибири и увеличивается количество статей о работе священнослужителей со старообрядцами.

В целом, количество статей о миссионерстве в начале XX в. сильно сокращается, что связано с происходившими в обществе социальными потрясениями и стремлением священнослужителей откликнуться на них.

Таблица 2

Количество публикаций, посвященных миссионерской деятельности, в журнале «Иркутские епархиальные ведомости», 1863–1917 гг. *

Темы и виды публикаций	Годы			Всего
	1863–1870-е	1880-е–1890-е	1900–1917	
Отчеты духовных миссий	37	31	7	75
Православное миссионерское общество и его комитеты	18	8	4	30
Записки/дневники миссионеров	17	10	2	29
Описание путешествий	6	25	6	37
Биографии/некрологи	4	7	5	16
Инструкции/рекомендации	1	2		3
Разное	81	43	23	147
Итого	164	126	47	337

*Подсчитано по данным, выявленным нами в процессе составления аннотированного библиографического указателя «Тема Сибирь в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.». Новосибирск, 2014. В 2-х т.

Среди авторов публикаций епархиальных ведомостей, посвященных миссионерству и идеалу священника-миссионера, были епископ Томский

Макарий, епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин, миссионеры В. Ландышев, М. Путинцев, Ф. Альбицкий, иеромонах Мелетий. Анализ публикаций о миссионерстве позволил определить роль и место местной периодики в конструировании идеала сибирского миссионера. Принимая общепринятый идеал сибирского священника-миссионера, конструируемый «Церковными ведомостями», местные издания дополняли, трансформировали его под влиянием возникающих потребностей местных священнослужителей. Согласно инструкциям епископа Томского Макария, опубликованных в «Томских епархиальных ведомостях», миссионер должен был обладать не только высокими нравственными качествами, но и иметь важные практические навыки: ведение отчетности, составление статистики, перевод материалов на язык аборигенов, сбор этнографического материала³⁰².

Наряду с официальной периодикой, участие в формировании и трансляции идеального образа сибирского священника-миссионера принимали частные и миссионерские религиозные периодические издания. Для выявления общего и особенного в мнениях официальной и частной религиозной периодической печати об идеале миссионеров, охарактеризуем авторский корпус публикаций на интересующую нас тему в частных изданиях, а также кратко остановимся на их истории и структуре.

Увеличение числа религиозных периодических изданий, как частных, так и официальных, было связано с общественным подъемом эпохи либеральных реформ. Церковная периодическая печать стремилась отразить на своих страницах наиболее значимые события и повлиять на формирование общественного мнения. Одними из первых, кто проявил интерес к сибирским православным миссиям, были частные издания, например, «Странник» (1860–1917), «Душеполезное чтение» (1860–1917) и «Православное обозрение» (1861–1891), которые отбирали материал, освещающий наиболее

---

³⁰² Макарий, епископ Томский. Советы для миссионеров Алтайской миссии // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1902. № 6. С. 4.

актуальные события и процессы, вызывавшие интерес у общества. Тексты, посвященные миссиям, публиковались в изданиях в 60–70-х гг. XIX в., но в дальнейшем появлялись все реже. Объяснялось это тем, что в 1860-х гг. активизировалась миссионерская деятельность, которая из точечного воздействия переросла в организованную систему. Этому способствовало появление Православного миссионерского общества в 1865 г. под покровительством императрицы Марии Александровны, в дальнейшем перешедшее под руководство Св. Синода. Позднее инициативу переняли миссионерские издания и местные епархиальные ведомости в Сибири, чьи статьи содержали отчеты православных миссий, записки миссионеров, статьи, посвященные выдающимся миссионерам и некрологи.

Авторский корпус частных духовных изданий представлен преимущественно миссионерами: В. И. Вербицкий, С. В. Ландышев, иеромонах Макарий, М. П. Путинцев, иеромонах Смарагд. Публикуемый материал, представленный в основном миссионерскими записками, позволяет не только реконструировать представления священнослужителей об идеале, но и выявить авторов идеала священника-миссионера. В журнале «Странник» священник М. Архангельский признает значимым мнение Евсевия, архиепископа Иркутского, об идеале миссионера³⁰³, то есть для Архангельского основным источником конструирования идеала миссионера выступала позиция по этому вопросу его коллеги и современника. Среди черт, которыми должен обладать миссионер, чтобы обеспечить успех проповеднической деятельности, Евсевий называл кротость, терпение, самоотверженность, благочестивость, энергичность, твердость характера, ревностность в вере, опытность и чуждость в корысти, успехи свои приписывать только Богу, а в случае неуспеха не унывать. Архиепископ также отмечал, что миссионер не должен использовать внешнее влияние власти и закона в своей деятельности. Таким образом, набор качеств,

---

³⁰³ Архангельский М. Наставления священникам, служащим между язычниками и новообращенными к православной вере. Соч. Евсевия, архиепископа Иркутского. СПб., 1860 г., (12°: стр. 78) // Странник. 1861. Т. 2. С. 75–78.

предлагаемый архиепископом Евсевием, обширен. В действительности, как указывал архиепископ, не каждый ими обладал, как и не каждый мог их приобрести.

Особо можно выделить миссионерский журнал «Миссионер» (1874–1879), издававшийся, как уже было упомянуто во введении, Православным миссионерским обществом. В программу «Миссионера» входили: публикация статей по истории распространения Евангелия, характеристика нравственного состояния миссионерства (рассказы из деятельности миссионеров в пределах России, а также Средней Азии и Японии), история западного миссионерства, этнографические сведения из мест деятельности миссионеров, способы, приемы распространения миссионерства, общеназидательные статьи, раскрывающие важность миссионерской деятельности, разные сведения и заметки, сведения о книгах, имеющих отношение к миссионерству, известия о пожертвованиях и другие объявления.

Нами было выявлено 119 статей в журнале «Миссионер» за 1874–1879 гг., посвященных различным аспектам миссионерства в Сибири. Наиболее широко в журнале были представлены отчеты духовных миссий: Алтайской, Забайкальской, Иркутской, Тобольской, Якутской. Пик публикаций отчетов выпал на 1878 г., после которого произошел спад, связанный с закрытием журнала в 1879 г. Второе место по количеству занимали записки и дневники миссионеров, раскрывающие деятельность священнослужителей, особенности их работы, методы воздействия на сибирских аборигенов. В группу «Разное» отнесены материалы по самым разнообразным вопросам миссионерства. Во-первых, публикации о деятельности среди местного населения: строительство церквей, монастырей, образовательных учреждений для коренных народов, вопросы обучения аборигенов, примеры крещения. Во-вторых, статьи, освещающие внутренние вопросы деятельности миссий: материальное обеспечение, назначение на миссионерские места, миссионерское образование, миссионерские институты

и др. В таблице 3 отражено тематическое распределение публикаций о миссионерстве, размещенных в журнале «Миссионер».

Таблица 3

Число публикаций, посвященных миссионерской деятельности в Сибири, в журнале «Миссионер» за 1874–1879 гг.*

Темы и виды публикаций	Год						Всего
	1874	1875	1876	1877	1878	1879	
Отчеты духовных миссий	3	3	5	3	9	3	26
Православное миссионерское общество и его комитеты миссионерского общества			3		1		4
Записки/дневники миссионеров	1	2	3	4	3	1	14
Описание путешествий	5	1	1		1	1	9
Биографии	1			2			3
Инструкции/рекомендации	4				3		7
Разное	17	8	12	6	6	7	56
Итого	31	14	24	15	23	12	119

*Подсчитано нами по данным, выявленным нами в процессе составления аннотированного библиографического указателя «Тема Сибирь в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.». Новосибирск, 2014. Т. 2.

Фронтальный просмотр и содержательный анализ годовых комплектов журнала «Миссионер» позволил выявить не только компоненты идеала священника-миссионера в Сибирском регионе, но и понять какая миссия наиболее соответствовала формируемым требованиям. Из выявленных нами 119 публикаций «Миссионера», посвященных миссионерской деятельности в Сибири, 23 информировали об Алтайской духовной миссии и ее деятелях.

Авторами публикаций «Миссионера», на основе которых читатели могли судить об идеале священника-миссионера, были: епископ Енисейский и Красноярский Антоний, архимандрит Владимир (Петров), священники В. Пьянков, Ф. Синьковский, миссионеры Т. Соколовский, В. Вербицкий и другие. Заметим, что большинство авторов «Миссионера» публиковало свои тексты и на страницах других уже упомянутых нами периодических изданий. Рассуждая о том, каким должен быть миссионер в Сибири, они называли, в первую очередь, Послания апостолов. Именно в них, как отмечает архиепископ Арсений, отображалось основное содержание миссионерства –

проповедь Евангелия, базирующаяся на любви к своему делу, ради которого можно было пострадать. Кроме Посланий к апостолам, в качестве источника для конструирования идеала миссионера использовались и труды церковных мыслителей, например, Г. Конисского. Кроме того, источником для формирования идеала служили биографии авторитетных сибирских миссионеров, публиковавшиеся на страницах как официальных, так и частных изданий. Среди выдающихся миссионеров, являвших собой идеал проповедника, в периодической печати особо выделяли архимандрита Макария (Глухарева) и митрополита Иннокентия (Вениаминова). Их личностные качества, способы взаимодействия с коренным населением, методы работы были примером для других миссионеров.

Для духовных миссий Сибири, особенно для Алтайской миссии во второй половине XIX – начале XX в., идеалом миссионера был архимандрит Макарий (Глухарев). О признании выдающегося вклада архимандрита Макария в развитие миссионерства свидетельствует большое количество статей в одном из главных официальных печатных изданий РПЦ – «Церковных ведомостях», посвященных как самому Макарию, так и Алтайской миссии.

Агапит, епископ Томский, отмечал, что Макарий являл собой пример апостольского подвига, что было непреодолимым желанием для любого пастыря³⁰⁴. По замечанию автора статьи, помещенной в «Иркутских епархиальных ведомостях», Макарий вел деятельно-духовный, строгий образ жизни, был высокоученым, самоотверженным, прозорливым человеком. Он был похож на «свотильник перед сидящими во тьме племенами, который сиял словом истины и делами милосердия к погибающим»³⁰⁵. Будучи проповедником, М. Глухарев обладал необыкновенным даром слова,

---

³⁰⁴ Первое донесение о состоянии Алтайской миссии первого ее начальника-основателя о. архимандрита Макария Глухарева, первому Томскому епископу преосвященному Агапиту и ответ преосвященного на донесение // Церковные ведомости. 1896. № 2. С. 56.

³⁰⁵ Осинин И. Речь, сказанная, 2 мая 1865 года, в собрании членов вновь учреждаемого миссионерского общества для содействия распространению христианства в восточных и северных пределах России // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1865. № 27. С. 403.

высокими свойствами души и добросовестно относился к делу. Он был очень энергичен и глубоко предан своему делу. Главной задачей миссионера, по его мнению, было распространение и утверждение христианской веры и просвещения среди местного населения, используя их родной язык³⁰⁶.

Проповедуя коренному населению основы христианской веры, Макарий много трудов и сил отдал переводам священных книг для новокрещеных: Евангелие от Матфея и Иоанна, символ веры, разные молитвы, поучения для принятия крещения и наставления для исповедующихся. В дальнейшем, многие миссионеры пошли по стопам архимандрита Макария, опираясь на основы, заложенные М. Глухаревым³⁰⁷.

Иннокентий (Вениаминов) для современников и потомков был воплощением идеала миссионера. Многочисленные публикации о самом митрополите и его работе в периодической печати, в том числе религиозной, отображали представления священнослужителей о том, какими качествами и навыками должен был обладать миссионер. Современники называли служение Иннокентия апостольским, а император Николай I причислял митрополита к апостолам³⁰⁸. Как отмечено в статье, помещенной в «Церковных ведомостях», Иннокентий выделялся характерными только для него особыми чертами. Этот апостол разъезжал верхом по тундре, плавал по морю на байдарке, ездил на собаках и как отмечает автор газетной статьи Н. Минаев, проехал тысячи верст³⁰⁹. Иннокентий был не просто апостолом, но и лингвистом, этнографом, занимался плотничеством и другими ремеслами.

Причисляемые ему достоинства были всеохватывающими: он был не только прост, приветлив, терпелив, мужественен, трудолюбив, но и не искал

---

³⁰⁶ Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово. 1998. С. 17.

³⁰⁷ Осинин И. Сказанная, 2 мая 1865 года, в собрании членов вновь учреждаемого миссионерского общества для содействия распространению христианства в восточных и северных пределах России // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1865. № 27. С. 403.

³⁰⁸ П. С. Высокопреосвященный Иннокентий, митрополит Московский // Церковные ведомости. Прибавления. 1897. № 34. С. 1202.

³⁰⁹ РГАЛИ Ф. 191. Оп.1. Д. 3053. Л. 85.

богатств, не хвастал своими знаниями и заслугами³¹⁰. В первую очередь, Иннокентий в своей деятельности не использовал насилия и не прибегал к административным рычагам при крещении аборигенов. Иннокентий, прежде всего, изучал язык, быт коренного населения и многоопытным путем вырабатывал способы проповедования. Он стремился оказать всестороннюю помощь, в том числе, давал советы по земледелию, садоводству, пчеловодству и скотоводству³¹¹. Его заслуги перед РПЦ были настолько значительны, что даже отсутствие высшего духовного образования не стали препятствием при его назначении на высокие церковные посты.

Наряду с архимандритом Макарием и митрополитом Иннокентием, выдающимся миссионером признавался Дионисий (Хитров). Примечательно, что в статьях «Церковных ведомостей» личность епископа намеренно идеализировалась. Так, в своей автобиографии Дионисий признавал, что не был готов к миссионерской деятельности в Сибири и даже хотел откупиться от должности. Однако в опубликованной в ведомостях биографии представлен другой вариант отношения епископа к миссионерской деятельности³¹². Согласно опубликованным материалам, Дионисий не смог отказаться от назначения, видя в этом волю Божию. Но вступив на свою должность, Дионисий с терпением и мужеством исполнял свои обязанности. Особо отмечался его вклад в перевод богослужебных книг на якутский язык и создание якутской грамматики. Историк И. Барсуков отмечал, что после митрополита Иннокентия никто так не потрудился на благо РПЦ, как Дионисий.

Отметим, что в местных епархиальных ведомостях в качестве тех, кто наиболее полно воплощал идеал миссионера, назывались и другие представители РПЦ. Одним из тех, кто как «месяц ясный среди ярких звезд» «вещал Алтаю православное слово», был Владимир, епископ Бийский,

---

³¹⁰ П. С. Высокопреосвященный Иннокентий, митрополит Московский // Церковные ведомости. Прибавления. 1897. № 34. С. 1202–1203.

³¹¹ РГАЛИ Ф. 191. Оп.1. Д. 3053. Л. 101.

³¹² Из истории миссионерства в Сибири // Церковные ведомости. Прибавления. 1902. № 47. С. 1648.

Томский и Семипалатинский³¹³. С большой любовью он относился к своим сотрудникам, а вера и любовь в деле миссионерства были «необычайны, изумительны и чисто апостольские». По воспоминаниям современников, опубликованным в «Томских епархиальных ведомостях», архимандрит Владимир был человеком смелым и умелым наездником³¹⁴. Он обладал знаниями строителя-архитектора и много помогал как в возведении различных построек, так и в обучении представителей из местного населения строительному делу. Учил он всегда и всех отечески, с любовью и большим терпением. Со своими сослуживцами архимандрит Владимир был строг как начальник, но милостив как отец. Вникая в положение каждого человека, он остался в памяти многих людей, вспоминая о его делах и словах с любовью³¹⁵. Всеобщему признанию архимандрита в качестве олицетворения идеала священнослужителя в Сибири препятствовало его нежелание вести документацию миссии, что вызывало критические выпады как со стороны других деятелей РПЦ, так и местной власти.

Другой пример являет собой архиепископ Вениамин (Благодеров). Однако если в «Церковных ведомостях» ему было посвящено несколько статей, где признавались заслуги архиепископа, то в «Иркутских епархиальных ведомостях» критиковались его взгляды на миссионерство и способы взаимодействия с коренным населением.

Итак, официальные издания, представленные «Церковными ведомостями» и сибирскими епархиальными ведомостями, активно публиковали материалы, посвященные истории сибирских миссий, отчеты миссионеров и биографии наиболее известных из них, инструкции для сотрудников сибирских миссий. Среди авторов идеала священника-

---

³¹³ Памяти Архиепископа Владимира // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1900. № 17. С. 2.

³¹⁴ Ландышев В. Воспоминания о Высокопреосвященнейшем Владимире, епископе Казанском и Свяжском, бывшим начальником Алтайской и Киргизской миссий // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1900. № 21. С. 13.

³¹⁵ Там же. С. 22.

миссионера в официальных религиозных периодических изданиях выступили митрополит Иннокентий, архиепископ Нил, архиепископ Арсений.

Авторами идеального образа священника-миссионера, конструировавшего в сибирских епархиальных ведомостях, были сибирские священнослужители – епископ Томский Макарий, миссионеры В. Ландышев, М. Путинцев, Ф Альбицкий, стремившиеся наполнить идеал практическим содержанием, способным помочь священнослужителям реализовать возложенные на них обязанности.

Частные духовные издания также участвовали в конструировании идеала сибирского священника-миссионера. Журналы имели возможность более свободно излагать темы по самым актуальным вопросам, в том числе, организации миссионерской деятельности на отдаленной окраине России. Основу авторского корпуса публикаций о священниках-миссионерах составили сами миссионеры – В. Вербицкий, С. Ландышев, М. Путинцев, иеромонах Смарагд.

2.2. Компоненты идеала миссионера второй половины XIX в.

Если в предыдущем параграфе основное внимание было сконцентрировано на выявлении авторов идеала священника-миссионера, конструировавшегося в религиозных изданиях, а также на характеристике источников, на который опирались авторы идеала, то данный параграф посвящен выявлению структуры и содержания идеала миссионера во второй половине XIX столетия.

В привлеченных нами изданиях наиболее ценный материал, посвященный деятельности священников-миссионеров в Сибири, представлен миссионерскими записками. Наличие личностного компонента в текстах позволяет не только выявить и проанализировать деятельность, взгляды, самосознание миссионеров, но и проследить влияние

на индивидуальных представлений об идеале на поведение и собственный выбор священнослужителя. Как отмечает Л. П. Репина, биографическая история может не только объяснить, чем обуславливался выбор или решение человека, но и раскрыть внутренние мотивы, соотношение стереотипов с реальными действиями и причины расхождения с ними³¹⁶. Выявление биографических характеристик и их экстраполяция на профессиональное сообщество миссионеров раскрывает также связь личностного и социокультурного компонентов в миссионерской деятельности РПЦ.

Содержательный анализ текстов официальных религиозных периодических изданий дает основание утверждать, что в качестве основной функции священнослужителей в зауральских губерниях называлась миссионерская деятельность. Отобранные для периодической печати записки миссионеров, с одной стороны, являлись примером, образцом для других священнослужителей, с другой – содержали в себе повторяющиеся сюжеты, на основе которых мы можем выявить представления священнослужителей об идеале проповедников в Сибири. Дополнительно нами были привлечены неопубликованные тексты записок миссионеров, позволяющие расширить базу источников и контекст интерпретации материалов православной периодики³¹⁷.

Одной из центральных тем в опубликованных миссионерских записках было освещение поездок, трудностей, встречающихся на пути, и пережитых страданий. Подробное изложение миссионерского путешествия, содержащее в себе описание дорожной инфраструктуры, погодных условий и ситуаций, грозивших здоровью и жизни проповеднику, соответствовало идеалу, сконструированному официальной церковной периодикой. В «Церковных ведомостях» отмечалось, что миссионер должен быть не просто

---

³¹⁶ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 297.

³¹⁷ См. например: ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8862, Д. 8863; Ф. 50. Оп. 7. Д. 287; ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 19, Д. 48.

«страннолюбив» и преодолевать большие территории, но и способным на многие жертвы и страдания ради тех, кому он проповедует³¹⁸.

Для миссионеров было важно описание путешествия к своим подопечным и трудностей этого пути. Это и сложный природный ландшафт, и резкие климатические перепады:

«То – в пропасть с обрыва летит, то – с горы,
Усердный Господень служитель,
То – горных, холодных рек бурный порыв
С конями уносит, то – снег, то – жары...
Но всюду хранил их Спаситель...»³¹⁹.

Круглогодично миссионеры объезжали свои отделения верхом, на телегах, санях, нартах, ходили по опасным тропам, по глубокому снегу на лыжах. Для работы в природных условиях Сибири необходимо было уметь ездить верхом, ходить на лыжах и управлять транспортными средствами. Миссионер Смарагд в своих записках указывает, что путь иногда был так труден, что, не обладая достаточным искусством воспользоваться лыжами, ему приходилось отказываться от путешествий³²⁰. А забайкальского миссионера Ф. Альбицкого от совершения верхового путешествия по нуждам миссии останавливали боль в ногах и боязнь сеть в седло после 10 лет отсутствия практики верховой езды³²¹. Езда в телеге для Ф. Альбицкого тоже была тяжела: все кости у него как будто были не на месте и буквально ныли.

В проанализированных нами изданиях неоднократно отмечалась необходимость наличия крепкого здоровья, которое помогало миссионеру преодолевать все трудности, встречавшиеся на пути. Миссионерские тексты репрезентируют нарратив страдания миссионеров и мифологизируют их

---

³¹⁸ О миссионерстве вообще и в рижской епархии особенно (духовенству Рижской епархии от архиепископа Арсения) // Церковные ведомости. Прибавления. 1897. № 3. С. 77–90.

³¹⁹ Макарова-Мирская. А. Апостолы Алтая. Сборник рассказов из жизни алтайских миссионеров. М., 1997. С. 5.

³²⁰ Смарагд. Записки алтайской духовной миссии урскульского стана миссионера иеромонаха Смарагда за 1861 г. // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 2. № 6. С. 139.

³²¹ Альбицкий Ф. Записки забайкальского миссионера священника Ф. Альбицкого // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1866. № 9. С. 113.

деятельность для коллег и потомков. Миссионер Чукотской миссии Иоанн Невский, к примеру, писал: «На пути жители так редки, что с утра до вечера едва-едва можно было доехать от одного очага до другого, а иногда, за отдаленностью и за глубокими снегами, при отсутствии дорог, не могли в течение целого дня добраться до жителей, и потому имели ночлег на снегу, под открытым небом, при пылающем костре дров»³²².

Не каждый миссионер мог физически выполнять свои обязанности в таких тяжелых природно-климатических условиях, что приводило к болезням, ухудшению здоровья, влекущему за собой отстранение от миссионерской деятельности. Яркий пример того, как слабое здоровье влияло на деятельность священнослужителя, представлен в «Миссионере»: «Миссионер иеромонах Агафангел, кажется, вовсе и не начинал миссионерскую деятельность. Отправившись из безусловного послушания по воле начальства, он, едва столкнувшись с суровой действительностью неприветливой страны, сразу понял, что он не на месте. Это человек крайне болезненный, не его здоровью бороться с трудностями Колымского края, человек, в полном смысле, с монашеским настроением духа <...> Прекрасный, по нравственным качествам, истинный монах, но слабый здоровьем, согласно его просьбе, неизбежно должен был покинуть миссионерский пост»³²³. Пример миссионера Агафангела и других миссионеров, с трудом справлявшихся с тяжелыми природно-климатическими условиями и ландшафтными особенностями территории Сибири, постепенно приводил к пониманию, что более эффективно было «вращивать» миссионеров из представителей коренного населения, привыкших к местным природным условиям.

Ряд миссионерских записок, особенно неопубликованных, отличался сухостью и краткостью изложения впечатлений о проделанном пути или событиях, произошедших с миссионерами во время поездок. Содержание

---

³²² Дионисий, епископ якутский и Вилюйский. Отчет Якутского комитета Православного Миссионерского общества за 1874–1875 г. // Миссионер. 1876. № 5. С. 38.

³²³ Якутская православная миссия за 1875–1876 гг. // Миссионер. 1878. № 15. С. 115.

созданного текста зависело от уровня грамотности, способности миссионеров сообщить необходимую информацию, умения выразить свои мысли и авторскую позицию. Отсутствие описания миссионерского путешествия и трудностей, встречающихся на пути, могло быть связано и с благоприятным климатом и ландшафтом, характерным, например, для Иркутской области. В связи с этим представляется важным, что для публикации в религиозной периодике выбирали только те записки, которые грамотным литературным языком повествовали о подвижнической деятельности миссионеров, формируя уважительное отношение к ним в общественном мнении.

В целом, преодолевая свой путь в труднопроходимой местности, будь то дорога по обрывистой поверхности гор или встреча с вьюгой в снежной пустыне, миссионеры сталкивались с ситуациями, требовавшими от них проявления ловкости, смелости, физической силы и владения специальными навыками. На страницах официальной периодики РПЦ многократно подчеркивалось как во второй половине XIX в., так и в начале XX в., что миссионер должен был обладать физической силой, иметь крепкое здоровье и уметь обращаться с различными средствами передвижения – лошадьми, оленями, собаками, лыжами и нартами. Важно отметить, что проповедники в своих записках, опубликованных в официальной православной периодической печати, расширили представления об идеале миссионера, сформированном инструкциями и рекомендациями для священнослужителей. Так, согласно инструкциям, миссионер должен быть способным на преодоление больших расстояний и готовым на этом пути справляться с различными неудобствами ради других. В то время как священнослужители в своих записках делали акцент на необходимость физиологической готовности к сложным природно-климатическим и ландшафтным особенностям Сибири.

В рекомендациях для миссионеров физическое здоровье рассматривалось только с точки зрения соблюдения правильного образа жизни, предусматривающего отказ от алкоголя и курения. Для священника

важно было отсутствие пагубных привычек. Современники XIX в., среди которых мы находим и представителей из духовенства (И. Беллюстин), отмечали приверженность священников к пьянству. Так, к примеру, А. Розанов писал: «Духовенство судится, почти исключительно, за нетрезвую жизнь. И это не потому, что духовенство безобразничало по-купечески, или как, в былое время, провинциалы-дворяне, нет, у них преследовалось и то малое, на что в других сословиях не обращалось и внимания. Притом, если вникать в сельскую жизнь и всю ее обстановку, то можно было еще удивляться, что пьянства так мало»³²⁴. Священника от пьянства, по мнению А. Розанова, могло спасти только твердость характера и сила воли.

Как свидетельствуют материалы религиозной периодики, часто на пьянство провоцировали сами прихожане. Во время церковных праздников духовенство совершало молебны в домах прихожан. Везде накрывался стол, подавались обильная выпивка и закуска. Священник Иоанн Беллюстин негодовал: «Надо служить молебен – пусть служат в церкви. А то посмотрите, что делается в селах: пьяные служат, пьяные молятся; что ж это за молитва?»³²⁵.

В миссионерских текстах, публиковавшихся в официальной религиозной периодике, вопрос о правильном образе жизни специально не рассматривался. Опосредовано о взглядах священнослужителей можно судить на основе их отношения к пьянству местного населения. Миссионеры могли относиться к употреблению коренным населением алкоголя как критически, так и нейтрально. Например, священник-миссионер А. Малков, присутствуя на хурале, ламаистском празднике, употреблял водку всякий раз, когда ему предлагали и ему «никак нельзя было отговориться, чтобы не выпить»³²⁶.

---

³²⁴ Розанов А. И. Записки сельского священника [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rozanow_a_i/text_0010oldorfo.shtml (дата обращения: 20.03.2014).

³²⁵ Беллюстин И. С. Записки сельского священника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omolenko.com/publicistic/belustin.htm> (дата обращения: 2.05.2014).

³²⁶ Малков А. Хурал. Из записок забайкальского миссионера // Православное обозрение. 1866. Т. 19. С. 163.

Наряду с описанием путешествий, миссионеры подробно освещали свою деятельность. Г. Ш. Мавлютова пишет о том, что для миссионеров, их деятельность – это не чувство долга или морали, она имела более внутренние посылы, она была «экзистенциальное повеление»³²⁷. В основе деятельности священнослужителей, как отмечалось в текстах миссионеров, должна была лежать любовь к тем, кому проповедовали основы православной веры. От этого зависели взаимоотношения между коренным населением и представителями РПЦ. Так, миссионер Алтайской миссии Смарагд завоевал расположение аборигенов своим уважительным и радушным отношением. Священник И. Смольяников отмечал, что Смарагд не только помогал населению, участвовал в их жизни, но и буквально делил с ними последний кусок хлеба³²⁸. Другой миссионер А. Малков, присутствуя на ламаистском празднике, проявил уважение к обычаям и традициям местного населения, тогда как другие священнослужители смеялись над их верой. Это расположило аборигенов к священнику, что позволило ему беспрепятственно беседовать с ними³²⁹.

Согласно инструкциям, помещенным в «Церковных ведомостях», миссионеры должны были проявлять не только любовь, но и уважение к обычаям и традициям коренного населения. Но наряду с миролюбивым характером миссионерской деятельности, записки, например, И. Смольяникова, В. Вербицкого, Акакия и других отражали и обратные тенденции. Миссионеры, убежденные в превосходстве православной веры над язычеством, исламом и ламаизмом, стремились убедить в этом местное население и склонить к принятию христианства. В отдельных случаях проявление нетерпения к вере коренного населения могло проявляться не только на словах, но и в действиях. Миссионер Акакий, разъезжая по

---

³²⁷ Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001. С. 30.

³²⁸ Смольяников И. Записки Алтайской духовной миссии, Улалинского отделения миссионера-священника Иоанна Смольяникова за 1860 и 1861 гг. // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 2. № 7. С. 272.

³²⁹ Малков А. Хурал. Из записок забайкальского миссионера // Православное обозрение. 1866. Т. 19. С. 163.

селениям аборигенов, сжигал встречающиеся на его пути так называемые «обоо» – кучи хвороста, возле которых происходило камлание³³⁰.

Таким образом, такие составляющие идеала миссионера, как проявление любви, терпимости и уважения к коренному населению Сибири, не всегда воплощались в реальной деятельности проповедников. Выбор миссионерами поведенческой модели при взаимодействии с аборигенами, с одной стороны, регламентировались инструкциями, с другой – обуславливалась личным отношением священников к миссионерской деятельности. Порой священнослужители оперировали представлениями о дикости и некультурности жителей Сибири, превосходстве православия над традиционной верой коренного населения, что влияло на отношение миссионеров к местному населению и подвергалось критике на страницах официальной периодической печати.

Не всегда терпеливо относились миссионеры и к другой категории населения Сибири, с которой им предписывалось взаимодействовать, старообрядцам. Специфика деятельности среди них заключалась в тщательном изучении раскольнических учений и формировании убедительных доказательств для опровержения постулатов старообрядческой веры. «Томские епархиальные ведомости» отмечают, что работа со старообрядцами составляла великий труд: во-первых, требовалось тщательное изучение раскола, которое было возможно только в семинарии, во-вторых, глубокое понимание старообрядческой литературы, в-третьих, умение формулировать доказательства в беседе с раскольниками³³¹. Не каждому священнослужителю было под силу терпеливо, со знанием дела проводить беседы со старообрядцами.

Среди навыков и умений особое внимание в православной периодической печати уделялось речи, которая должна была быть понятной,

---

³³⁰ Акакий. Записки миссионера Черноануйского отделения Алтайской духовной миссии иеромонаха Акакия, за четыре с половиной месяца 1866 г. // Душеполезное чтение. 1867. Ч. 1. № 1. С. 18.

³³¹ Беседа с православным священником о том, что нужно для успешного действия в обращении глаголемых старообрядцев к православной церкви // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1885. № 1. С. 2.

доступной, краткой, ясной и точной. Как официальные, так и частные периодические издания, были единодушны в том, что исключая многословие, напыщенность и отвлеченные философские понятия в беседе, миссионер должен был приспособливаться к мировоззрению аборигенов и говорить языком сравнений, подобий и примеров. Простота речи миссионера обуславливалась малообразованностью аборигенов. Все эти качества зависели от образования, характера и темперамента человека, но в большей степени, по мнению авторов религиозной периодики, вырабатывались со временем и опытом.

В своих записках миссионеры отмечали важность владения ораторским искусством. Представителям РПЦ в рамках ненасильственного подхода в деле крещения местного населения Сибири приходилось использовать главным образом слово. Это могло быть убеждение, чтение религиозных текстов или обучение молитвам. Более того, как инструкции, публиковавшиеся в периодических изданиях РПЦ, так и сами священнослужители признавали необходимость знания языка коренного населения, что позволяло напрямую обращаться к аборигенам. Например, в «Иркутских епархиальных ведомостях» встречаем следующий пример. Миссионер И. Никольский, беседуя с казаками, скорбел от того, что не понимал их наречия и убедился, какую пользу может принести миссионеру знание языка местных жителей и насколько может быть безрезультатна беседа, когда ведется при посредстве переводчика³³².

В то же время ряд деятелей сибирских миссий опровергал необходимость использования языка аборигенов при проповедовании основ православной веры, аргументируя это тем, что национальные языки только замедляли обрусение коренного населения. Так, архиепископ Вениамин, по замечанию «Иркутских епархиальных ведомостей», был убежденным сторонником обрусения «инородцев»: православие должно было вести борьбу не только с чужой верой, но и с чужой национальностью, нравами

---

³³² ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 47. Л. 13.

и привычками, что исключало использование миссионерами языка аборигенов. Взгляд архиепископа, который занимал во второй половине XIX в. должности епископа Иркутского и Нерчинского, епископа Камчатского, и епископа Селенгинского, перенимали и его подчиненные, «кто только имел соприкосновение с миссионерским делом»³³³. Только после миссионерского съезда в Иркутске (1910 г.), Иркутская и Забайкальская миссии стали целенаправленно использовать язык аборигенов при проповедовании православия.

Согласно мнению официальной религиозной периодики, ведение отчетной документации также было неотъемлемым навыком в деле миссионерства. Особое внимание к ведению документации уделяли епархиальные ведомости, ставившие своей целью содействовать и помогать священнослужителям в их деятельности. Миссионеры затрачивали много времени на ведение отчетности. Так, в своих журналах они должны были предоставлять следующую информацию: время отправления на проповедь среди местного населения и время возвращения; обозначение мест, где проводилась работа с указанием времени; указание причины проповеди в том или ином месте; предмет проповеди, содержание беседы; воздействие проповеди на слушающих и обратная реакция; принимаемые миссионером меры для привлечения в христианскую веру; возникающие препятствия в деятельности; меры, принимаемые миссионером для преодоления препятствий; примеры крещения; другие сведения³³⁴. Отсутствие способностей к ведению записей о результатах своей деятельности могло, с точки зрения официальных периодических изданий, привести к отстранению от должности. Обоснованность такого мнения подтверждалась и самими миссионерами. Так, Чукотский миссионер Анатолий, не обладая даром

---

³³³ Иоанн. О предстоящем миссионерском съезде // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1909. № 18. С. 479.

³³⁴ Парфений, архиепископ. Епархиальные распоряжения // Иркутские епархиальные ведомости. 1866. № 16. С. 84–85.

излагать свои мысли на бумаге, был отозван с миссионерского поста, но позже был возвращен из-за отсутствия кандидатов на его должность³³⁵.

Идеал священника-миссионера со временем изменялся. Как отмечают историки В. В. Ершов и В. М. Кимеев, с начала XX в. поменялся характер деятельности миссионеров, которая стала заключаться в повседневной службе в церкви, заботе о нравственном состоянии местного населения и распространении грамотности³³⁶. Другой характер деятельности требовал от миссионера новых качеств.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают основания утверждать, что идеал миссионера, конструируемый официальными изданиями РПЦ, во второй половине XIX в. не всегда совпадал с реальностью, но предоставлял миссионеру ориентиры для нравственного самосовершенствования. Авторы религиозных изданий при помощи идеала священника пытались конструировать то референтное профессиональное сообщество, с которым они хотели себя отождествлять.

Публикуемые в периодической печати тексты, представленные инструкциями, отчетами, миссионерскими записками, биографическими очерками, позволили выявить идеальный тип сибирского священнослужителя. Из записок публиковались те, которые наиболее соответствовали рекомендациям по их написанию и могли служить примером для остальных миссионеров, особенно тем, кто только вступил в свои обязанности. В отборе материалов участвовал и начальник миссии, которому предоставлялась вся отчетность подчиненных.

В миссионерских записках тип сибирского священнослужителя конструировался самими миссионерами, которые на своем опыте знали, какими телесными, духовными и профессиональными качествами необходимо обладать, чтобы эффективно выполнять свою деятельность. Среди этих качеств они называли крепкое физическое здоровье, силу,

---

³³⁵ Отчет о состоянии Якутской епархии за 1877 г. // Стопами миссионера. Тверь, 2013. Т. 2. С. 48.

³³⁶ Ершов В. В., Кимеев В. М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово. 1995. С. 6.

самоотверженность, терпение, любовь к тому, кому проповедовали православие, а среди умений выделялось наличие правильной, ясной речи, знание языка коренного населения и ведение документации. Сформированный идеализированный образ миссионера соотносился с идеалом священнослужителя, конструируемым рекомендациями и инструкциями для миссионеров. Представления проповедников имели как точки соприкосновения с идеалом, так и отступали от него. Так, сибирский священнослужитель, по мнению самих миссионеров, должен был не только быть способным преодолевать большие расстояния, различные трудности, встречающиеся на пути, но и обладать крепкими физическими данными, здоровьем и навыками управления транспортными средствами.

Достаточно широко миссионерами интерпретировалось проявление терпимости к коренному населению Сибири. Согласно идеалу, транслировавшемуся со страниц официальной периодической печати, священнослужитель в своей деятельности должен был руководствоваться любовью, терпением и уважением к аборигенам, их обычаям и традициям. На практике миссионер не всегда следовал идеалу. Не редко просвещение аборигенов подменялось обрусением местного населения в ущерб его национальной культуре.

В религиозной периодической печати не прослеживается различий в интерпретации идеала священника-миссионера официальными и частными православными периодическими изданиями, столичными и провинциальными. Во многом это объясняется тем, что редакторами, цензорами и авторами были лица, имеющие духовный сан, которые стремились конструировать и транслировать обществу идеальных «себя». В целом, сопоставление идеала, формируемого официальными изданиями РПЦ с типом сибирского миссионера, позволило определить, как он реализовывался на практике и выявить роль священнослужителей в конструировании идеала сибирского проповедника. Непременными компонентами идеала миссионера для всех авторов официальных и частных

периодических изданий выступали терпение, кротость, смирение, готовность претерпевать различные невзгоды и трудности, уважительное отношение к коренному населению.

2.3. Эволюция идеала священника-миссионера в начале XX в.

В данном параграфе проследим эволюцию идеала священника-миссионера в официальной периодике РПЦ в начале XX столетия.

С конца XIX в. и особенно с начала XX в. священнослужители столкнулись с падением авторитета церкви у населения Российской империи. Епископ Евдоким, ректор Московской духовной академии, среди причин отсутствия возможностей возродить христианскую веру называет «ненормальность положения духовенства в приходе и обществе»³³⁷. По его словам, духовенство стало зрителем бурной общественной жизни, но не принимало никакого участия в ней. Оно было далеко от народа. Духовенство отвыкло от самостоятельной мысли, открытого чувства, живой, кипучей жизни, забыло простоту и откровенность. Оно стало заложником канцелярских указов, братств, съездов, реформ, ревизий, отсюда мертвенность мысли, скука и равнодушие. Униженное положение православного духовенства объяснялось скудностью его содержания, затрудняло отстаивание своих интересов и позиций «с протянутой рукой для пропитания» перед теми, кто с бранью и осуждением давал в эту руку жалкий грош³³⁸. Равнодушие возникло и к миссионерской деятельности, что нашло отражение на страницах православной периодики. От служения в миссиях, по замечанию «Томских епархиальных ведомостей», отпугивала бедность новокрещеных, трудность и ответственность служения, незнание

---

³³⁷ Пастырь-учитель // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1904. № 13. С. 298.

³³⁸ Богоявленский К. Письмо к пастырям // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1905. № 10. С. 232.

местными русского языка и отдаленность приходов от миссионерских центров³³⁹.

Религия столкнулась с отрицанием и неверием, а духовенство с обвинениями, в частности, со стороны прессы, в наличии у них пороков и недостатков³⁴⁰. Негативное отношение населения к религии, как и критику поведения и деятельности священнослужителей отмечали все религиозные издания. Критическими статьями православные периодические издания стремились побудить священнослужителей следовать идеалу духовенства, сформированному во второй половине XIX в. Священнослужителей критиковали за поведение и манеру общения с населением. Духовные лица могли подать руку, вместо осенения крестным знамением, не снять головной убор, а «иногда надвинув шляпу набекрень, вынуть из кармана папиросу и закурить»³⁴¹. Более тяжелым обвинением, особенно со стороны авторов религиозной периодики, было копирование духовенством светских образцов в церковной и личной жизни. В начале XX в. с проведением в жизнь указа об укреплении начал веротерпимости и ослабления цензуры, интерес к положению духовенства увеличился, в частности, со стороны самих священнослужителей. Религиозная печать активно призывала духовенство участвовать в обсуждении назревших проблем и к выработке возможных путей их решения.

На страницах религиозной периодики активно обсуждалась и проблема обновления миссионерской деятельности. Увеличение числа православных храмов, церковно-приходских школ, новых переселенческих селений предъявляло новые требования к миссионерам³⁴². Изменение состава населения в миссионерских станах, особенно с конца XIX в., привело к

---

³³⁹ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1903. № 7. С. 22.

³⁴⁰ К вопросу об оживлении пастырской деятельности духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1904. № 15. С. 329–335.

³⁴¹ И. Т. Значение доброй жизни пастыря как пример в пастырской деятельности // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1914. № 7. С. 490.

³⁴² Отчет об Алтайской духовной миссии за 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1903. № 7. С. 20.

трансформации деятельности миссионеров и утрате ее первоначального характера, выразившегося в сближении с приходской деятельностью. Как отмечалось в отчете об Алтайской духовной миссии за 1902 г., опубликованном в «Томских епархиальных ведомостях», наряду «с коренным населением, в станах стали селиться самые разнообразные элементы, смешанные между собой: старокрещенные, уже обрусевшие; новокрещенные; русские поселенцы и коренное, еще некрещеное население, ведущие как оседлый, так и кочевой образ жизни»³⁴³. Каждый из этих элементов паствы предполагал использование определенных средств воздействия священником. По отношению к коренному населению для миссионера важно было научить его представителей 3–4 молитвам. Для новокрещенных использовались религиозно-нравственные беседы, наставления и школьное обучение. В некоторых отделениях, например, в Мрасском отделении, к концу XIX в. крестить было практически некого, поэтому функции миссионера заключались в укреплении в вере уже крестившихся³⁴⁴. «Старокрещенные» аборигены и православные русские предъявляли к священнику-миссионеру требования как к приходскому священнику, исполнение которых происходило в ущерб миссионерскому делу. Дело в том, что исправление треб и других приходских обязанностей занимало много времени по причине разбросанности поселений, что меняло первоначальные обязанности миссионеров в духовных миссиях.

Изменение состава населения Сибири предопределило выделение из духовенства специальных священников, в чьи функции входила работа с разными категориями жителей поселений. Уже в конце XIX в. начальники миссии ходатайствовали о назначении особых священнослужителей, одни из

---

³⁴³ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1903. № 7. С. 18.

³⁴⁴ Кацюба Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово. 1998. С. 22.

которых выполняли бы приходские обязанности, а другие обладали специальными знаниями и навыками для работы с раскольниками³⁴⁵.

Предпринимаемые действия были направлены на сохранение основных функций миссионеров, состоящих в распространении православия среди коренного населения Сибири и укреплении в вере новокрещенных из аборигенов. Неизменным в начале XX в. осталось ядро идеала миссионера, сформированное во второй половине XIX в., содержащее такие компоненты как терпение, кротость, смирение, готовность на страдание и использование мирных способов при взаимодействии с аборигенами. Миссиям по-прежнему нужны были деятели, полные самоотверженности, особенно в тяжелых природно-климатических условиях³⁴⁶. Посещение больших территорий, на которых были расположены поселения коренного населения Сибири, ложилось на плечи немногочисленных миссионеров и было предметом рефлексии религиозных периодических изданий. Предлагавшиеся на место проповедников представители местного населения, которые, по мнению церковных деятелей, были способны более эффективно выполнять миссионерские функции, также чувствовали переутомление и приобретали тяжелые заболевания³⁴⁷. Например, чуйский миссионер не вынес климата Чуйского плоскогорья и заработал лихорадку тяжелой формы, и потом долго лечился, а сузоповский миссионер несколько раз болел тифом.

В Алтайской духовной миссии, готовившей преемников миссионеров из лиц, закончивших Бийское катихизаторское училище, большое внимание уделялось не количественному, а качественному результату. Именно от того, насколько миссионер был качественно подготовлен к миссионерской деятельности, зависел успех самой миссии. В подготовке воспитанника уделялось внимание как формированию правильного образа жизни, так и

---

³⁴⁵ Отчет от Алтайской духовной миссии за 1879 г. // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1880. № 8. С. 165.

³⁴⁶ Отчет Владивостокского епархиального комитета Православного Миссионерского общества за 1905 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1906. № 10. С. 198.

³⁴⁷ Трудность миссионерского служения на Алтае // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1902. № 7. С. 12.

соблюдению нравственной чистоты³⁴⁸. В многочисленных публикациях официальных изданий РПЦ утверждалось, что похотливость, страсть к вину и курению табака неприемлемы для сохранения нравственной чистоты миссионера, как и праздность, чванство, щегольство и картежная игра. Кроме выше перечисленного, порицалось воровство, грубость, леность и нарушение дисциплины³⁴⁹. Особенно много времени уходило на развитие умственных способностей и ряда навыков: умения импровизировать во внебогослужебных беседах, составлять разного рода отчетность (ведение путевого журнала, например), переводить на алтайский язык назидательные статьи, вести статистику, записывать материалы о жизни, нравах и обычаях местного населения. Для реализации перечисленных умений будущий миссионер должен был обладать наблюдательностью и аккуратностью во всем³⁵⁰. В «Томских епархиальных ведомостях» отмечалось, что предложенные нравственные и умственные способности являлись лишь ориентирами для миссионера, так как «в действительности миссионер никогда не достигнет идеала». Но успеху благоволило уже то, что у деятелей миссии был мысленный образ совершенства и желание достигнуть его³⁵¹.

Миссионеры, происходившие из представителей коренного населения и окончившие духовное учебное заведение, представляли особую гордость для авторов изданий РПЦ. Яркий пример образованного миссионера из аборигенов приводят «Томские епархиальные ведомости». Лука Кумандин, ставший в последующем миссионером, был сыном Якова Кумандина, проработавшего в миссии учителем 30 лет. Лука был стипендиатом комитета Православного миссионерского общества, обучался в духовной семинарии и особо готовился к работе в Алтайской духовной миссии. Для миссии это был

---

³⁴⁸ Макарий, епископ Томский. Советы для миссионеров Алтайской миссии // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1902. № 6. С. 3.

³⁴⁹ Новиков Ив. Томская епархия в 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1903. № 19. С. 40.

³⁵⁰ Макарий, епископ Томский. Советы для миссионеров Алтайской миссии... С. 4.

³⁵¹ Там же. С. 5.

первый пример служения коренного алтайца, закончившего курс среднего духовного учебного заведения³⁵². Он владел русским и алтайским языками, что было особенно необходимо для миссионера, а так же имел способность к переводческой деятельности.

Как свидетельствуют материалы официальной периодической печати РПЦ, желание заменить миссионеров из европейской части России на представителей коренного населения Сибири сформировалось еще в конце XIX в.³⁵³ Одним из первых шагов в этом направлении стала подготовка алтайцев в Казанской семинарии для преподавания в миссионерских школах с целью заменить миссионерское, религиозно-нравственное воспитание на «инородческо-педагогическое». По сути, речь шла о создании школ соответствующих местным потребностям населения и организованных в зависимости от его социокультурных и национально-психологических особенностей.

В последующем необходимо было подготовить из коренного населения миссионеров. Для этого нужно было более серьезное и разностороннее образование и если учителей могли подготовить духовные заведения первого звена (училища), то для миссионеров требовалась иметь более высокое образование (семинарии). Стремление обучить миссионеров из местного населения объяснялось несколькими причинами. К концу XIX в. в обществе наметился упадок религиозного воодушевления. Претендентов, желающих просвещать православным словом коренные народы Сибири, становилось все меньше. Бескорыстное миссионерское служение оборачивалось желанием собственной выгоды, поэтому представлялось, что если кто-то и поедет в Сибирь из Европейской России, то лишь по материальным соображениям, а не по призванию³⁵⁴.

---

³⁵² Отчет Томского Комитета Православного Миссионерского общества за 1900 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1901. № 5. С. 4.

³⁵³ Харлампович К. Н. И. Ильминский... С. 45.

³⁵⁴ Харлампович К. Указ. соч. С. 46.

Изменение приоритетов в службе миссионеров влекло за собой изменение нравственной составляющей идеала священника-миссионера. Миссии требовались люди, не искавшие личных выгод и преимуществ в миссионерской деятельности. Материальную сторону миссионерской службы особенно активно обсуждали «Благовещенские епархиальные ведомости» и «Владивостокские епархиальные ведомости». Так, священники северных территорий Владивостокской епархии не справлялись со своей миссией по причине необразованности и неподготовленности³⁵⁵. Объяснялось это плохой материальной обеспеченностью. При тяжелых жизненных условиях они получали столько же, сколько и сельские священники епархии. Вследствие чего, более образованные и подготовленные миссионеры выбирали доходные места, несмотря на то, что могли обеспечить успех миссии. Для их привлечения предлагались материальные стимулы: увеличение пособия в два раза и сокращение срока службы на половину для более раннего выхода на пенсию. Как столичные, так и сибирские периодические издания РПЦ многократно подчеркивали, что для миссионерского служения была важна искренняя преданность церкви и добросовестное отношение к своим обязанностям, так как с конца XIX в. все чаще встречались миссионеры, которые занимались исключительно своими частными делами, а на должность смотрели как на доходную статью³⁵⁶.

Однако представления о материальной стороне жизни духовенства как далекой от всего земного для самих священников порой выступали только в качестве теории, далекой от реальности. Во «Владивостокских епархиальных ведомостях» священник Е. Шиверский отмечал, что духовенство еще больше, чем представитель любой другой профессии нуждается в хорошем материальном обеспечении³⁵⁷. Стремление

---

³⁵⁵ Разумовский А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.) // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1906. № 1. С. 11.

³⁵⁶ См. например: Отчет Владивостокского епархиального комитета Православного Миссионерского общества за 1907 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. 1908. № 12–13. С. 326.

³⁵⁷ Шиверский Е. К вопросу о материальном положении духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1909. № 5. С. 134.

к жизненным благам является естественной потребностью человека, но духовенство, проповедующее спасение души, не должно было быть заинтересованными в материальной обеспеченности своей профессии. Автор, не соглашаясь с данной точкой зрения, говорит, что каждый человек заслуживает соответствующую оплату за физический или умственный труд, в том числе и духовенство. Е. Шиверский акцентировал внимание на том, что оплата труда священника в 80–100 руб. в месяц предотвратила бы переход священнослужителей из одного места в другое в поисках более материально обеспеченного³⁵⁸. Конструируемый религиозной периодической печатью идеал священника-миссионера сталкивался с противоречащей ему реальностью, что тоже отражалось на ее страницах. Отдельные представители духовенства, применяя к себе признанный идеал, стремились его изменить.

В целом церковная печать начала XX в. предполагала отречение миссионеров от себя, несение «тяжелого креста служению ближнему», служение одинокого в отдаленном, угрюмом, пусть и прекрасном, диком и некультурном крае³⁵⁹. Несмотря на то, что эти слова были отнесены к деятельности Алтайской духовной миссии, они были актуальны для миссионерской деятельности, проводимой на территории всей Сибири.

Для миссионерского служения нужны были люди, способные пожертвовать всем ради одного из величайших дел – «спасения ближних в духе евангельской крестоносной любви»³⁶⁰. Как и во второй половине XIX в., в начале XX столетия официальная периодика информировала своих читателей о таких людях. С точки зрения авторов православных периодических изданий, о чистоте помыслов и рвении в миссионерской деятельности говорило желание помочь своей пастве. Чукотский миссионер

---

³⁵⁸ Шиверский Е. К вопросу о материальном положении духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1909. № 6–7. С. 195.

³⁵⁹ Открытие нового стана миссии и приглашение сотрудника // Томские епархиальные ведомости. Миссионерская отд. 1902. № 7. С. 15.

³⁶⁰ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1903. № 9. С. 6.

иеромонах Нестор, получив назначение быть миссионером по «воле Божьей», переживал тяжелое душевное состояние за местное население³⁶¹. По причине наводнения, были уничтожены съестные припасы и население было обречено на голод. Нестор, болея душой за свою паству и желая хоть как-то помочь, обратился к архиепископу Евсевию с просьбой о разрешении сбора денег в церквях Владивостокской епархии. Не ограничиваясь просьбой к Евсевию, он обратился и к преосвященному Андрею Мамадышскому и Иоанну Кронштадскому. Преосвященный Андрей, будучи духовным отцом и учителем Нестора, напечатал в различных газетах призыв о помощи, на которой отозвались многие люди. Как писал сам миссионер, «смотря на голодающих, он переживал тяжелое чувство и упреки совести, потому что не мог утолить голод этих людей»³⁶². Именно такое сопереживание местному населению зарождало любовь аборигенов к миссионеру. Поддержка, полученная от неравнодушных на призыв о помощи, напечатанный в периодической печати, давала ему энергию и силы в «далекой холодной темнице камчатской, среди диких инородцев-язычников»³⁶³. Записки миссионера Нестора имели особую ценность и были позже изданы отдельным изданием.

Среди необходимых умений и навыков «Владивостокскими епархиальными ведомостями» называлось владение священником-миссионером языком местного населения³⁶⁴. Важность правильной, понятной речи по-прежнему признавалась и другими церковными изданиями, например, «Томскими епархиальными ведомостями». Миссионеры должны были владеть не только языком местного населения, но и искусством устной речи³⁶⁵. Более того, проповедник православного слова в своей речи должен был использовать оживляющую ее импровизацию. Миссионеру нужно было

---

³⁶¹ Записки Камчатского миссионера иеромонаха Нестора. Казань, 1909. С. 3.

³⁶² Нестор. Из Камчатки // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. 1909. № 5. С. 153.

³⁶³ Записки Камчатского миссионера... С. 12.

³⁶⁴ Разумовский А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903 гг.) // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1906. № 1. С. 10.

³⁶⁵ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1903. № 12. С. 4.

уметь произнести речь не по тетрадке или книжке, а свободно, увлекая своих слушателей, заставляя их переживать произнесенное.

Особенно важным авторам церковной периодики представлялось стремление к самообразованию. Как писал на страницах «Томских епархиальных ведомостей» И. Новиков в 1903 г., самообразованию препятствовало как отсутствие книг, в том числе пригодных для повышения уровня образования, так и малочисленность духовных периодических изданий, которые более всего содействовали самообразованию духовенства и успеху пастырской деятельности³⁶⁶. Священник мог покупать только необходимую для него книгу за свои средства и мог ждать ее несколько месяцев, что отбивало желание к чтению.

«Томскими епархиальными ведомостями» отмечалась необходимость умения миссионеров успешно взаимодействовать со своими сотрудниками. Успех миссионерской деятельности зависел от взаимоотношений между членами миссии. Так, поводом к возникновению недоброжелательности могли быть упущения по службе со стороны низших членов причта, недоразумения из-за раздела доходов и старшинства между священниками³⁶⁷. Священнослужители могли относиться к своему младшему сотоварищу не с братской любовью, а по-начальнически, заставляли выполнять вместо себя свои обязанности. Происходили ситуации и обратные, когда младшие сотрудники не признавали старшинство священника и действовали самостоятельно.

Итак, эволюция идеала священника-миссионера была связана с процессами, происходившими в обществе. Г. И. Шавельский считал, что упадок авторитета церкви произошел по нескольким причинам. Церковь имела, по его мнению, два недостатка. Первый заключался в оторванности церкви от всего земного. Вдвойне эта установка церкви звучала лицемерно, поскольку материальными благами пользовались даже самые отрешившиеся от

---

³⁶⁶ Новиков Ив. Томская епархия в 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1903. № 15. С. 29.

³⁶⁷ Там же. С. 28.

мира сего. Вследствие этого церковь еще больше отрывалась от общества и протекавших в нем процессов и не отвечала потребностям прихожан. Вторым недостатком относится к характеру церковной деятельности, проводимой по шаблону без постоянного усовершенствования³⁶⁸. Для священника недостаточно было уметь произносить красноречивые проповеди и беседы. Для сближения духовенства с народом необходимо было образовать единую семью с прихожанами, что подразумевало знание всех жизненных радостей и горестей своей паствы³⁶⁹.

Изменение духовного состояния общества повлекло эволюцию отношения к духовенству и к миссионерам, в частности. В религиозных изданиях участилась критика поведения, внешнего вида миссионеров и способов взаимодействия со своей паствой.

Их представляли как словесных полемистов, а порой и юридических притеснителей коренного населения. Предлагалось даже на эту роль выдвинуть образованную женщину, способную «организовать борьбу с возрождающимся язычеством»³⁷⁰.

Ряд составляющих идеала священника-миссионера оставался неизменным. В целом, миссионер по-прежнему должен был обладать терпением, кротостью, смирением, готовым принять страдание ради тех, кому он проповедовал, использовать ненасильственные способы в своей деятельности, быть физически крепким и выносливым, способным работать в тяжелых природно-климатических условиях и уметь обращаться с лошадьми, оленями, собаками, лыжами и другими средствами передвижения.

В начале XX в. с идеалом священника-миссионера религиозными периодическими изданиями соотносились представители коренного населения. С одной стороны, аборигены представлялись более выносливыми

---

³⁶⁸ Шавельский Г. И. Русская церковь пред революцией. М., 2005. С. 504.

³⁶⁹ Тихомиров К. Пастырь, как постоянный учитель и руководитель своих прихожан // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1910. № 10–11. С. 130.

³⁷⁰ Тихомиров К. Женщина в деле миссии // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. 1914. № 5. С. 284.

и подготовленными к природным условиям Сибири. С другой – их деятельность могла быть успешнее в силу знания нравов и обычаев коренного населения. К этому времени складываются династии священников из аборигенов, например, Чевалковы, Штыгашевы и др.

Изменения происходили также в нравственной составляющей священника-миссионера. Одной из проблем миссионерства, по замечанию «Владивостокских епархиальных ведомостей», было предпочтение духовными лицами более доходных мест службы. Особенно это касалось наиболее талантливых и образованных священников. Вследствие этого миссиям были необходимы бескорыстные люди, не стремящиеся к личной выгоде.

Увеличились требования к уровню образования и владению ораторским мастерством. Формируемый религиозной периодической печатью идеал миссионера в период социальной нестабильности предоставлял ориентиры и нравственные ценности для профессионального сообщества духовенства.

2.4. Реакция общества на идеал священника-миссионера во второй половине XIX – начале XX в.

Как известно, во второй половине XIX – начале XX в. одним из основных институтов формирования общественного мнения выступала периодическая печать. Появление в периодике публикаций о миссионерской деятельности было связано с увеличением интереса общества к отдаленным окраинам страны, с актуализацией «инородческого вопроса» в общественном мнении, с обсуждением статуса РПЦ в связи с растущей секуляризацией сознания населения Российской империи под влиянием модернизации. С возникновением духовных миссий, целенаправленно осваивающих пространство Сибири, общественность с вниманием наблюдала за ходом

и результатами деятельности РПЦ. Рефлексии подвергались не только характер деятельности, методы работы с аборигенами, но идеал священника-миссионера и его воплощение на практике. Формируемое при этом мнение, воспринималось как влиятельное для читательской аудитории периодической печати.

Как свидетельствует предпринятый нами содержательный анализ публикаций о сибирских миссионерах, выявленных в ходе составления аннотированного библиографического указателя «Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.», интерес к теме проявляли главным образом отраслевые журналы по истории, педагогике, этнографии и географии³⁷¹. Фактическое игнорирование идейно-политическими ежемесячными журналами вопроса о деятельности духовных миссий в Сибири на фоне общего интереса к «инородческому вопросу» объясняется на наш взгляд, убежденностью либеральных и народнических изданий в необходимости свободного выбора вероисповедания коренными народами региона и повышенным вниманием к их традиционным религиям. Согласно позиции идейно-политических журналов, государственная политика угрожала утратой культуры народов Сибири, для сохранения которой требовалось признать особый статус региона и содействовать его социальному, культурному и экономическому развитию³⁷².

В исторических и педагогических журналах, среди которых назовем «Древнюю и новую Россию», «Русский архив», «Исторический вестник», «Русская старина», «Народное образование» и «Журнал Министерства народного просвещения», основными сюжетами выступали вопросы образования аборигенов, взаимодействия местного населения и миссионеров, освещение методов и результатов деятельности духовных миссий, миссионерских съездов и биографии отдельных персоналий православных

---

³⁷¹ Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель: в 2 т. Новосибирск, 2014.

³⁷² Ледовских А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. С. 20.

миссий. В процессе фронтального просмотра годовых комплектов исторических журналов было выявлено 20 статей. Публикация статей по истории миссионерства в Сибири в исторических журналах позволяла включить Сибирь в общероссийский исторический контекст, сформировать чувство общности «исторических корней» у населения европейской и азиатской частей империи.

Перед педагогическим сообществом, осознающим особый статус региона в образовательном пространстве империи, стояла другая сложная задача. Просвещение сибирских аборигенов требовало выработки специальных форм и методов обучения и предопределило внимание педагогических журналов к образу миссионера и его деятельности. В результате анализа публикаций педагогических журналов «Народное образование», «Журнал Министерства народного просвещения» второй половины XIX – начала XX вв., нами было выявлено 6 статей, в основном посвященных проблемам просвещения коренного населения региона и участию сибирских миссионеров в этом процессе.

Среди авторов статей о миссионерстве, опубликованных в исторических и педагогических журналах, преобладали священники, чиновники, представители педагогического сообщества: Ф. М. Августинович (врач), Д. Гагарин (священник), М. Грулев (генерал-лейтенант), А. В. Кирилов (ученый, этнограф), Л. Ф. Львов (чиновник), Г. Н. Потанин (географ, этнограф, публицист), П. Ровинский (этнограф), П. Шестаков (педагог).

Воплощением идеала миссионера чаще всего признавался архимандрит Макарий (Глухарев). И исторические, и педагогические журналы признавали, что Макарий смог добиться значительных результатов в миссионерской деятельности, обладая высоким уровнем богословского образования, нравственности и чистоты стремлений. Он заботился не о количестве крещеных, а о качестве усвоения коренным населением основ православной веры и оседлого образа жизни. Наличие у архимандрита необходимых для

духовного лица качеств, умений и способностей делало его недостижимым идеалом для миссионеров. В историческом журнале «Русский архив» в качестве воплощения идеала миссионера называлась личность митрополита Иннокентия (Вениаминова), а его деятельность по обращению язычников в православие вызывала восхищенное изумление³⁷³. Личные качества, способы взаимодействия с коренным населением и подход Иннокентия к миссионерской деятельности обеспечили высокие результаты. Изучение языка местного населения, его обычаев, традиций, быта, понимание нужд аборигенов и оказание им всевозможной помощи составляли основу миссионерской деятельности Иннокентия. Идеал миссионера, воплощением которого был митрополит, по мнению автора статьи М. Толстого, обеспечивал миролюбивые отношения с аборигенами, расширял этнографические данные и укреплял позиции православной веры в Сибири. Особо ценной представлялась уважительная позиция митрополита по отношению к культуре, обычаям и вере аборигенов. Попутно заметим, что миссии, действующие наперекор постулатам митрополита Иннокентия, вообще критически оценивались в светской периодической печати.

Наиболее соответствующими идеалу священнослужителя в Сибири в исторической и педагогической журнальной периодике признавались миссионеры Алтайской духовной миссии. В «Журнале Министерства народного просвещения» одним из важных условий работы среди коренного населения считалась проповедь на языке тех, кому преподносили основы православной веры³⁷⁴. Следуя примеру апостолов и основателя миссии архимандрита Макария, алтайские миссионеры, по оценке журнала, тщательно готовили аборигенов к крещению. Для разрешения проблемы языкового барьера предлагалось готовить миссионеров из коренного населения. П. Шестаков – автор статьи, опубликованной в «Журнале

---

³⁷³ Толстой М. Миссионерская деятельность покойного митрополита Иннокентия // Русский архив. 1879. Вып. 7. С. 273.

³⁷⁴ Шестаков П. Еще несколько слов об образовании инородцев // Журнал Министерства народного просвещения 1867. Т. 135. С. 259.

Министерства народного просвещения», понимал, что такие священнослужители не смогли бы быть учеными богословами, но в то же время признавал, что если это были люди с добрым сердцем, полной любви к Богу и своим соплеменникам, их деятельность приносила результаты.

В материалах исторической и педагогической журнальной прессы акцент делался на несоответствии идеала и его реального воплощения. Высказывалось мнение, что миссионерская деятельность зависела во многом от качеств и образа жизни самих миссионеров. Духовное лицо, как представитель православной церкви, имеющей приоритетное положение в Российском государстве, было под пристальным вниманием всех членов общества. Тиражирование в периодической печати статей о неблагоприятных поступках и девиантном поведении священнослужителей накладывало отпечаток на репутацию всего духовенства, даже если отклонение от идеала в его среде было не всеобъемлющим. Общественность огорчала «погоня за рублем», пьянство, чтение священнослужителями порнографической литературы. «Если они не позволяли себе даром работать и безвозмездно крестить, то в других областях разрешали себе излишества», – читаем в статье П. Шестакова в «Журнале Министерства народного просвещения»³⁷⁵.

В опубликованных на страницах «Русского архива» воспоминаниях Л. Ф. Львова, посетившего Баргузинский край, отмечалось, что священник приезжал только раз в год для трехрублевого сбора за исполнение духовных треб³⁷⁶. В статье «Живой старины» деятельность сибирских миссионеров также оценивалась критически. Священнослужители, по замечанию П. Островских, не знали языка, сообщали неверные сведения о результатах своей деятельности и неуважительно относились к местному населению³⁷⁷.

Освещение деятельности миссионеров происходило и на страницах географических и этнографических журналов. «Записки СОИРГО», «Вокруг

---

³⁷⁵ Шестаков П. Еще несколько слов об образовании инородцев // Журнал Министерства народного просвещения 1867. Т. 135. С. 49.

³⁷⁶ Из воспоминаний Л. Ф. Львова // Русский архив. 1885. Вып. 4. С. 552.

³⁷⁷ Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Т. 3–4. С. 347.

света», «Живая старина», описывая природно-климатические, ландшафтные, этнографические особенности Сибирского региона, затрагивали вопросы преодоления миссионерами трудностей пути, участие священнослужителей в освоении новых территорий, изучении языковых практик аборигенов. Нами были выявлено 6 статей в названных изданиях, представленных путевыми записками и этнографическими заметками. Изучением участия аборигенов в культурном освоении Сибирского региона занимались офицеры, чиновники, священники: А. И. Аргентов (священник-миссионер), Н. П. Григоровский (миссионер), В. Котвич (востоковед), П. Е. Островских (чиновник, этнограф), Черногубов (полковник). Такой состав авторского корпуса объяснялся отсутствием исследовательских центров в Сибири, общим интересом читающей публики к жизни зауральских губерний и их населения.

Сибирские священнослужители в статьях названных авторов представлены в образе смелых «первопроходцев», которые внесли положительный вклад в освоение региона и изучение сибирских народов.

Тема миссионерства затрагивалась и на страницах иллюстрированных изданий – «Всемирная иллюстрация» (1869–1898) и «Нива» (1869–1893). Миссионерский дискурс иллюстрированных журналов был представлен сведениями и отчетами о деятельности священнослужителей в отдаленном регионе страны³⁷⁸. Отбор материалов соответствовал запросам читателей иллюстрированных журналов, желающих узнать подробности из жизни сурового края, истории об его исследователях и «колонизаторах»³⁷⁹.

В сибирской журнальной прессе, представленной «Сибирскими вопросами», наиболее подробно представлена деятельность духовных миссий. Сибирский журнал позволил выявить транслируемое сибиряками представление о регионе и его жителях «изнутри». В 12 статьях по

---

³⁷⁸ Сибирские виды, сцены и типы. На р. Ингоде между Читой и Сретенском. Мангуны. Посещение миссионером становища бурят в Восточной Сибири // *Всемирная иллюстрация*. 1881. № 669. С. 358–359, 362; [Невельский А. Н.] А. Н. Город Обдорск и его область // *Нива*. 1878. № 18. С. 316–318.

³⁷⁹ Родигина Н. Н., Кузнецова Т. А. От составителей // *Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель: в 2 т.* Новосибирск, 2014. Т.2. С. 11.

интересующей нас теме, опубликованной на страницах областного журнала, обсуждались методы и результаты работы миссионеров среди аборигенного населения. Авторы критически относились к деятельности миссионеров, отмечая эксплуататорское отношение священнослужителей к коренному населению Сибири. В статье, помещенной в одном из номеров «Сибирских вопросов» за 1912 г., миссионеры характеризовались как паразиты, использующие в своих интересах аборигенов. Проводимая ими деятельность, по мнению автора, приводила к экономическому истощению коренных народов, «отданных на растерзание алчным хищникам»³⁸⁰.

Главная причина неэффективности деятельности миссионеров, по замечанию «Сибирских вопросов», заключалась в незнании «инородческих» языков. Основываясь на публикации «Православного Благовестника», неизвестный нам автор статьи привел данные Алтайской, Чукотской, Якутской и Благовещенской миссий за 1906 г., где указывалось на множество «отпавших» от веры. Более того, миссии в этом году не смогли присоединить ни одного коренного жителя к православному вероисповеданию. Отсутствие видимых результатов деятельности миссионеров автор объяснял не только языковым барьером и использованием при взаимодействии с аборигенами переводчиков, но и мнимым стремлением священнослужителей к просвещению туземцев и заботой только о своем благополучии³⁸¹.

Другой автор «Сибирских вопросов» утверждал: «Миссионерская работа могла быть только тогда успешной, когда, помимо проповедей и вкусных обедов, священнослужители предлагали аборигенам образцы высокой, истинно-христианской жизни и морали, которой у некоторых из них заметно не хватало»³⁸². В этой же статье отмечалось отсутствие в печати положительных оценок в освещении «пастырского вопроса» в Сибири.

Наряду с отрицательными оценками деятельности миссионеров, в статьях анализируемого издания «бросалось несколько лучей света в

---

³⁸⁰ Благодетели Туруханского края // Сибирские вопросы. 1912. № 24. С. 37.

³⁸¹ Л. К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1910. № 30. С. 46.

³⁸² Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1912. № 3–4. С. 44.

царство черных теней»³⁸³. Отмечалась положительная роль священнослужителей, заключающаяся в содействии аборигенам при переходе из кочевого к оседлому образу жизни. Кроме того, подчеркивалось, что миссионерские церкви и школы служили центрами врачебной и юридической помощи, распространения грамотности. В заключение отмечалось, что миссионеры, являясь практически единственной интеллигенцией в Сибири, выступали в качестве движущей силы просвещения коренного населения региона.

Идеалом миссионера признавался архимандрит Макарий (Глухарев). Более того, он назывался недостижимым для других священнослужителей. Например, в «Сибирских вопросах» миссионер Макарий Невский, будущий митрополит Московский, признавался слабой копией основателя Алтайской духовной миссии³⁸⁴. Несмотря на то, что он брал пример с архимандрита Макария и обладал усердием, бескорыстием, и аскетичностью, Невский не мог достигнуть идеала из-за недостатка образования и фанатичности при исполнении своих миссионерских обязанностей.

В целом, в названном издании превалировал негативный образ сибирского священника-миссионера. Согласно «Сибирским вопросам», миссионер – это человек случайный, необразованный, не подготовленный для работы, не знающий местных языков, быта, обычаев коренного населения и пренебрегающий своими обязанностями³⁸⁵. Низкая результативность духовных миссий, особенно уход из православия после законов 1905 г., объяснялась не только неподготовленностью миссионеров, но и условиями, в которых находились священнослужители долгое время. Запрещение инакомыслия, использование административных и полицейских мер в отношении уклоняющихся от принятия православия, по замечанию «Сибирских вопросов», наделили духовенство только функцией надзора. В меняющихся условиях, нивелирующих эту функцию, священнослужителям

³⁸³ Алтайская миссия в 1907 г. // Сибирские вопросы. 1908. № 29–30. С. 86.

³⁸⁴ Макарий архиепископ Томский – митрополит Московский // Сибирские вопросы. 1912. № 29. С. 73.

³⁸⁵ Коптев А. Миссионерская деятельность в Сибири // Сибирские вопросы. 1912. № 7–8. С. 59.

приходилось реорганизовывать миссионерское дело, но как отмечено в статье А. Коптева, дальше принятия решений об обновлении штата и увеличении ассигнований дело не пошло.

Подводя итог, можно отметить, что формируемый представителями РПЦ идеал миссионера состоял из нескольких компонентов, касающихся как личностных, так и профессиональных качеств священнослужителей. Авторы православной периодики сходились во мнении, что миссионер должен обладать кротостью, смирением, терпением, самоотверженностью, готовностью пострадать ради других и основываться в своей деятельности только на мирном, ненасильственном взаимодействии с местным населением. Отдельными духовными лицами, особенно теми, кто в своей профессиональной деятельности взаимодействовал с сибирскими аборигенами, предлагались дополнительные составляющие идеала. Например, митрополит Иннокентий настаивал на необходимости знания миссионерами языка, культуры, нравов и обычаев коренного населения. При конструировании идеала авторы опирались на такие источники как послания к апостолам и труды духовных лиц XVIII в. Источником идеала выступали и биографии наиболее выдающихся миссионеров, чьи достижения и результаты обуславливались их личными и профессиональными качествами. Общепринятым воплощением идеала миссионера, как центральной, так и местной официальной периодикой РПЦ, признавались архимандрит Макарий (Глухарев), митрополит Иннокентий (Вениаминов) и епископ Дионисий (Хитров).

Проследить воплощение идеала на практике и его трансформации при участии самих миссионеров позволили записки сибирских проповедников, публикуемые на страницах периодики РПЦ. В представленных текстах миссионеры подробно описывали все невзгоды и трудности, тем самым подчеркивая, что деятельность в отдаленных районах страны подразумевала страдание ради тех, кому проповедовали православие, что соответствовало формируемому официальной печатью идеалу. При описании пути

следования миссионеры акцентировали внимание не столько на готовности преодолевать большие расстояния, что отмечалось в качестве составляющей идеала архиепископом Арсением, сколько на тех качествах и умениях, которые способствовали совершить этот путь благополучно. Таким образом, священнослужитель должен был, по их мнению, быть не просто «страннолюбив», но и обладать крепким здоровьем, физической силой и уметь обращаться с различными транспортными средствами передвижения.

Согласно запискам, публиковавшимся в официальных периодических изданиях, миссионеры стремились проявлять терпение, любовь и уважение к аборигенам и использовать только мирные способы взаимодействия с ними. Но не всем проповедникам удавалось воплотить этот компонент идеала. Уверенность в превосходстве православной веры над вероисповеданиями коренного населения, а также стремление быстро осуществить русификацию аборигенов приводили к обратным тенденциям – критике образа жизни и традиций, уничтожению элементов местной культуры, настойчивому призыву к смене веры на православие. Неоднозначным было отношение миссионеров к использованию языка местных жителей для знакомства и обучения основам православной веры. Ряд священнослужителей признавал, что использование языка аборигенов будет способствовать более глубокому пониманию ими православия, другие проповедники настаивали на использовании только русского языка, преследуя цель обрусения населения.

К началу XX в. произошла постепенная коррекция идеала священника-миссионера, которая была ответом на возникающие потребности миссионерских институтов. Ядро идеала оставалось неизменным, в начале XX в. миссионерам рекомендовались те же инструкции, что и во второй половине XIX в. Эволюция идеала произошла, в том числе, из-за невозможности миссионеров воплотить его на практике. Неготовность священнослужителей к трудным природно-климатическим условиям и ландшафтным особенностям Сибири привела к пониманию, что более эффективно было готовить миссионеров из аборигенов. Обращение

к представителю местного населения как к воплощению идеала миссионера было связано, в том числе с трудностями, возникающими при освоении языка аборигенов духовными лицами из Европейской части страны.

Конструируемый официальной периодикой идеал в целом одобрялся обществом, о чем свидетельствуют статьи, помещенные в «Журнале Министерства народного просвещения», «Русском архиве», «Живая старина» и др. Воплощением идеала миссионера на их страницах, как и в религиозной печати, признавался архимандрит Макарий (Глухарев). В сибирских периодических изданиях деятельность священнослужителей в Сибири подвергалась критике. В тоже время все привлеченные нами периодические издания отмечали большой вклад миссионеров в развитие отдаленного региона Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменения в положении духовенства, произошедшие в пореформенное время, способствовали постепенному превращению сословия духовенства в профессиональное сообщество. Одним из элементов, позволяющим духовенству идентифицировать себя со своей профессиональной группой, выступал идеал священника. Конструируемый официальной религиозной периодической печатью идеал предоставлял готовый образец, на который ориентировались священнослужители в своей деятельности.

Содержание идеала священника-миссионера второй половины XIX – начала XX в. зависело от нормативно-правовых, природно-климатических, материально-бытовых и социокультурных факторов. Государство, стремясь инкорпорировать аборигенное население Сибири в единое пространство Российской империи, законодательно регулировало миссионерскую деятельность РПЦ в отдаленном регионе. Способы и методы распространения православия среди коренных народов регламентировались Полным собранием законов Российской империи, Уставом духовных дел для иностранных исповеданий, Уголовным уложением, Уставом о наказаниях и другими документами, согласно которым в основе миссионерства лежали веротерпимость и ненасильственность.

На содержание идеала священника-миссионера оказывали влияние и природно-климатические условия Сибири. Обширность территорий, суровый климат, сложный рельеф местности предопределяли наличие таких составляющих идеала как здоровье, физическая сила, ловкость, стойкость, терпение. Миссионер должен был уметь обращаться с лошадьми, собаками, оленями, а также с санями, нартами и другими транспортными средствами. Отсутствие данных качеств и умений приводило к отказу от миссионерской деятельности, болезням и даже смерти.

На идеал священника-миссионера также влияли социальный статус и материально-бытовые условия деятельности миссионеров. Получение воспитания в семье священнослужителей, обучение в духовных учебных

заведениях, способствовали формированию особого менталитета и готовности посвятить свою жизнь служению церкви. Низкий доход, сложные бытовые условия жизни требовали от миссионера наличия смирения, терпения и самоотверженности. Кроме перечисленных характеристик, желательными навыками были умение вести документацию, владение языками местного населения и наличие ораторских способностей.

Идеал сибирского священника-миссионера конструировался духовными миссиями, Православным миссионерским обществом, его комитетами, миссионерскими съездами и религиозными периодическими изданиями. Православные миссии, функционировавшие на территории Сибири во второй половине XIX в., наряду с существующими инструкциями Св. Синода, вырабатывали свои правила и методы работы, которыми руководствовались в своей деятельности миссионеры. Предоставляемые членам миссии рекомендации влияли, во-первых, на успешность, результативность деятельности миссий, во-вторых, на профессиональный уровень проповедников и их моральный облик, в-третьих, на отношение коренного населения к миссионерам.

Одной из самых успешных и показательных духовных православных миссий была Алтайская. Достигнутый результат, по замечанию исследователей, объясняется формированием основ «нового миссионерства», включающего изучение местных языков, мировоззрения, образа жизни и опеку новокрещенных в освоении православной культуры. В целом, для алтайских миссионеров сущность эффективности миссии состояла не в количестве принявших православие, а в качестве крещения. Как отмечал о. Владимир, начальник Алтайской миссии, главная задача миссионера в деле крещения «иностранцев» была не в том, чтобы приобрести как можно больше последователей православной веры, а в том, чтобы обращаемые сделались действительными христианами, а не назывались этим именем номинально.

Приобщение коренного населения Сибири к православной культуре предполагало не только усвоение христианского учения или ее обрядовой

стороны. Во-первых, этот многоаспектный процесс включал в себя знакомство с основами христианства через проповеди миссионеров и зарождение критического отношения «инородцев» к своим верованиям. Во-вторых, миссионерская деятельность способствовала приобщению сибирских автохтонов к русским способам ведения хозяйства, быту и образу жизни. В-третьих, благодаря распространению грамотности среди коренного населения зародилась местная интеллигенция – священники, диаконы, учителя и толмачи. Реализовывая поставленные задачи, миссионеры стремились сделать Алтай православным, а через это – русским.

Руководства в деятельности Иркутской и Забайкальской миссий были отличными от принципов работы Алтайской духовной миссии. Начальник Забайкальской миссии Вениамин (Благодоров) считал, что было необходимо как можно скорее крестить бурят, не уделяя времени их образованию. Просвещение коренного населения, отмечал он, менее всего ведет к христианству, вместо этого крещению должна сопутствовать русификация «инородцев». Христианизация на практике порой оборачивалась политикой обрусения.

Деятельность Иркутской и Забайкальской миссии часто подвергалась критике, в том числе, со стороны миссионеров, обсуждавших между собой многие вопросы, в частности, принципы, по которым осуществлялась деятельность миссий. Предлагаемые Иркутской и Забайкальской миссиями установки противоречили идеалу миссионера, формируемому религиозной православной печатью. Несмотря на то, что идеалом православного миссионера для этих миссий признавался митрополит Иннокентий, бывший епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, который, прежде всего, изучал условия «инородческого» быта, учился говорить на местных языках, познавал основы мировоззрения «инородцев» и только после этого обращался с проповедью к коренному населению, миссионеры часто не стремились к его достижению.

В начале XX в. влияние на идеал священника-миссионера, наряду с миссиями, комитетами Православного миссионерского общества, стали оказывать православные братства и миссионерские съезды, деятельность которых также находила свое широкое освещение в официальных периодических изданиях РПЦ.

Важным институтом конструирования и трансляции идеала сибирского миссионера выступала официальная периодическая печать РПЦ, включающая в себя столичные и епархиальные издания. Регулярно освещая деятельность сибирских миссий, религиозная периодическая печать информировала общественное мнение о проблемах и достижениях миссионерского дела в сибирских губерниях и областях. Публикуя ежегодные отчеты о деятельности духовных миссий и священников, их путевые заметки, периодические издания РПЦ сообщали о тяжелых условиях службы в Сибири, о тех качествах, которыми должен был обладать священник-миссионер, формируя представление об идеале священника, несущего христианскую религию населению имперских окраин.

В начале XX в. на страницах религиозной периодики стали еще более активно обсуждаться проблемы, возникающие перед духовенством. Секуляризация сознания населения, частичная утрата РПЦ государственной поддержки, авторитета в обществе и усиление критики в адрес духовенства требовали кардинальных мер. Процесс профессионализации духовенства, начавшийся в конце XIX в., ставил вопрос о качествах, умениях и навыках, которыми должны обладать священнослужители как представители профессиональной группы. Религиозная периодическая печать, выступая дискуссионной площадкой для духовенства, формировала не только представление об идеале священника, но и способствовала консолидации профессионального сообщества духовенства. Идеал священника-миссионера, являясь воображаемым конструктом, предоставлял ориентиры для профессионального сообщества, с которыми стремилось идентифицировать себя духовенство.

Корпус авторов, конструировавших идеал священника-миссионера в церковной печати, состоял как из представителей высшего духовенства, так из простых священнослужителей, которые стали наиболее активно сотрудничать с изданиями в начале XX в. В первом случае материалы епископов Вениамина, Дионисия, Мартиниана, митрополита Иннокентия и многих других, содержали отчеты по миссиям, составление которых являлось их обязанностью. Публикации священников, например, В. Вербицкого, Ф. Синьковского, И. Сотникова и др., помещенные в периодике, были представлены путевыми записками, дневниками, этнографическими заметками и другими материалами.

Частные духовные издания, в отличие от официальных, помещали на своих страницах наиболее интересные для читательской аудитории записки миссионеров. Они отражали специфические условия работы священнослужителей на территории Сибири и знакомили жителей Европейской России с работой миссионеров.

Опубликованные в официальных периодических изданиях инструкции и записки миссионеров позволили выявить общепринятые компоненты идеала священника. Проповедник должен был обладать терпением, кротостью, смирением, быть готовым к страданию, использовать в своей деятельности только мирные способы взаимодействия с аборигенами.

Сформированное ядро идеала осталось актуальным и в начале XX в., но как наглядно свидетельствуют материалы религиозной периодики, идеал миссионера подвергся изменениям в процессе развития миссионерского дела РПЦ в Сибири. Миссионеры, приезжающие из Европейской России, сталкивались с незнанием языка, быта, нравов коренного населения, тяжелыми природными климатическими условиями, неустроенностью быта, что препятствовало успешной деятельности. Для преодоления трудностей миссионерам приходилось тратить много времени. Одним из препятствий выступало отсутствие образовательных учреждений, где миссионеры могли выучить язык и получить необходимые знания, умения и навыки. В

религиозных изданиях в качестве решения предлагалось готовить миссионеров из коренного населения, большим преимуществом которого было знание языка, нравов и обычаев, а так же физическая приспособленность к природно-климатическим условиям. Усилия по привлечению к работе миссионеров из коренного населения Сибири в начале XX в. привели к образованию династий миссионеров, происходивших из аборигенов. Большой гордостью было повышение уровня образования таких миссионеров – они заканчивали не только низшее духовное учебное заведение, но и среднее (семинарию).

Предпринятые попытки оживления миссионерской деятельности не решали всех проблем. В отчетах духовных миссий, комитетов от Православного миссионерского общества, помещенных в религиозной периодической печати, по-прежнему одной из главных проблем выступала нехватка квалифицированных кадров. В «Томских епархиальных ведомостях» в качестве решения выдвигалась идея привлечения к миссионерству женщин. В целом предлагалось отойти от замкнутости духовенства и предложить всем представителям общества участвовать в миссионерской деятельности.

Предпринятый нами количественный анализ годовых комплектов официальных и частных религиозных периодических изданий дает основания утверждать, что в начале XX в. изменились требования к работе миссионеров. Ослабление авторитета церкви в обществе и сокращение государственной поддержки способствовали поиску новых методов деятельности священнослужителей и развитию необходимых качеств и умений. Если во второй половине XIX в. одним из ключевых навыков для миссионера была хорошо развитая речь, то в начале XX в. ее роль стала определяющей в деле распространения православия. Миссионер должен был быть высокообразованным (для чего предполагалось создать высшую духовную миссионерскую академию), умеющим не просто говорить, а искусно импровизировать, увлекая своей речью слушателей. Расширились

требования и к внутренним качествам миссионера. На страницах официальных изданий РПЦ широко обсуждали необходимость поощрения аскетизма духовенства. Миссионеры стали покидать свои рабочие места в поисках лучшего материального обеспечения. Одни миссионеры, образованные и имеющие необходимые навыки для проповедничества, прекращали миссионерскую деятельность, другие священнослужители в своей работе стали больше заботиться о материальном благополучии в ущерб своим обязанностям. В печати этот вопрос получил широкое обсуждение. Священники на страницах религиозной периодики оправдывали такое положение вещей, считая, что они, являясь людьми, имели право обеспечить себя и свою семью, а как представители профессионального сообщества получить вознаграждение за свой труд. Несмотря на то, что идеал священника-миссионера предполагал отречение от себя, отказ от корысти и заинтересованности в материальном вознаграждении за свой труд, духовенство стремилось отстаивать свои жизненные интересы и влиять на конструирование идеала священнослужителя.

Вопросы распространения православной веры на территории Сибири обсуждались и на страницах светской периодической печати. Основными темами публикаций о миссионерстве были: образование аборигенов, взаимодействие местного населения и миссионеров, освещение методов и содержания деятельности духовных миссий, миссионерских съездов и биографии отдельных представителей православных миссий. Тема миссионерства освещалась на страницах исторических, педагогических, географических, этнографических и иллюстрированных журналов. Публикуя статьи, посвященные деятельности духовных миссий в отдаленном регионе Российской империи, исторические журналы способствовали формированию представлений об общности исторического развития Европейской России и Сибири. Так, в изданиях «Русский архив», «Исторический вестник», «Древняя и новая Россия» миссионер выступал в качестве участника процесса освоения новых территорий. Педагогические издания, осознавая

особенность статуса Сибири в образовательном пространстве Сибири, на своих страницах обсуждали способы обучения коренного населения. В них признавалось важная роль священнослужителя в деле просвещения, а также анализировалась педагогическая практика миссионеров. В географических и этнографических изданиях миссионеры изображались смелыми, самоотверженными первопроходцами и собирателями этнографических данных. Несмотря на присутствие негативных оценок деятельности миссионеров, на страницах светских журналов признавалась важная роль сибирских священнослужителей в изучении региона и просвещении местного населения.

В сибирской печати, представленной «Сибирскими вопросами», преобладала негативная оценка миссионерской деятельности. Авторы публикаций отмечали чрезмерную материальную заинтересованность священнослужителей в своей деятельности, приверженность к пьянству и другим порокам. Критиковалась и сама деятельность миссионеров: незнание языка аборигенов и проявление неуважения к местному населению. Несмотря на критические заметки о сибирском миссионерстве, авторы отмечали положительное влияние просветительской, медицинской и сельскохозяйственной деятельности духовенства на коренное население Сибири. Священнослужители, являясь представителями немногочисленной интеллигенции, способствовали развитию отдаленного региона Российской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Опубликованные источники

Материалы периодической печати

Абрамов, Н. А. О введении христианства у березовских остяков / Н. А. Абрамов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1851. – № 12. – Отд. 5. – С. 1–22.

Акакий. Записки миссионера Черноануйского отделения Алтайской духовной миссии иеромонаха Акакия, за четыре с половиной месяца 1866 г. / Акакий // Душеполезное чтение. – 1867. – Ч. 1. – № 1. – С. 15–27.

Алексий, иеромонах. Иркутский миссионерский съезд (дневник участника съезда) / иеромонах Алексий // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1910. – № 16. – С. 635–652.

Алтайская духовная миссия / Ст. Ландышев. – М. : типография В. Готье, 1864. – 22 с.

Алтайская миссия в 1907 г. // Сибирские вопросы. – 1908. – № 29–30. – С. 82–87.

Алтайская церковная миссия. – СПб. : типография дома призрения малолетних бедных, 1865. – 204 с.

Алтайский миссионер. Пребывание его преосвященства, преосвященнейшего Макария, епископа Томского и Барнаульского, на Алтае 14–27 января 1903 г. // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1903. – № 10. – С. 24–29.

Альбицкий, Ф. Записки Забайкальского миссионера священника Ф. Альбицкого / Ф. Альбицкий // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1866. – № 9. – С. 111–116; № 10. – С. 124–129; № 11. – С. 131–140.

Архангельский, М. Наставления священникам, служащим между язычниками и новообращенными к православной вере. Соч. Евсевия,

архиепископа Иркутского / М. Архангельский. – С.-Петербург, 1860 г. (12°: стр. 78) // Странник. – 1861. – Т. 2. – С. 75–78.

Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии // Церковные ведомости. Прибавления. – 1888. – № 49. – С. 1380–1387; № 50. – С. 1411–1421.

Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии: краткие сведения о его жизни и деятельности: по случаю столетней годовщины со дня его рождения (8 ноября 1792 года). – СПб. : типография А. Катанского и К, 1892. – 110 с.

Беседа с православным священником о том, что нужно для успешного действия в обращении глаголемых старообрядцев к православной церкви // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1885. – № 1. – С. 1–15.

Благодетели Туруханского края // Сибирские вопросы. – 1912. – № 24. – С. 37–43.

Богоявленский, К. Письмо к пастырям / К. Богоявленский // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1905. – № 10. – С. 231–233.

Быстров, И. Как ездят священники по приходу в Камчатке / И. Быстров // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. – 1910. – № 1. – С. 20–25.

Вениамин, епископ. Забайкальская духовная миссия / епископ Вениамин // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 17. – С. 110–119.

Вениамин. Записки Забайкальского миссионера иеромонаха Вениамина / Вениамин // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1865. – № 48. – С. 615–624.

Вербицкий, В. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской миссии за 1862 г. / В. Вербицкий // Православное обозрение. – 1863. – Т. 10. – С. 143–161.

Внебогослужебная беседа преосвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского, с воспитанниками семинарии // Церковные ведомости. Прибавления. – 1892. – № 26. – С. 919–924.

Временные изменения в Обдорской и Сургутской миссиях // Тобольские епархиальные ведомости. – 1892. – № 3–4. – С. 22–31.

Герасимов, В. Н. Древний и современный Ляпин / В. Н. Герасимов // Сибирская торговая газета. – 1887. – № 113. – С. 3; № 114. – С. 2; № 115. – С. 3.

Головачев, П. Сибирские миссии / П. Головачев // Сибирские вопросы. – 1908. – № 17–18. – С. 1–7.

Дионисий, епископ Якутский и Вилюйский. Отчет Якутского комитета Православного миссионерского общества за 1874–1875 г. / епископ Якутский и Вилюйский Дионисий // Миссионер. – 1876. – № 5. – С. 36–38.

Доклад депутата священника о. Владимира Давыдова по поводу Иркутского Миссионерского съезда // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1910. – № 11. – С. 386–396.

Евсевий, епископ Владивостокский и Камчатский. Отчет Владивостокского Епархиального Комитета Православного миссионерского общества за 1902 г. / епископ Владивостокский и Камчатский Евсевий // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1903. – № 7. – С. 138–146; № 8. – С. 164–170; № 9. – С. 190–198.

Елисеев, Е. О епархиальной миссии / Е. О. Елисеев // Тобольские епархиальные ведомости. – 1911. – № 20. – С. 450–451.

Епархиальные известия // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1886. – № 19–20. – С. 269–271.

Еще к вопросу о сотрудничестве духовенства в Епархиальных ведомостях // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1903. – № 20. – С. 470–475.

Журналы 2-го съезда депутатов от духовенства Владивостокской епархии // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1906. – № 11. – С. 223–230.

Забайкальская миссия // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1863. – № 11. – С. 137–143; № 17. – С. 235–242; 1864. – № 16. – С. 273–285.

Забайкальская духовная миссия // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1866. – № 13. – С. 159–169.

И. П. Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края / И. П. // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1904. – № 10. – С. 220–224.

И. Т. Значение доброй жизни пастыря, как пример в пастырской деятельности / И. Т. // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1914. – № 7. – С. 490–496.

Ивановский, С. Записки миссионера Кебезинского отделения Алтайской духовной миссии, священника Сергея Ивановского, за 1888 г. / С. Ивановский // Церковные ведомости. Прибавления. – 1889. – № 18. – С. 502–503.

Из воспоминаний Л. Ф. Львова // Русский архив. – 1885. – Вып. 4. – С. 541–551.

Из духовного наследия алтайских миссионеров / сост. Б. И. Пивоваров. – Новосибирск : Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1998. – 194 с.

Из жизни и деятельности Алтайской Духовной Миссии за истекший год // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1901. – № 5. – С. 11–22.

Из записок Забайкальского миссионера за 1863 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1864. – № 30. – С. 488–496.

Из истории миссионерства в Сибири // Церковные ведомости. Прибавления. – 1902. – № 47. – С. 1647–1654.

Избранные труды Святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / сост. магистр богословия протоиерей Б. Пивоваров. – Новосибирск : Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1997. – 367 с.

Иннокентий (Вениаминов). Наставление священнику, назначенному для обращения неверных и руководства обращенных в христианскую веру / Иннокентий (Вениаминов) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1879. – № 49, 50, 51. – С. 585–607.

Иоанн. О предстоящем миссионерском съезде / Иоанн // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1909. – № 18. – С. 477–483.

Итоги казанского миссионерского съезда // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1910. – № 15–16. – С. 212–218.

К вопросу об оживлении пастырской деятельности духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1904. – № 15. – С. 329–335.

К открытию Православного Камчатского Братства во имя Нерукотворного образа Всемиловитого Спаса // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1910. – № 20–21. – С. 693–699.

Козлов, З. Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской школы, за 65 лет (1844–1909 гг.) ее существования / З. Козлов // Тобольские епархиальные ведомости. Школьный листок. – 1910. – № 16. – С. 121–126.

Козлов, З. Об инородческом Севере / З. Козлов // Тобольские епархиальные ведомости. – 1911. – № 6. – С. 123–127.

Козлов, З. Из истории обращения инородцев Севера Тобольской епархии в христианство / З. Козлов // Тобольские епархиальные ведомости. – 1911. – № 15. – С. 330–333.

Коптев, А. Миссионерская деятельность в Сибири / А. Коптев // Сибирские вопросы. – 1912. – № 7–8. – С. 54–61.

Л. К. Очерки сибирской жизни / Л. К. // Сибирские вопросы. – 1910. – № 30. – С. 42–47.

Л-ский, С. Томская епархия в 1898–1899 гг. / С. Л-ский // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1900. – № 20. – С. 10–23.

Ландышев, В. Воспоминания о Высокопреосвященнейшем Владимире, епископе Казанском и Свияжском, бывшим начальником Алтайской и киргизской миссий / В. Ландышев // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1900. – № 21. – С. 11–23.

Ландышев, С. Некоторые сведения об учреждении Алтайской духовной миссии и об ее основателе о. архимандрите Макарии / С. Ландышев // Миссионер. – 1877. – № 3. – С. 17–18; № 4. – С. 25–30; № 6. – С. 41–44; № 8. – С. 57–59; № 9. – С. 65–68.

Макарий, архиепископ Томский – митрополит Московский // Сибирские вопросы. – 1912. – № 29. – С. 72–80.

Макарий, епископ Томский. Советы для миссионеров Алтайской миссии / епископ Томский Макарий // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1902. – № 6. – С. 1–6.

Макарий, епископ Томский. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1902 г. / епископ Томский Макарий // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1903. – № 9. – С. 1–17.

Малков, А. Хурал. Из записок забайкальского миссионера / А. Малков // Православное обозрение. – 1866. – Т. 19. – С. 149–168.

Маршрут Якутского епископа // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1866. – № 9. – С. 116–118.

Мелетий. Записки Забайкальского миссионера, иеромонаха Мелетия, за 1864 г. / Мелетий // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1865. – № 21. – С. 339–346; № 22. – С. 351–361.

Миссионерские известия и заметки // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отдел. – 1900. – № 24. – С. 14–18.

Миссионерский съезд в г. Иркутске // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1910. – № 17. – С. 233–235.

Наставления высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, Нушагакскому миссионеру иеромонаху Феофилу // Церковные ведомости. Прибавления. – 1900. – № 3. – С. 97–107.

Некролог. Памяти покойного миссионера протоиерея Василия Ивановича Вербицкого (из записок Киргизского миссионера игумена Владимира Синьковского) // Церковные ведомости. Прибавления. – 1891. – № 31. – С. 1056–1058.

Нестор, иеромонах. Из Камчатки / иеромонах Нестор // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. – 1909. – № 5. – С. 150–153.

Новиков, Ив. Николай Иванович Ильминский в его отношениях к Алтайской Духовной миссии / Ив. Новиков // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1901. – № 24. – С. 11–20.

Новиков, Ив. Православное миссионерское общество в 1901 г. / Ив. Новиков // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1902. – № 23. – С. 1–18.

Новиков, Ив. Томская епархия в 1902 г. / Ив. Новиков // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1903. – № 15. – С. 27–44; № 19. – С. 26–41.

О миссионерстве вообще и в Рижской епархии особенно // Церковные ведомости. Прибавления. – 1897. – № 3. – С. 77–90.

Об издании Иркутских епархиальных ведомостей за 1863 и 1864 гг. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1865. – № 3. – С. 23–30.

Обозрение епархии его преосвященством, преосвященнейшим Макарием, епископом Томским и Барнаульским в 1900 г. // Томские епархиальные ведомости. Неоф. часть. – 1900. – № 17. – С. 20–31.

Осинин, И. Сказанная 2 мая 1865 года речь, в собрании членов вновь учреждаемого миссионерского общества для содействия распространению христианства в восточных и северных пределах России / И. Осинин //

Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1865. – № 27. – С. 399–411.

Осинин, И. Первое общее собрание членов вновь учрежденного миссионерского общества / И. Осинин // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1866. – № 7. – С. 85–94.

Островских, П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края / П. Островских // Живая старина. – 1895. – Т. 3–4. – С. 297–348.

От Забайкальской миссии // Иркутские епархиальные ведомости. – 1865. – № 10. – С. 66.

От редакции // Тобольские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1882. – № 1. – С. 5–14.

От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1903. – № 1. – С. 1–3.

От редакции // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. – 1909. – № 1. – С. 8–12.

Открытие нового стана миссии и приглашение сотрудника // Томские епархиальные ведомости. Миссионерская отд. – 1902. – № 7. – С. 12–15.

Отчет Алтайской духовной миссии за 1899 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1900. – № 8. – С. 1–10; № 9. – С. 1–12.

Отчет об Алтайской духовной миссии за 1902 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1903. – № 7. – С. 17–24; № 9. – С. 1–17; № 12. – С. 1–5.

Отчет об Алтайской духовной миссии за 1879 г. // Томские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1880. – № 8. – С. 159–168.

От Тобольского комитета Православного миссионерского общества // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1883. – № 18. – С. 180–186.

Отчет Томского Комитета Православного Миссионерского Общества за 1900 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1901. – № 5. – С. 1–9.

Отчет Владивостокского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1903 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1904. – № 10. – С. 212–128.

Отчет Владивостокского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1904 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. часть. – 1905. – № 14. – С. 305–308.

Отчет Владивостокского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1905 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1906. – № 10. – С. 197–201.

Отчет Владивостокского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1907 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1908. – № 12–13. – С. 320–330.

Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного православного Миссионерского общества за 1881 г. // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1882. – № 15. – С. 175–181.

Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного православного Миссионерского общества за 1882 г. // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1883. – № 17. – С. 174–177.

Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного православного Миссионерского общества за 1883 г. // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1884. – № 21. – С. 184–188.

Отчет Тобольского епархиального комитета высочайше утвержденного православного Миссионерского общества за 1887 г. // Тобольские епархиальные ведомости. Офиц. отд. – 1888. – № 11–12. – С. 125–148.

Отчет Томского комитета православного Миссионерского общества за 1900 г. // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1901. – № 5. – С. 1–11.

Отчет Якутского комитета православного Миссионерского Общества за 1874–1875 г. // Миссионер. – 1876. – № 6. – С. 36–38; № 7. – С. 56–58.

Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. – 1912 . – № 3–4. – С. 43–52.

П. П. К пребыванию Высокопреосвященнейшего Архиепископа Евсевия на Иркутском миссионерском съезде / П. П. // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1910. – № – 19. – С. 669– 674; № 20–21. – С. 687–691.

П. С. Высокопреосвященный Иннокентий, митрополит Московский / П. С. // Церковные ведомости. Прибавления. – 1897. – № 34. – С. 1201–1210.

П-лло, Адр. Действующий закон о религиозных правонарушениях / Адр. П-лло // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1910. – № 8–9. – С. 115–117.

Павел. Письмо в редакцию (к предстоящему Иркутскому съезду) / Павел // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. – 1910. – № 13–14. – С. 483–486.

Памяти архиепископа Владимира // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1900. – № 17. – С. 1–15; № 19. – С. 11–18.

Парфений, архиепископ. Епархиальные распоряжения / архиепископ Парфений // Иркутские епархиальные ведомости. – 1866. – № 16. – С. 84–87.

Пастырь-учитель // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. часть. – 1904. – № 13. – С. 298–300.

Первое донесение о состоянии Алтайской миссии первого ее начальника-основателя о. архимандрита Макария Глухарева, первому Томскому епископу преосвященному Агапиту и ответ преосвященного на донесение // Церковные ведомости. – 1896. – № 2. – С. 55–57.

По вопросу об улучшении быта духовенства // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1863. – № 30. – С. 475–480.

Поездка преосвященного Тихона, епископа Енисейского и Красноярского в Турухански край, для обозрения церквей, летом 1890 г. // Церковные ведомости. – 1891. – № 30. – С. 1004–1009; № 31. – С. 1046–1050.

Попов, В. Заметка о нашей миссии / В. Попов // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1910. – № 13–14. – С. 479–483.

Православное миссионерское общество и наши миссии // Церковные ведомости. Прибавления. – 1890. – № 6. – С. 180–186.

Преосвященный Вениамин, викарий Иркутский // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. – 1863. – № 16. – С. 217–224.

Преосвященный Дионисий, епископ Уфимский и Мензелинский // Церковные ведомости. Прибавления. – 1900. – № 14. – С. 575–584; № 18. – С. 720–728.

Путинцев, М. Киргизская духовная миссия / М. Путинцев // Тобольские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1884. – № 3. – С. 49–62.

Разумовский, А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования / А. Разумовский // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1905. – № 20. – С. 455–464; 1906. – № 1. – С. 8–16; № 2. – С. 31–39.

С. К. Одна из причин неуспеха Алтайской миссии // Сибирские вопросы. – 1908. – № 35–36. – С. 44–46.

С. Р. Влияние христианских начал на Алтайскую паству // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1902. – № 8. – С. 1–6.

Синьковский, Ф. Записки Алтайского миссионера, священника Филарета Синьковского за 1876 г. / Ф. Синьковский // Миссионер. – 1877. – № 26. – С. 207–209.

Смарагд. Записки Алтайской духовной миссии Урскульского стана миссионера иеромонаха Смарагда за 1861 г. / Смарагд // Душеполезное чтение. – 1862. – Ч. 2. – С. 136–160.

Смольяников, И. Записки алтайской духовной миссии Улалинского отделения священника Иоанна Смольяникова за 1860 и 1861 гг. / И. Смольяников // Душеполезное чтение. 1862. – Ч. 2. – № 7. – С. 269–286.

Современное состояние Алтайской миссии // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1902. – № 22. – С. 1–8.

Сулоцкий, А. И. Миссионерства Березовского края – Обдорское, Кондинское и в особенности Сургутское / А. И. Сулоцкий // Странник. – 1869 (август). – С. 102–115.

Тихомиров, Г. Мысли русских святителей XVIII в. о приготовлении к пасторскому служению // Церковные ведомости. Прибавления. – 1899. – № 45. – С. 1839–1843.

Тихомиров, К. Пастырь, как постоянный учитель и руководитель своих прихожан / К. Тихомиров // Благовещенские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1910. – № 10–11. – С. 129–133.

Тихомиров, К. Женщина в деле миссии / К. Тихомиров // Томские епархиальные ведомости. Миссионер. отд. – 1914. – № 5. – С. 281–285.

Толстой, М. Миссионерская деятельность покойного митрополита Иннокентия / М. Толстой // Русский архив. – 1879. – Вып. 7. – С. 273–303.

Трудность миссионерского служения на Алтае // Томские епархиальные ведомости. Миссионерский отд. – 1902. – № 7. – С. 11–12.

Устав Православного Камчатского братства во имя Нерукотворного образа Всемилостивого Спаса // Владивостокские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. – 1910. – № 18. – С. 620–626.

Шестаков, П. Еще несколько слов об образовании инородцев / П. Шестаков // Журнал Министерства народного просвещения. – 1867. – Т. 135. – С. 253–273.

Шиверский, Е. Современное положение духовенства / Е. Шиверский // Владивостокские епархиальные ведомости. Неоф. отд. – 1908. – № 21. – С. 531–534; 1909. – № 5. – С. 134–137; № 6–7. – С. 192–196.

Якутская православная миссия за 1875–1876 гг. // Миссионер. – 1878. – № 15. – С. 115–116.

*** // Церковные ведомости. Прибавления. – 1901. – № 47. – С. 1728–1729.

Источники личного происхождения

Беллюстин, И. С. Записки сельского священника. [Электронный ресурс] / И. С. Беллюстин. – Режим доступа: <http://www.omolenko.com/publicistic/belustin.htm> (дата обращения: 2.05.2014).

[Вербицкий В. И.] Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / сост. прот. И. Кропочев. – Новокузнецк : Сретение, 2008. – 372 с.

Записки Камчатского миссионера иеромонаха Нестора. – Казань : Типо-лит. И. С. Перова, 1909. – 13 с.

Письма основателя Алтайской духовной миссии, архимандрита о. Макария. – Томск : Типография епархиального братства, 1903. – Ч. 1. – 210 с.

Розанов, А. И. Записки сельского священника. [Электронный ресурс] / А. И. Розанов. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rozanow_a_i/text_0010oldorfo.shtml (дата обращения: 20.03.2014).

Чевалков, М. В. Памятное завещание. Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии / М. В. Чевалков. – М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1894. – 94 с.

Художественные произведения

Тургенев, И. С. Рассказ отца Алексея / И. С. Тургенев // Антология мировой фантастики. Замок ужаса. – М. : Аванта+, 2003. – Т. 8. – 608 с.

Чехов, А. П. Собрание сочинений : в 15 т. / А. П. Чехов. – М. : ТЕРРА, 2000. – Т. 13. Из Сибири. Очерки ; Остров Сахалин: Из путевых записок. – 384 с.

Сборники документов и документальные публикации

«И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е – 80-е гг. XIX в.) : источники / сост. вступ. ст. и коммент. В. Я. Темплинга. – Тюмень : Мандр и К, 2003. – 328 с.

Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. – Т. XXV. – Отделение 1. 1905. – СПб. : Государственная типография, 1908. – 1109 с.

Свод законов Российской Империи. В 34 т. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857–1868.

Свод законов Российской империи. В 16 т. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912.

Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще. В 6 т. – Т. 2. – Тверь : Булат, 2013. – 432 с.

Библиографические указатели и словари, энциклопедии

Алтай // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1993. – Т. 1. – С. 480.

Алтайская горная область // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1994. – Т. 1а. – С. 481.

Амурская область // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1993. – Т. 1. – С. 679.

Краткая философская энциклопедия. – М. : Прогресс, 1994. – 576 с.

Латкин, Н. В. Сибирь. Географический очерк страны / Н. В. Латкин // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1900. – Т. 29а. – Кн. 58. – С. 748.

Латкин, Н. В. Якутская область / Н. В. Латкин // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1904. – Т. 41а. – С. 620.

Летенков, Э. В. Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости: 1838–1917 / Э. В. Летенков. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 148 с.

Межов, В. И. Сибирская библиография : указ. книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания : в 3 т. / В. И. Межов. – СПб. : Тип. Дома призрения малолет. бедн., 1892–1903.

Раздорский, А. И. Справочные издания епархий Русской Православной Церкви (1861–1915) : сводный каталог и указатель содержания / А. И. Раздорский. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 670 с.

Соловьев, В. С. Идеал / В. Соловьев // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1894. – Т. 12а. – С. 797.

Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель: в 2 т. / под ред. Н. Н. Родигиной. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014.

Т. 1: Тема Сибири в ежемесячных изданиях второй половины XIX – начала XX в. – 394 с.

Т. 2: Репрезентации Сибири в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX в. – 344 с.

Тобольские епархиальные ведомости (1882–1919) : указ. разделов и статей / сост. : игумен Филарет (А. Н. Сквородин), И. Б. Короткова. – Екатеринбург : Баско, 2009. – 248 с.

Неопубликованные источники

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 776. Главное управление по делам печати. Оп. 8. Д. 156, 488, 883, 913; Оп. 5. Д. 21, 66. Оп. 6. Д. 531.

Государственный архив Алтайского края (ГААК)

Фонд 164. Алтайская духовная миссия. Оп. 1. Д. 2, 5, 13, 14, 18, 19, 43, 47, 48, 52, 53, 55; Оп. 2. Д. 4, 37, 42.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО)

Фонд 50. Иркутская духовная консистория. Оп. 1. Д. 8862. Д. 7150, 7271, 8215, 8689, 8863, 8889; Оп. 6. Д. 261; Оп. 7. Д. 287, 322; Оп. 8. Д. 154.

Российский архив литературы и искусств (РГАЛИ)

Фонд 191. Ефремов П. А. Оп. 1. Ед. хр. 3053. Ед. хр. 3086.

Фонд 637. Языков Д. Д. Оп. 1. Ед. хр. 13. Ед. хр. 25.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)

Фонд 18. Фонд И. В. Барсукова. К. 17. Ед. хр. 14.

Фонд 178. Музейное собрание. К. 3003. Ед. хр. 2. Ед. хр. 1.

Исследовательская литература

Агеев, В. С. Социальная идентичность личности [Электронный ресурс] / В. С. Агеев Режим доступа: http://anastasiya-shulgina.narod.ru/book_456/book_14.htm (дата обращения: 20.08.2014).

Адлыкова, А. П. Монастыри Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX века / А. П. Адлыкова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2006. – 188 с.

Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы региональной истории: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию А. П. Толочко / под ред. Ю. А. Сорокина. – Омск: Омск. ун-т, 2008. – 340 с.

Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст., к 50-летию со дня рождения А. В. Ремнёва. – Омск: Омск. ун-т, 2005. – 599 с.

Акулич, О. А. «Иркутские епархиальные ведомости» как краеведческий источник [Электронный ресурс] / О. А. Акулич. – Режим доступа: <http://iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1392> (дата обращения: 15.04. 2014).

Алреева, Т. М. Социальный миф: сущность, структура, функции / Т. М. Алреева. – Минск : Университетское, 1992. – 208 с.

Арутюнян, М. П. Миф и идеал в структуре мировоззрения / М. П. Арутюнян // Миф и идеал в современном мире: Сборник научных трудов по материалам международной научной конференции «Запад – Восток: образование и наука на пороге XXI в.». – Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2001. – С. 4–24.

Асочакова, В. Н. Русская православная церковь в истории Хакасско-Минусинского края в XVIII-первой четверти XIX вв. / В. Н. Асочакова. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2005. – 204 с.

Асочакова, В. Н. О миссионерской деятельности в Хакасско-Минусинском крае во второй четверти – середине XIX в. (по отчетам

священнослужителей) [Текст] / В. Н. Асочакова // Макарьевские чтения : материалы седьмой международной конф. (21–23 ноября 2008 года) / отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2008.– С. 25–37.

Базанов, А. Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север) / А. Г. Базанов / отв. ред. Н. Казанский. – Л., 1936. – 133 с.

Базанов, А. Г. Школа на Крайнем Севере / А. Г. Базанов, Н. Г. Казанский. – Л., 1939. – 206 с.

Байфорд, Э. Рецензия на книги: Laurie Manchester. Holy Fathers, Secular Sons...; Jennifer Hedda. His Kingdom Come... / Э. Байфорд // Антропологический форум. – № 10. – С. 321–325.

Бакина, О. В. Современная православная журналистика России / О. В. Бакина. – Киров : КФ МГЭИ, 2003. – 224 с.

Барт, Р. S/Z / Р. Барт. – М. : УРСС, 2001. – 232 с.

Бассин, М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства / М. Бассин // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 277–310.

Бахрушин, С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. / С. В. Бахрушин // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Пг : Редакционно-издательский комитет народного комиссариата земледелия, 1922. – С. 18–83.

Бахтурина, А. «Национальный вопрос» в Российской империи в постсоветской историографии / А. Бахтурина // Русский национализм: Социальный и культурный контекст. – М. : Новое литературное обозрение, 2008. – С. 105–130.

Бородавкин, А. П. К вопросу о культурно-просветительской деятельности архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) – идеолога

и основателя Алтайской духовной миссии / А. П. Бородавкин, Н. Ю. Храпова // Алтайский сборник.– Барнаул, 1992. – Вып. 15. – С. 14–21.

Бочанова, Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Г. А. Бочанова, Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин. – Новосибирск: Наука, 2001. – 211 с.

Бурдые, П. О телевидении и журналистике / П. Бурдые; пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой ; отв. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М. : Фонд науч. исслед-ий «Прагматика и культура», Ин-т экспериментальн. социологии, 2002.

Быкова, А. Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук / А. Г. Быкова. – Омск, 2012. – 51 с.

Ванина, И. Ю. О проектах миссионерской работы в Сибири / И. Ю. Ванина // Исторические судьбы православия в Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. техн. ун-та, 1997. – С. 30–34.

Верещагин, И. Ф. Церковно-епархиальная периодическая печать в общественной жизни Российской провинции во второй половине XIX–начале XX веков (на материалах Европейского Севера России) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Ф. Верещагин. – Архангельск, 2013. – 24 с.

Виртшафтер, К. Элис Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Элис К. Виртшафтер; пер. с англ. Т. П. Вечериной; под ред. А. Б. Каменского. – М. : Логос, 2002. – 272 с.

Гемуев, И. Н. Политика Российского государства по отношению к коренным народам Сибири: от Ермака до наших дней / И. Н. Гемуев, В. Н. Курилов, А. А. Люцидарская // История и культура коренных народов Южной Сибири с древнейших времен до 1917 г. Материалы междунар. науч. конф. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 157–162.

Герасимова, К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX веков / К. М. Герасимова. – Улан-Удэ, 1957. – 160 с.

Гиголев, Г. М. Церковные здания / Г. М. Гиголев // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX–XX в. 1890–1904. – М., 1982.

Гимельштейн, А. В. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Е. А. Сенина. – Иркутск, 2007. – 320 с.

Глаголев, В. С. Геополитические аспекты христианизации Восточной Сибири и российского Дальнего Востока / В. С. Глаголев // Христианство на Дальнем Востоке: мат-лы международной науч. конф. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – Ч. 1–2. – С. 18–22.

Гоголев, З. В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. / З. В. Гоголев. – Новосибирск, 1970. – 236 с.

Головачев, П. М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь / П. М. Головачев. – М. : типография Т-ва И. Д. Сытина, 1905. – 401 с.

Гончаров, Ю. М. Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX в. / Ю. М. Гончаров // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. – 2010. – № 4/2. – С. 179–185.

Гончарова, О. А. Влияние Алтайской духовной миссии на изменение в быту алтайского населения / О. А. Гончарова // Макарьевские чтения: материалы 2-й Междунар. конф. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. – С. 58–60.

Гончарова, О. А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения / О. А. Гончарова. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – 247 с.

Гончарова, О. А. К вопросу об изучении деятельности Алтайской духовной миссии по сохранению алтайского этноса / О. А. Гончарова, Л. С. Черданцева // Макарьевские чтения: материалы 2-й Междунар. конф. – Горно-Алтайск: РИО-ГАГУ, 2005. – С. 24–31.

Гончаров, Ю. М. Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX в. /

Ю. М. Гончаров // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. – 2010. – № 4/2. – С. 179–185.

Горюшкин, Л. М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.) / Л. М. Горюшкин. – Новосибирск, 1984.

Грекулов, Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. Ф. Грекулов. – М.: Наука, 1969. – 184 с.

Грекулов, Е. Ф. Нравы русского духовенства / Е. Ф. Грекулов. — СПб. : Невзоров От Эколь, 2011. — 96 с.

Гридяева, М. В. Основные аспекты религиозной жизни Сахалина в конце XIX – начала XX в. / М. В. Гридяева // Христианство на Дальнем Востоке: мат-лы международной науч. конф. – Ч. 1–2. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 24–27.

Дамешек, Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1983. – 135 с.

Дамешек, Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 164 с.

Дамешек, И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск, 2005.

Дамешек, Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти / Л. М. Дамешек // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: Сборник научных трудов. – Барнаул, 2005. – С. 257–266.

Дамешек, Л. М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX в. [Электронный ресурс] / Л. М. Дамешек. – Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/011.html> (дата обращения: 20.08.2014)

Джераси, Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Р. Джераси. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 538 с.

Дрибас, Л. К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. К. Дрибас. – Иркутск, 2005. – 26 с.

Дружинина, Ю. В. Социальный портрет сельской интеллигенции Западной Сибири начала XX в. на страницах региональной печати (по материалам газеты «Сибирская жизнь» и журнала «Сибирские вопросы») / Ю. В. Дружинина // Актуальные вопросы истории российской провинции: темат. сб. науч. тр. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2010. – Вып. 5. – С. 197–206.

Дулов, А. В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков / А. В. Дулов, А. П. Санников. – Иркутск : СибПолиграфСервис, 2006. – Т. 1. – 294 с.

Егунов, Н. П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма / Н. П. Егунов. – Улан-Уде : Бурят. кн. изд-во, 1963. – 315 с.

Ерошов, В. В. Тропую миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае / В. В. Ерошов, В. М. Кимеев. – Кемерово : Кузбассвуиздат. 1995. – 132 с.

Ефимов, А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви / А. Б. Ефимов. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. – 688 с.

Завалишин, И. И. Описание Западной Сибири / И. И. Завалишин. – М.: Тип. Грачева и К°, 1862. – Т. 1. – 419 с.

Залкинд, Е. М. Иностранцы путешественники о Бурятии / Е. М. Залкинд // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Уде, 1973. – С. 139–154.

Зверев, В. А. «К священнику обращаются все»: деятельность сельского православного духовенства во время эпидемии начала 1890-х гг. (по материалам Томской губ.) / В. А. Зверев, Е. В. Караваяева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 1. – С. 41–45.

Зверев, В. А. Санитарно-просветительская и медицинская деятельность Русской православной церкви в деревне Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев, Е. В. Караваяева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 1. – С. 59–64.

Знаменский, П. В. Несколько материалов для истории Алтайской миссии и участия в ее делах Н. И. Ильминского / П. В. Знаменский. – Казань : типо-лит. Имп. ун-та, 1901. – 99 с.

Зубанова, С. Г. Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни Российского общества XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. Г. Зубанова. – М., 1995. – 29 с.

Иванов, К. Ю. Алтайская духовная миссия: старообрядцы и инородцы (по миссионерским отчётам) / К. Ю. Иванов // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1998. – С. 233–234

Иванова, Н. А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Н. А. Иванова. – М. : Новый хронограф, 2010. – 752 с.

Иванова, Н. А. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. – М. : Наука, 2004. – 574 с.

Иконников, И. Колонизационные работы в Иркутской губернии / И. Иконников // Вопросы колонизации. – 1908. – № 3. – С. 144–156.

Инородческая школа: сборник статей и материалов по вопросам инородческой школы / под общ. ред. Г. Г. Тумим, В. А. Зеленко. – Пг.: Н. П. Карбасников, 1916. – 254 с.

Ипатьева, А. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Ипатьева. – Красноярск : ООО РПБ Амальгама, 1999. – 22 с.

История Сибири: в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков / АН СССР, Отделение истории АН СССР. – Ленинград : Наука, 1968.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / А. К. Соколов, Ю. П. Бокарев, Л. В. Борисова [и др.]; под ред. А. К. Соколова. – М.: Высш. школа, 2004. – 687 с.

Калашников, Д. Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX–начала XX в. (на материалах Курской епархии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Н. Калашников. – Курск, 2011. – 29 с.

Капалин, Г. М. Русская православная церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVIII–XIX вв. (по материалам Аляски) : автореф. дис. ... док. ист. наук / Г. М. Капалин. – М., 2014. – 38 с.

Кацюба, Д. В. Алтайская духовная миссия: вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности / Д. В. Кацюба. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1998. – 156 с.

Кашеваров, А. Н. Печать Русской православной церкви в XX веке: очерки истории / А. Н. Кашеваров. – СПб.: Роза мира, 2004. – 162 с.

Кеннан, Дж. Сибирь! / Дж. Кеннан. – СПб. : Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1906. – 397 с.

Кислицин, В. Н. Алтайская духовная миссия и ее роль в колонизации Горного Алтая / В. Н. Кислицин // Алтайский сборник. – Вып. 15. – Барнаул, 1992. – С. 21–29.

Коваляшкина, Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областной мысли / Е. П. Коваляшкина. – Томск, 2005. – 326 с.

Конюченко, А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... док. ист. наук / А. И. Конюченко. – Челябинск, 2006. – 49 с.

Корзун, В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX – начала XX в. (Анализ отечественных историографических концепций) / В. П. Корзун. – Омск, Екатеринбург: изд-во Уральск. ун-та, 2000. – 226 с.

Кочеткова, Е. И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. (к историографии вопроса, 60-е гг. XX – нач. XXI вв.) / Е. И. Кочеткова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – Вып. 2. – 2010. – С. 75–83.

Крейдун, Ю. А. Возникновение Алтайской духовной миссии / Ю. А. Крейдун // «К Свету»: Православный Алтай: небесный покров и земной подвиг: альманах. – М., 2002. – Вып. 20. – С. 42–43

Крейдун, Ю. А. Организация миссионерских учреждений в Сибири / Ю. А. Крейдун, Н. В. Расова // Вестник алтайской науки: Культура. – Барнаул, 2005. – Вып. 1. – С. 56–61.

Крейдун, Ю. А. О принципах территориального обустройства Алтайской духовной миссии / Ю. А. Крейдун // Макарьевские чтения: сб. науч. ст. V Междунар. конф. (23–24 ноября 2006 г.). – Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2006. – С. 15–23.

Крейдун, Ю. А. Просветительская деятельность Алтайской духовной миссии в конце XIX – начале XX века / Ю. А. Крейдун, Н. С. Модоров // Мир Евразии. – 2011. – №4 (15). – С. 26–31.

Крейдун, Ю. А. Роль Русской православной церкви в развитии культуры и искусства коренных народов юга Западной Сибири / Ю. А. Крейдун // Наука Красноярья. – 2012. – №3.1. (03). – С. 155–165.

Кузнецова, Т. А. Репрезентация Сибири на страницах периодических изданий Русского географического общества во второй половине XIX – начала XX в. / Т. А. Кузнецова // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве. – Новосибирск, 2010. – С. 161–165.

Кузнецова, Т. А. Репрезентации Сибири в иллюстрированных еженедельных журналах конца XIX – начала XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных / сборник материалов Международной молодёжной научной конф. – Новосибирск: Изд-во Параллель, 2014. – С. 155–160.

Кызласов, Л. Р. Земля Сибирская / Л. Р. Кызласов. – Абакан–Москва: Эвтектика, 1994. – 94 с.

Кэмпбелл, Е. И. (Воробьева). «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия / Е. И. Кэмпбелл (Воробьева) // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М. : типогр. «Транспечать», 2001. – С. 204–216.

Ледовских, А. Ю. «Инородческий вопрос» в Сибири на страницах специализированных географических изданий второй половины XIX–начала XX в. / А. Ю. Ледовских // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». – 2006. – Т. 5. – Вып. 1. (дополнительный), история. – С. 46–50.

Ледовских, А. Ю. Проблема вымирания сибирских «инородцев» в российской журнальной прессе второй половины XIX–начала XX вв. / А. Ю. Ледовских // Вопросы методологии и истории в работах молодых ученых: Сборник научных статей. – Омск, 2007. – Вып. 10. – С. 124–131.

Ледовских, А. Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Ю. Ледовских. – Омск, – 2008. 22 с.

Ледовских, А. Ю. Актуализация и обсуждение сибирского «инородческого вопроса» в общественно-политической журнальной прессе пореформенной России: реальная проблема или вариант самопрезентации? / А. Ю. Ледовских // Вопросы истории Сибири. – Омск, 2010. – Вып. 2. – С. 103–116.

Леонтьева, Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство дореволюционной России во второй половине XIX – начале XX вв. / Т. Г. Леонтьева. – М.: «Новый хронограф», 2002. – 272 с.

Лесков, Н. С. Карикатурный идеал [Электронный ресурс] / Н. С. Лесков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/text_0116-2.shtml (дата обращения: 14.05. 2014).

Лялина, Г. С. Цензурная политика церкви в XIX – начале XX в. // Русское православие: вехи истории. [Электронный ресурс] / Г. С. Лялина. –

Режим доступа: http://books.atheism.ru/files/russkoe_pravoslavie.html (дата обращения: 27. 04. 2014).

Лукин, Н. М. Революция и церковь / Н. М. Лукин. 3-е изд. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 40 с.

Мавлютова, Г. Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века) / Г. Ш. Мавлютова. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. – 180 с.

Макарова-Мирская, А. Апостолы Алтая. Сборник рассказов из жизни алтайских миссионеров / А. Макарова-Мирская. – М. : Правило веры, 1997. – 306 с.

Маловичко, С. И. Общественное историческое мышление и репрезентация прошлого/настоящего в периодике / С. И. Маловичко // Периодическая печать как источник интеллектуальной истории: Материалы международной научной конф., Пятигорск, 28–30 апреля 2006 г. – Пятигорск : ПГЛУ, 2006. – С. 21–33.

Мансурова, В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации / В. Д. Мансурова ; Алт. гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2002. – 237 с.

Матханова, Н. П. Архиепископ Иннокентий и деятели администрации Восточной Сибири середины XIX в. / Н. П. Матханова // Исторические судьбы православия в Сибири: тезисы докладов и сообщений научной конф. – Иркутск, 1997. – С. 50–51.

Матханова, Н. П. Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И. Н. Толстым («дневник» В. Д. Философова и письма Н. М. Голицына) / Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 4. – С. 56–62.

Матханова, Н. П. Отношение деятелей администрации Восточной Сибири к великим реформам / Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 2. – С. 3–7.

Матханова, Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 551 с.

Матханова, Н. П. Сибирская мемуаристика второй половины XIX в.: корпус, разновидности, жанры / Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 21–25.

Матханова, Н. П. Тобольский губернатор В. А. Арцимович и его записки о поездке на север губернии / Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 3. – С. 10–14.

Миллер, А. И. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина / А. И. Миллер // Российская империя в сравнительной перспективе : сборник статей / под ред. А. И. Миллера. – М. : Новое изд-во, 2004. – С. 263–285.

Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. Церковь и школа (вера, творчество, образование) / П. Н. Милюков. – Пг, 1916. – Ч. 2. – 399 с.

Миненко, Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. / Н. А. Миненко. – Новосибирск : Наука, 1975. – 308 с.

Минюшев, Ф. И. Социальная антропология (курс лекций) / Ф. И. Минюшев. – М. : Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 192 с.

Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999.

Миронова, С. П. Профессиональная идентификация и образование: современные проблемы формирования профессионального сознания / С. П. Миронова. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2009. – 107 с.

Миропиев, М. А. О положении инородцев в Сибири / М. А. Миропиев. – СПб., 1901. – 519 с.

Модоров, Н. С. Миссионерская школа и ее роль в развитии культуры коренного населения Горного Алтая (конец XIX – начало XX вв.) / Н. С. Модоров // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2001. – С. 448–453.

Молокова, Л. В. Значение церковной периодики в общественной жизни регионов, вторая половина XIX века (на примере «Иркутских епархиальных ведомостей») / Л. В. Молокова // Омский научный вестник. – 2007. – № 3 (55). – С. 91–94.

Морозова, Н. Н. Освещение политических вопросов в «Тобольских епархиальных ведомостях» (1882–1906 гг.) / Н. Н. Морозова // Гуманитарные науки в Сибири. – № 3. – 2012. – С. 35–38.

Мохначева, М. П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. / М. П. Мохначева. – М. : РГГУ, 1998. – Кн. 1. – 383 с.

Мушкин, П. Русские миссионеры у чукчей / П. Мушкин // Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще: в 6 т. – Т. 2. – Тверь : Булат, 2013. – С. 397–415.

Найт, Н. О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. – М. : Новое издательство, 2005. – С. 324–344.

Нансен, Ф. В страну будущего: Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / авториз. пер. с норв. А. и П. Ганзен. – Пг, 1915. – 458 с.

Нетужилов, К. Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России / К. Е. Нетужилов // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2006. – № 7 (21): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология). – Ч. 1. – С.174–182.

Население. Управление. Экономика. Культурная жизнь Сибири XVIII–начала XX вв.: сборник науч. ст. / под ред. Ю. М. Гончарова, Т. Н. Соболевой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 255 с.

Нетужилов, К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия / К. Е. Нетужилов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – 268 с.

Николаев, В. В. Реконструкции в этносоциальных исследованиях по Северному Алтаю (XIX – начала XX в.) / В. В. Николаев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3. (23). – С. 156–159.

Никулин, М. В. Православная церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук / М. В. Никулин. – М., 1996. – 387 с.

Норденшельд, Н. А. Э. Вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 г. / Н. А. Э. Норденшельд. – СПб. : Издание И. И. Валлениуса, 1881. – Ч. 1. – 531 с.

Огрызко, И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. / И. И. Огрызко. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 148 с.

Пантин, В. В., Семенов И. С. Проблемы идентичности и российская модернизация [Электронный ресурс] / В. В. Пантин. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/pantin.htm> (дата обращения: 1.05. 2014).

Поздняк, С. В. Роль православной церкви в формировании книжной культуры на юге Дальнего Востока в середине XIX – начале XX веков / С. В. Поздняк // Христианство на Дальнем Востоке: мат-лы международной науч. конф. Ч. I и II. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 65–69.

Полунов, А. Ю. Под властью обер-прокурора: государство и церковь в эпоху Александра III / А. Ю. Полунов. – М. : АИРО-XX, 1996. – 141 с.

Потанин, Г. Н. Заметки о Западной Сибири / Г. Н. Потанин // Русское слово. – 1860. – № 9. – Отд. 1. – С. 189–214.

Расова, Н. В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на Алтае в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук /

Н. В. Расова. – Новосибирск : Изд-во Горно-алтайского гос. ун-та, 2002. – 25 с.

Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005. – 196 с.

Рейтблат, А. И. От Бовы к Бальмоту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. / А. И. Рейтблат. – М., 1991. – 224 с.

Ремнёв, А. В. Колония или окраина?: Сибирь в имперском дискурсе XIX в. / А. В. Ремнёв // Российская империя: стратегии стабилизации и опыта обновления. – Воронеж, 2004. – С. 112–143.

Ремнёв, А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) / А. В. Ремнёв // *Ab Imperio*. – 2000. – № 3–4. – С. 343–358.

Ремнёв, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнёв. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. – 552 с.

Ремнёв, А. В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX вв. / А. В. Ремнёв // Российская империя в сравнительной перспективе / под ред. А. И. Миллера. М. : Новое изд-во, 2004. – С. 286–319.

Ремнёв, А. В. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации / А. В. Ремнёв, Н. Г. Суворова // Исторические записки. – 2008. – № 11 (29). – С. 132–179.

Ремнёв, А. В. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // *Полития*. 2010. № 3–4 (58–59). С. 150–191.

Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М. : Круг, 2011. – 560 с.

Римский, С. В. Российская церковь в эпоху Великих реформ / С. В. Римский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – 567 с.

Римский, С. В. Русская православная церковь в XIX в. / С. В. Римский. – Ростов н/Д: ДЮИ, 1997. – 384 с

Родигина, Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. / Н. Н. Родигина. – Новосибирск, 2006. – 343 с.

Родигина, Н. Н. Тема Сибири в частных и официальных педагогических журналах второй половины XIX – начала XX в. / Н. Н. Родигина, Т. А. Кузнецова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 4. – С. 19–23.

Рыбкин, Г. Ф. Православие на службе самодержавие в России / Г. Ф. Рыбкин. – М.: Безбожник, 1930. – 56 с.

Рубакин, Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы / Н. А. Рубакин. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 310 с.

Русакова, О. Ф. Философия и методология истории в XX в. / О. Ф. Русакова. – Екатеринбург: Изд-во УРО РАН, 2000. – 354 с.

Сандерланд, В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 / В. Сандерленд // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. – М., 2005. – С. 199–227.

Сборник исторических материалов о жизни и деятельности настоятеля Болховского Троицкого Оптиного Монастыря отца архимандрита Макария Глухарева. – Орел, 1897.

Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества: кн. 1, 2. – М.: тип. В. Готье, 1872. – 782 с.

Свешников, Н. А. Христианизация народов Нижнего Приобья / Н. А. Свешников // Ученые записки Енисейского гос. пед. ин-та. – 1959. – Вып. 3. – С. 91–111.

Сёмин, И. А. Государственная политика в отношении православного приходского духовенства: 1825 – 1870-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. А. Сёмин. М., 2006. – 34 с.

Сибирь в составе Российской империи. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

Симонова, Н. Б. Столетний юбилей Отечественной войны 1812 г. на страницах церковной печати западной Сибири / Н. Б. Симонова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 3. – С. 8–11.

Скобелев, С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины / С. Г. Скобелев. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1998. – 55 с.

Скутнев, А. В. Православное духовенство на закате империи / А. В. Скутнев. – Киров: КОГУЗ «Медицинский информационно-аналитический центр», 2009. – 235 с.

Слэзкин, Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 512 с.

Смирнов, Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / Н. А. Смирнов // Русское православие: вехи истории. – Режим доступа: http://books.atheism.ru/files/russkoe_pravoslavie.html (дата обращения: 27.04.2014).

Софронов, В. Ю. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII – начало XX вв.). / В. Ю. Софронов. – Тобольск, 2005. – Ч. 1. – 144 с.

Софронов, В. Ю. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX вв. : автореф. дис. ... док. ист. наук / В. Ю. Софронов. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. института, 2007. – 51 с.

Суворова, Н. Г. Православные миссионеры о степном колонизаторе (по материалам Омских Епархиальных ведомостей начала XX в.) / Н. Г.

Суворова // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: Тезисы докладов и сообщений VI Международной науч. конф. – Омск, 2009. – С. 70–74.

Тимофеева, И. С. «Церковные ведомости» 1888–1918. История издания: дис. ... канд. филол. наук / И. С. Тимофеева. – М., 2007. – 229 с.

Типология периодической печати : учеб. пос. / под ред. Я. Н. Засурского. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 144 с.

Тресвятский, Л. А. Влияния православной культуры на духовную жизнь в Сибири в XVII – начале XX вв.: научное издание / Л. А. Тресвятский. – Новокузнецк: Изд-во МОУ ДПО ИПК, 2006. – 236 с.

Уманский, А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках / А. П. Уманский. – Новосибирск, 1980. – 294 с.

Ухтомский, Э. Э. О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье / Э. Э. Ухтомский. – СПб. : Синод. тип., 1892. – 48 с.

Федоров, В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / В. А. Федоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 480 с.

Федоров, М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX вв.) / М. М. Федоров. – Якутск : Книжное изд-во, 1978. – 287 с.

Фриз, Г. Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России / Г. Л. Фриз // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 107–118.

Харлампович, К. Н. И. Ильминский и Алтайская миссия / К. Харлампович. – Казань : Центральная типография. 1905. – 78 с.

Харлампович, К. Н. Макарий Глухарев и Тобольские декабристы / К. Харлампович // Русский архив. – 1904. – Вып. 2. – С. 235–243.

Харченко, Л. Н. Распространение православной духовной литературы и духовного просвещения в Восточной Сибири (XVII первая половина XIX в.) / Л. Н. Харченко. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2001. – 208 с.

Харченко, Л. Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Очерк истории / Л. Н. Харченко. – СПб. : Нестор, 2004. – 178 с.

Цыпин, В. Церковное право: учеб. пос. / В. Цыпин. – М. : Изд-во МФТИ, 1996. – 442 с.

Цысь, О. П. Сургутская православная миссия 1867–1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности / О. П. Цысь // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. – 2012. – Вып. 3. – С. 16–29.

Чижов, Р. В. Роль периодической печати в консолидации регионального культурного сообщества (на примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей» 1860–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. культурологии / Р. В. Чижов. – М., 2006. – 21 с.

Чиркин, Г. О задачах колонизационной политики в Сибири / Г. Чиркин // Вопросы колонизации. – 1911. – № 8. – С. 1–37.

Шавельский, Г. И. Русская церковь пред революцией / Г. И. Шавельский. – М. : Изд-во Артос-Медиа, 2005. – 510 с.

Шагжина, З. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Забайкалье (вторая половина XVII – начале XX вв.) : автореф. ... канд. ист. наук / З. А. Шагжина. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2000. – 30 с.

Шашков, С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии / С. С. Шашков // Собрание сочинений С. С. Шашкова. Исторические очерки. Исторические этюды. – Т. 2. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1898. – С. 548–632.

Шейнфельд, М. Б. Историография Сибири, конец XIX – начало XX в. : учеб. пособие / М. Б. Шейнфельд. – Красноярск : Краснояр. пед. ин-т, 1973. – 399 с.

Шиловский, М. В. Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. /

М. В. Шиловский // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. – Новосибирск, 2003. – С. 35–43.

Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность / Л. Б. Шнейдер. – М. : МОСУ, 2000. – 256 с.

Шорохов, Л. П. Церковь в Сибири в конце XVI–XVIII вв. / Л. П. Шорохов. – Новосибирск: Наука, 1971. – 233 с.

Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

Эткинд, А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. М. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

Эткинд, А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в траверлогах и интертекстах / А. М. Эткинд. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 496 с.

Юдельсон, А. М. Сибирь в русской социальной утопии: (к истории формирования образа) / А. М. Юдельсон // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX в. – Кемерово, 1997. – С. 128–138.

Юрганова, И. И. Из истории миссионерства в Якутии (публикация документов) / И. И. Юрганова // Якутский архив. – 2002. – № 3 (7). – С. 91–94.

Юрганова, И. И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории) / И. И. Юрганова. – Якутск: ООО «Академия», 2007. – 148 с.

Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 55 с.

Ядринцев, Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н. М. Ядринцев. – СПб. : Изд-ние И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

Bassin, M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East 1840–1865* / Mark Bassin. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

Geraci, R. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia* / Robert P. Geraci. – Ithaca and London : Cornell University Press, 2001. – 389 p.

Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky. – Ithaca and London : Cornell University Press, 2001. – 356 p.

Manchester, Laurie. *Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia* / Laurie Manchester. – Illinois : Northern Illinois University press, De Kalb., 2008.

Werth, Paul W. *At the Margins of Orthodoxy. Missions, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905* / Paul W. Werth. – Ithaca : Cornell University Press, 2002. – 275 p.